

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Вып. 2, 2005 Серия «История. Философия. Психология. Педагогика»

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

II

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(главный редактор)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
(зам. главного редактора)
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
(зам. главного редактора)
Ю. И. Баженов, д-р биол. наук
Г. А. Засобина, канд. пед. наук
М. В. Клюев, д-р хим. наук
В. Н. Куликов, д-р психол. наук
Л. Н. Маурин, д-р физ.-мат. наук
В. С. Меметов, д-р ист. наук
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
Д. И. Молдавский, канд. физ.-мат. наук
(ответственный секретарь)
А. Д. Ноздрачев, акад. РАН (С.-Петербург)
А. Н. Портнов, д-р филос. наук
К. Префке, проф. (Германия)
В. П. Раков, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Л. Е. Файн, д-р ист. наук
В. Н. Шуков, д-р экон. наук
Т. М. Явчуновская, канд. юрид. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. А. Корников, д-р ист. наук
Д. И. Польшвинный, д-р ист. наук
Г. А. Засобина, канд. пед. наук
А. Н. Портнов, д-р филос. наук

Над выпуском работали:

директор издательства **Л. В. Михеева**
редакторы **О. В. Батова**, **О. В. Боронина**,
О. Я. Литвак, **О. А. Кручинина**,
М. Б. Балябина

технический редактор **И. С. Сибирёва**
компьютерная верстка **Г. Б. Клецкина**
обложка **Р. Е. Круглов**

ISBN 5-7807-0508-9

Издательство «Ивановский
государственный университет», 2005

СОДЕРЖАНИЕ

История

Балдин К. Е. Первые шаги кооперативного движения в России (60—70-е гг. XIX в.) 3

Ильин Ю. А. Советская власть и крестьянство: усилия сторон по преодолению продовольственного кризиса в стране на рубеже 1917—1918 гг. 10

Карасева А. В. Жизнеописание Корнелия Непота в контексте римской традиции 19

Смирнова С. Т. Религиозное бытие человека XX века: опыты самопознания 32

Степанов А. В. Думское избирательное законодательство 1905 года: опыт непредвзятого анализа 45

Федотов А. А. Реформа приходского управления. Закрытие храмов как одно из важнейших направлений хрущевской антицерковной политики 52

Философия

Смирнов Г. С. Философия сознания и ноосферы: научная школа в университетском обществе 59

Тимофеев М. Ю. История формирования семиосферы города Иванова (1871—1991) 78

Портнов А. Н. Философская и психологическая антропология Л. Клагеса 94

Психология

Агеева З. А. Личностные аспекты одиночества 105

Попель Н. В., Вергазова Е. В. Особенности самооценки людей в пожилом возрасте **109**

Педагогика

Назаров В. И., Куклина Л. В., Жигалин А. А., Рычагов И. М. Некоторые подходы к оценке качества дистанционного образования в высшей школе **115**

Засобина Г. А., Кулаков К. В. Некоторые аспекты реализации Конвенции о правах ребенка в Российском законодательстве и на практике в детском доме **118**

Засобина Г. А., Корягина И. И. Проблемы изменения педагогической позиции взрослых в воспитательной системе школы гуманистического типа **125**

Нилова С. В. Сайт как форма сотворчества и критерий качества образования и управления **132**

Хроника

Хроника общественной жизни (март — май 2005 г.) **142**

Хроника международной жизни (апрель — май 2005 г.) **148**

Юбилей 153

Сведения об авторах **155**

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Выпуск 2**

Серия «История. Философия. Психология. Педагогика»

Подписано в печать 30.05.2005.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 13,7. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 150 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

* 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ' (0932) 35-63-81

ПЕРВЫЕ ШАГИ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ (60—70-е гг. XIX в.)

Статья посвящена истории первых потребительских кооперативов в России в 60—70-х гг. XIX в. Исследователь прослеживает влияние зарубежного опыта, революционно-демократического и либерального движений на кооперативы, анализирует особенности их экономической деятельности, а также причины гибели этих организаций.

This article is devoted to the history of the first consumer's co-operative societies in the sixties — seventies of the 19th century in Russia. The author investigates the influence of foreign experience and revolutionary-democratic and liberal movements on co-operation. He also analyses the main features of the economic activities of consumer's co-operative societies and the reasons of their destruction.

В 60—70 гг. XIX в. в России появляются первые кооперативные объединения в форме потребительских обществ. Именно к этому периоду относится зарождение в нашей стране кооперативного движения, которое в дальнейшем приобрело значительные масштабы, охватив миллионы крестьян, рабочих и представителей средних городских слоев.

Движение выросло не на пустом месте, для него имелись свои идейные и экономические предпосылки. Еще в конце XVIII — начале XIX в. в Западной Европе возникли первые потребительские и производственные кооперативы, которые послужили примером для аналогичных организаций в России. Однако нельзя утверждать, что кооперация возникла в России лишь под влиянием западного опыта. Значительную роль в этом сыграли общинные и артельные традиции коллективного труда и коллективного потребления, которые издавна существовали среди самых широких слоев населения.

Первые кооперативы появились в России в 60-х гг. XIX в. в обстановке общественного подъема, характерного для этого десятилетия. Либеральный курс правительства Александра II способствовал смягчению полицейско-охранительного режима, для русского общества конца 50-х — начала 60-х гг. все более характерными являлись гласность, открытость, постепенно реформировались самые одиозные государственные институты. В этих условиях оживились революционно-демократическое и либеральное движения, представители которых стали проводниками зародившихся в Европе кооперативных идей. Ослабление цензурного гнета в данный период позволяло распространять эти идеи в печати, в 60-х гг. в России вышли первые книги об ассоциациях, статьи, посвященные той же тематике, появились в популярных журналах.

С идеями кооперации познакомил читающую публику журнал «Современник» — главный идейный центр революционно-демократического движения. В январе 1859 г. на страницах журнала была опубликована статья о Р. Оуэне, в которой пропагандировалось его идейное наследие [14, с. 244]. Автором статьи, скрывшимся под псевдонимом Н. Т-нов, являлся Н. А. Доб-

ролюбов [9, с. 167]. Кооперативные идеи проводились и Н. Г. Чернышевским в его статье «Капитал и труд», а также в романе «Что делать?» [18, с. 169—176]. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов главное внимание уделяли производственным ассоциациям.

Первая публикация, посвященная европейским потребительским обществам, появилась в том же «Современнике». В ней речь шла о кооперативе в английском обществе Рочдейл. Статья была подписана инициалами И. К., по «Словарю псевдонимов» И. Ф. Масанова нам удалось установить, что ее автором был сотрудник журнала И. А. Конопасевич [7, с. 261; 9, с. 242]. В статье излагается история возникновения и развития рочдейлского общества, автор показывает его реальную пользу для неимущих слоев. Здесь же была дана подробная характеристика принципов построения кооперации, они к тому времени завоевали большую популярность на Западе.

Статья И. А. Конопасевича была, пожалуй, единственной публикацией в русской революционно-демократической печати, посвященной именно потребительским обществам. С легкой руки Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова пропаганда кооперативных идей в радикальной прессе велась весьма односторонне: восхвалялась лишь производственная кооперация, которая ставилась значительно выше потребительских обществ. Вслед за «Современником» журнал «Дело» писал, что при тогдашних «экономических затруднениях артель (производственная. — К. Б.)... могла бы представить такой верный якорь спасения, за который следовало бы ухватиться обеими руками; это тем более удобно, что русский рабочий не имеет надобности начинать с потребительских ассоциаций, а прямо мог бы взяться за производственные, то есть сразу стать выше английских, так и, в особенности, немецких работников» [4, с. 139].

Внимание революционных демократов к производственным ассоциациям (артелям) объяснялось, по нашему мнению, двумя причинами. Во-первых, они надеялись использовать их для практического осуществления социалистических идеалов в сфере производства. Путь к социализму через потребительские общества представлялся им более длительным и проблематичным. Во-вторых, нельзя не заметить того, что революционные демократы в своих программных документах вообще уделяли мало внимания сфере обращения и потребления, что было связано с идеализацией общины как производственной ячейки общества.

Со временем интерес революционных демократов к кооперации угас. В 60-е гг. у Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и вообще на страницах «Современника» кооперативная тематика занимала достаточно заметное место. Однако у иного поколения идейных вождей революционной демократии — М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева и других — кооперативные идеи не вызывали какого-либо интереса.

В отличие от революционных демократов значительное внимание уделяли кооперации либералы, их интерес к потребительским обществам был более глубоким и долговременным. Русские либералы считали своими учителями на кооперативном поприще Р. Оуэна и Ш. Фурье, а также Г. Шульце-Делича [17, с. 5].

Первая оригинальная русская работа, исходившая из этих общественных сфер, была опубликована в 1858 г. В. Садовским, испытавшим значительное влияние идей Г. Шульце-Делича [11]. Через год вышла книга

Ф. Геркнера, который рассматривал значение кооперации в общем контексте рабочего вопроса. Ф. Геркнер считал, что кооперация должна обязательно привиться на русской почве и спасти рабочих от обнищания [5].

Большое внимание кооперации уделили ученые-экономисты, представители либеральных кругов Н. Зибер и А. Чупров. Последний опубликовал в 60-х гг. в «Отечественных записках» и других журналах ряд статей об успехах кооперации на Западе (см., напр.: [1]). Н. Зибер в 1869 г. выпустил книгу «Потребительные общества», в которой на основе статистических данных доказывал несомненную пользу потребительских обществ для рабочих и других слоев населения [6].

Ярым сторонником кооперации, к мнению которого прислушивались довольно широкие круги общества, был А. К. Шеллер-Михайлов, известный писатель второй половины XIX в. Из под его пера вышли популярные очерки о кооперации, опубликованные в журнале «Дело». В 1871 г. увидела свет его книга «Ассоциации». В ней А. К. Шеллер-Михайлов с сожалением констатировал, что пролетариат и на Западе, и в России находится в положении, которое иначе как бедственным назвать нельзя. Все это толкает рабочих к стачкам, дающим трудящимся в случае их успеха лишь временное облегчение. А. К. Шеллер-Михайлов стремился доказать, что реальное и долговременное повышение жизненного уровня могут принести лишь производственные, потребительские, кредитные ассоциации. Их несомненное преимущество состоит в том, что они решают важную проблему ненасильственными цивилизованными методами. «Это мирный путь, который в настоящее время только намечен, но по которому, вероятно, пойдет рабочее сословие», — отмечал автор «Ассоциаций». Далее он писал: «Я не понимаю экспроприации орудий производства... Жди, когда такое время настанет!... Я разделяю либеральное направление» (цит. по: [15, с. 104]).

Особняком как от революционных демократов, так и от либералов стоял Николай Баллин. Увлечшись в 60-е гг. кооперацией, он посетил Западную Европу, побывал в Англии, Германии, Франции, познакомился с деятельностью ряда потребительских обществ, в том числе рочдейлского. В 1869 г. Н. П. Баллин присутствовал на конгрессе английских кооперативов. Присмотревшись к западному кооперативному движению, он широко пропагандировал его успехи в России [10, с. 13; 17, с. 6].

Обширным был круг общественных связей Н. П. Баллина. Он был близок с петрашевцами, в том числе с Ф. М. Достоевским, Н. Г. Чернышевским, Н. П. Огаревым, Н. А. Серно-Соловьевичем. Н. П. Баллин отвергал всякое насилие в деле преобразования общества. Он иллюзорно полагал, что прогресс должен идти вперед мирным путем и одну из главных ролей в этом призвана сыграть кооперация, которая способна не только изменить общественное устройство, но и перевоспитать человека. Н. П. Баллин преклонялся перед западными основоположниками утопического социализма. На склоне своих лет он с гордостью говорил: «Я — ученик Фурье!»

Все его представления о кооперации были окрашены наивным, но подкупающим своей искренностью романтизмом. Н. П. Баллин, например, был уверен, что в основе кооперации «лежит любовь и дружба» [3, с. 296]. Основным звеном в системе кооперации Н. П. Баллин считал потребительские общества: предостерегая от чрезмерного увлечения производственными и кредитными ассоциациями, он ставил в пример Англию, где потребительские

общества получили наибольшее развитие [2, с. II—III]. Во взглядах Н. П. Баллина можно проследить отдельные элементы кооперативных программ как революционных демократов, так и либералов. Но скорее его можно назвать родоначальником кооперативного реформизма в России, для которого кооперация была даже не средством преобразования общества, а самоцелью.

Как уже было сказано, в 60—70-е гг. для распространения кооперации в России складывались внешне благоприятные условия. В правительственных верхах довольно благосклонно отнеслись к новому на русской почве явлению. Там, в частности, считали, что кооперативы будут способствовать смягчению социальной напряженности и помогут избежать пауперизации широких слоев населения. Правительственная комиссия по пересмотру фабричного и ремесленного уставов пришла к следующему заключению: «Существование промысловых артелей и ремесленных союзов доказывает, что наш народ не чужд понятия о преимуществах кооперации. Рабочий класс не вдруг, а, может быть, нападет на мысль соединить свои разрозненные силы и денежные средства там, где ассоциация труда и капитала особенно применима» [16, с. 43—44].

С середины 60-х гг. в России стали одно за другим открываться потребительские общества. Сначала они возникли в северо-западном регионе. В Петербурге в 1863 г. открылось немецкое общество взаимопомощи «Пальма». Вскоре среди его членов зародилась мысль о создании потребительской ассоциации по образу и подобию тех организаций, которые уже существовали в Германии. В начале 1865 г. 18 членов «Пальмы» — в большинстве своем ремесленники — основали кооператив «Бережливость». Устава или какого-либо другого документа, регулировавшего деятельность потребительского общества, здесь не было. Торговля началась в апреле 1865 г., закупки товаров производились оптом по низким ценам через немецких посредников, покупателям товары продавались также значительно дешевле, чем в других столичных магазинах. Со временем социальный состав кооператива расширился, кроме ремесленников сюда вошли люди зажиточные. Деятельным членом правления был генерал, в лавку «Бережливости» в своих экипажах приезжали за покупками разряженные дамы.

В «Бережливости» было весьма ощутимым влияние немецкого кооперативного движения. Один из основателей потребительского общества — химик Гирш ездил в середине 1865 г. в Пруссию, чтобы поближе познакомиться с немецкими ассоциациями. Он даже выступил в прусском ландтаге, где рассказал о проникновении идей кооперации в Россию. Подчеркнув, что все это есть не что иное, как проявление «культурной миссии» немцев, и заканчивая свою речь, Гирш повторил слова Г. Шульце-Делича: «Там, где появляется немец, он приносит с собой, кроме танцевального и певческого общества, и кооперацию как основу своего социального положения» (см.: [16, с. 43—44]).

Первым уставным потребительским обществом в России следует считать кооператив, созданный в Риге. Его основателями были также лица немецкого происхождения — советник губернского правления Александр Блюменбах и учитель гимназии Карл Клемм. Устав общества был утвержден 23 октября 1865 г., а его деятельность началась в январе 1866 г. В кооператив входили латыши, русские, эстонцы, евреи и, конечно же, его организаторы — немцы, они же составляли большинство членов этого потребительского об-

щества. Первоначально этот кооператив не имел своей лавки и торговал на основе скидок цен на товары, магазин был открыт лишь в 1867 г. Рижское потребительское общество просуществовало шесть лет, в 1872 г. оно было распущено [16, с. 44—45; 10, с. 20].

Список кооперативов, помещенный в 1875 г. в «Сборнике материалов об артелях в России», свидетельствует о том, что в 1865—1867 гг. большинство потребительских обществ в стране, и в частности в северо-западном регионе, было создано немцами [12, с. 391—394]. Помимо Петербурга и Риги кооперативы открылись затем в целом ряде городов Прибалтики — в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях. Потребительские общества 1865—1867 гг. на северо-западе возникали в значительной степени как защитная реакция населения на рост цен, они ставили своей основной целью «сбережение», не преследуя никаких других целей.

Наряду с немецкими организациями на северо-западе, потребительские общества возникли на юге России. Они отличались от кооперативов Петербурга и Риги тем, что были русскими или украинскими по своему национальному составу; кроме того, наряду со «сбережением», в них нередко ставились и другие цели — идейные. Инициатором создания кооперативов на юге России выступила интеллигенция, в частности, в Киеве и Харькове — профессора местных университетов, в Чернигове и Таганроге — учителя гимназий и семинарий и т. д.

Наиболее крупным и деятельным потребительским обществом в этом регионе было тогда Харьковское, и не случайно. Харьков уже в первой половине XIX в. являлся крупным культурным центром России. В 1804 г. в городе был открыт университет, а в 60-е гг. в профессорско-преподавательскую среду проникли идеи кооперации. Теории Ш. Фурье и Р. Оуэна вдохновили профессоров Н. Н. Бекетова, Е. С. Гордиенко и других, которые пытались проповедовать их с университетской кафедры. Именно они, а также А. А. Бриллиантов и упоминавшийся выше Н. П. Баллин выступили организаторами потребительского общества, разработали и подали на утверждение устав. В октябре 1866 г. состоялось учредительное собрание кооператива, на котором присутствовали 26 человек, председателем правления был избран профессор Гарниц-Гарницкий. В начале 1867 г. открылась лавка общества. При ней работали: столовая, швейная мастерская и небольшой завод минеральных вод. В конце 1867 г. в харьковском кооперативе насчитывалось 356 членов, в конце 1868 г. — 514 [8, с. 8, 9, 11; 16, с. 46—47].

Для понимания кооперации тех лет важное значение имеет изучение состава участников потребительских обществ. Уровень их материального благосостояния наглядно характеризуется размером паевых взносов в кооперативах. В большинстве обществ (Харьковское, Таганрогское, Изюмское и др.) они составляли 50 р., в столичной «Бережливости» и некоторых других организациях пай достигал 100 р. [10, с. 19; 12, с. 350; 16, с. 43]. Такие деньги, даже в рассрочку, не мог внести рядовой рабочий, мелкий ремесленник или приказчик. В потребительские общества в рассматриваемые годы шел в основном «средний класс», т. е. достаточно обеспеченные непролетарские городские слои. Об этом свидетельствовал и ассортимент товаров в первых потребительских обществах. Так, костромской кооператив в большом количестве торговал конфетами, николаевское же общество на юге России выпивало вина с Мальты, сардины и пикули — из Марселя, финики и кофе —

из Александрии. Петербургская «Бережливость» получила известность благодаря широкому выбору «туалетных товаров» [16, с. 51—52]. Руководители потребительских обществ не стремились привлекать неимущие слои в организации.

Люди, приходившие в эти годы в потребительские общества, ставили перед собой различные цели, порой далеко отстоявшие от подлинных нужд трудового человека. Особое место среди членов данных организаций занимали кооператоры-энтузиасты, которые выступали учредителями новых ассоциаций, из них формировались правления и другие руководящие органы, они же вели всю организационную и коммерческую работу в кооперативах.

Любопытно, что в потребительских обществах 60—70-х гг. было много людей, пришедших сюда в значительной степени случайно. Тогда участие в каком-либо «общественном деле» стало своего рода модой, и люди вступали в кооперативы под влиянием этого настроения. Большинство из них быстро охладевали к кооперации и не принимали никакого участия в жизни потребительских обществ. «Отношение членов к обществам поражает своей пассивностью», — с сожалением констатировали в этой связи в 1871 г. «Отечественные записки» [13, с. 251].

Значительное участие в потребительских обществах принимали члены «коммерсанты», т. е. те, кто интересовался лишь материальной выгодой. Их влияние в некоторых кооперативах было довольно сильным. Так, в решении одного из столичных потребительских обществ было записано, что оно является коллективным коммерсантом и «эксплуатирует среду вне его» [16, с. 52]. Попытки идейных кооператоров как-то ограничить прибыли этих участников ассоциаций и ассигновать часть дивидендов на просветительные и благотворительные нужды вызывали недовольство у «коммерсантов». Так, в киевском потребительском обществе после решения его правления о понижении прибыли на паи (эти дивиденды выдавались ежегодно) крупные пайщики стали выходить из кооператива, а харьковское общество покинули сразу 156 человек, недовольных тем, что их прибыли уменьшились [16, с. 47, 49].

Общий анализ состава городских потребительских обществ 60—70-х гг. убеждает в том, что в них почти не оказалось людей, для которых кооперация была бы жизненной необходимостью. Рабочие, мелкие ремесленники и другие малообеспеченные слои в большинстве своем пока не были готовы к участию в кооперативах. Они не обладали опытом общественной деятельности, ни даже простыми навыками участия в общественных организациях. Даже тогда, когда рабочие выражали желание вступить в тот или иной кооператив, путь им преграждали высокие размеры паев и нежелание руководителей «потребилотов» принимать «простолюдинов» в свои ассоциации.

Большинство кооперативов 60—70-х гг. быстро прекращало свое существование. Фатальную роль в жизни многих потребительских обществ играла бесхозяйственность. Например, нередко кооператоры, незнакомые с рыночной конъюнктурой, открывали лишние лавки или производственные предприятия, выпускавшие убыточную продукцию. Расходы на первоначальное обзаведение также делались нерасчетливо. Скажем, в одном потребительском обществе из паевого капитала в 20 тыс. р. только на торговый инвентарь было потрачено 12 тыс. р.

Бухгалтерские дела многих первых кооперативов велись крайне беспечно, в делопроизводстве наблюдался зачастую полный хаос. Делая заказы,

руководители ассоциаций порой не видели разницы между товарами первой необходимости и предметами роскоши, это тоже приводило к убыткам [10, с. 17—18]. Крупным недостатком было отсутствие подлинной самостоятельности в первых потребительских обществах. Дела вела, как правило, лишь небольшая группа людей, фактически — правление общества. Эффективного контроля за их деятельностью практически не было, это создавало почву для различного рода злоупотреблений, если в правление проходили недобросовестные люди.

Весьма несовершенными были уставы первых потребительских обществ. В них ставились далеко идущие цели, подчас трудные для практического осуществления. В то же время составители уставов пренебрегали организационными «мелочами», которые на деле были важными для текущей работы кооперативов.

Все это вместе взятое стало причиной ликвидации большинства ранних потребительских обществ. По данным А. В. Меркулова, из 76 организаций, созданных в 1865—1870 гг., до начала XX в. дожили лишь 5 [10, с. 19]. Причем срок существования кооперативов был очень невелик и составлял иногда 2—3 года. История большинства таких обществ была стереотипной. Первый год работы характеризовался горячим энтузиазмом руководителей, притоком десятков и даже сотен рядовых членов; строились широкие планы, открывались магазины, производственные предприятия. Но уже во второй год эйфория обычно спадала, даже у активистов не хватало энергии для длительной, повседневной работы. Начинались склоки внутри общества, нарастала пассивность рядовых участников, общие собрания посещало все меньшее число членов. В конечном итоге из-за неумелости и бесхозяйственности правления организация оказывалась в тяжелом финансовом положении, при этом рядовые члены вместо помощи кооперативу забирали из него свои пай, тем самым ускоряя его ликвидацию. Именно по такой схеме с небольшими вариациями развивалось большинство ранних потребительских обществ. Многие кооперативы, созданные во второй половине 60-х гг., прекратили свое существование уже в 70-е гг.

В целом, ранние потребительские кооперативы, возникшие в России в 60—70-х гг. XIX в., были сравнительно небольшими и экономически мало мощными организациями. Их деятельность основывалась почти исключительно на западном опыте, почерпнутом из литературы. Практическая работа этих организаций была далеко не всегда удачной, так как они ориентировались на те социальные слои, которые объективно не нуждались в услугах кооперации. Вместе с тем положительное значение потребительских обществ 60—70-х гг. состояло в том, что в них были накоплены первые крупницы отечественного кооперативного опыта, как положительного, так и отрицательного. В дальнейшем, в конце 70—80-х гг. XIX в., кооперативное движение, вооруженное этим опытом, охватило уже иной социальный слой — рабочих, для которых эти организации приносили ощутимую материальную пользу.

Библиографический список

1. А. Ч. [Чупров А. И.] Успехи кооперации в Италии и Германии // Отеч. записки. 1867. № 11.
2. Баллин Н. П. Кооперация на Западе: Рабочие союзы в Англии. СПб., 1871.

3. *Баренбаум И.* Мемуары Н. П. Баллина и общественное движение в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1970.
4. *Гдб* [Гайдебуров П. А.] Социально-экономические попытки в России // Дело. 1868. № 5.
5. *Геркнер Ф.* О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния. СПб., 1860.
6. *Зибер Н.* Потребительные общества. Киев, 1869.
7. *И. К.* [Конопасевич И. А.] Рочдейлское общество взаимного вспомоществования // Современник. 1859. № 1.
8. *Марков В. И.* Пионеры южно-русской кооперации: Н. П. Баллин и его сотрудники. Харьков, 1919.
9. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов: В 4 т. М., 1960. Т. 4.
10. *Меркулов А. В.* Исторический очерк потребительской кооперации в России. М., 1919.
11. *Садовский В.* О развитии ассоциаций как меры государственного благоустройства. Одесса, 1858.
12. Сборник материалов об артелях в России: Потребительные общества. СПб., 1875.
13. *С-кий П.* Исторический очерк кооперативных учреждений в России // Отеч. записки. 1871. № 12.
14. *Т-нов Н.* [Добролюбов Н. А.] Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ // Современник. 1859. № 1.
15. *Фаресов А. И.* Шеллер (А. Михайлов). СПб., 1901.
16. *Хейсин М. Л.* История кооперации в России. Л., 1926.
17. *Хейсин М. Л.* 50 лет потребительской кооперации в России. М., 1915.
18. *Чернышевский Н. Г.* Что делать ? // Собр. соч.: В 5 т. М., 1974. Т. 1.

Ю. А. Ильин

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО: УСИЛИЯ СТОРОН ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА В СТРАНЕ НА РУБЕЖЕ 1917—1918 гг.

Рассматриваются разные подходы Советов и крестьянства к решению продовольственного вопроса на рубеже 1917—1918 гг. Советская власть искала путь спасения в отмене хлебной монополии, упразднении крупного торгового капитала и поощрении мелкотоварных связей города и деревни. Крестьянство считало, что решение продовольственного вопроса возможно с помощью кооперации, частной торговли и контроля общественных структур.

Два субъекта действовали в рамках демократического варианта решения проблемы. Результат — минимальный, ибо не учитывались чрезвычайные условия решения проблемы, а они диктовали необходимость восстановления хлебной монополии.

The article considers different points of view Soviet power and peasantry to decision of food problem in this period. Soviets look for saving in abolition of bread

monopoly, big trading capital and development of peasantry commerce. The peasantry hoped for cooperative societies, private trade and control of public structures.

Two parties acted in limits of democratic version of solution. The result was minimum. They did not realized, that democracy and bread monopoly were actual in those crisis days.

Взяв власть, Советы возложили на себя бремя разрешения продовольственной проблемы в стране. Острота ее проявления в потребляющих регионах и на фронтах способствовала распространению «красногвардейской атаки» новых властей на продовольственный аппарат поверженных режимов. В чем конкретно это заключалось? В упорном игнорировании стратегических и тактических наработок заготовительно-распределительных механизмов царского и Временного буржуазного правительств в данной сфере хозяйствования¹.

Большевики нарушили чрезвычайный статус старого аппарата, его полномочия в правительстве и на местах, и тем самым обрекли его на бессилие и поражение в борьбе с голодом в стране. Имеется в виду постановление Совнаркома от 27 октября 1917 г. о расширении прав органов самоуправления (т. е. создававшихся Советов) в деле заготовок и распределения продовольствия². Все это вносило хаос, дезорганизацию на местах. Было неясно, кому же принадлежит инициатива и приоритет в правах по заготовке и доставке продовольствия от заготовителей к потребителям на общенациональном уровне.

Что касается крестьянства, то его представители в центре, в частности делегаты II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (26 ноября 1917 г.), видели выход из кризиса обменных операций города и деревни в установлении строжайшего контроля крестьян, рабочих и служащих над производством и потреблением. Эту функцию должен исполнять Совнархоз при СНК и соответствующие отделы Советов на местах. Плановая деятельность последних должна строиться с учетом интересов и при активном участии представителей крестьянских организаций³. То есть они высказывались за общедемократический вариант налаживания цивилизованных, «справедливых» обменных операций на рынке продовольствия.

Если крестьянство, организованное по линии Советов, различных общественно-политических объединений, пыталось цивилизованно договориться с властями о принятии ими демократического варианта урегулирования продовольственного вопроса в стране, то широкие слои сельского населения сами явочным порядком, «снизу» взяли за его разрешение. Держатели хлеба с увлечением окунулись в стихию частного товарообмена, поняв, что в условиях продовольственного кризиса можно «надавить» на город с максимальной для себя выгодой и получить наконец так необходимые деревне товары. Крестьянство потребляющих регионов стало осаждать продуправы просьбами и требованиями выдать им удостоверения на право свободной закупки и провоза хлеба до места жительства. Так характеризовали сложившуюся ситуацию власти центральных губерний России: «Развращенная мешочничеством деревня, не чувствуя твердости принуждения со стороны властей, не считает нужным идти навстречу государству, отдавать излишки хлеба»⁴. А газета «Народное дело» сообщала в те дни, что Пермская областная продуправа «осаждается мешочниками. Приходят толпами. Требуют выдачи разрешений на вывоз муки. И, в случае отказа, угрожают “взять всех

на штыки"...»⁵. Приведем текст из телефонограммы Уфимского губпродкома Московскому областному продкому (ноябрь 1917 г.): «Наплыв мешочников угрожает полной остановкой железнодорожного движения, крупным нарушением общественного порядка и прекращением в порядке монополии заготовок хлеба для населения и армии...»⁶.

Рыночная лихорадка охватила огромное число людей в стране. К этому времени сложились в буквальном смысле «царства спекуляции и мешочничества» (Курская и Калужская губернии), перевозчики продовольствия прочно «оседлали» поезда, двигавшиеся по линии Московско-Казанской и Урало-Рязанской железных дорог⁷. Так, по данным Калужского комиссариата земледелия в 627 селениях губернии (это 30 % общего числа населенных пунктов) на вопрос анкеты, практикуется ли у них мешочничество, положительно ответили 94 % населенных пунктов и только 6 % — отрицательно. По мнению Н. Д. Кондратьева, это 40 % населения губернии (по анкете — 187 436 человек). Из них с хлебом вернулось 93 727 человек (50 %). В среднем один мешочник привозил 9,9 пудов хлеба. Таким образом, ввоз хлеба мешочниками в губернию за август — декабрь 1917 г. составил около 3 065 370 пудов или в 2,7 раза больше, чем ввезли продкомы в губернию (1 156 000 пудов)⁸. Это явление повального тяготения сельского и городского населения к рыночной стихии объяснялось эффектом наложения продовольственного кризиса на разрыв хозяйственных связей отдельных регионов страны, который, в свою очередь, усугубился сменой политических режимов.

Явления спекуляции и мешочничества порождали опасные тенденции для пролетарского государства. Выделим важнейшие из них:

1) парализация — в значительной степени — деятельности продкомов на местах, недоверие к ним голодающего населения. Все это подрывало доверие к самой Советской власти. И тут у местных советских работников заговорил инстинкт самосохранения: они или пошли на прямое введение свободной торговли и отмену хлебной монополии (Казанский, Нижегородский губпродкомы), или придали последней узко-местнический характер, со значительными уступками сельским товаропроизводителям (Вятский, Самарский, Воронежский, Курский губпродкомы)⁹;

2) стремительный перевод коммерческих сделок между городом и деревней из плоскости денежного эквивалента в натуральный товарообмен. В условиях безудержного роста цен на хлеб при инфляции рубля деревня быстро насытилась денежно-бумажным эквивалентом промышленных товаров и явно тяготела к товарообмену с городом. «Деревня завалена деньгами: деньги измеряются не счетом рублей, а фунтами»¹⁰. Синдром тяги к деньгам у крестьян — производителей хлеба уходил в небытие. Что это значило для государства? Невозможность дальше обеспечивать прожиточный минимум населения путем задействования печатного станка и повышенных денежных выплат фабрично-заводским рабочим. Узел продовольственных проблем затягивался туже: для его распутывания уже требовались не бумажные деньги, а реальный товар, причем товар, необходимый крестьянскому хозяйству. Таков был ответ крестьянства, а пока, ожидая благоприятного для него ответа со стороны государства, новых властей, оно придерживало хлеб у себя в закромах;

3) агрессивно-наступательный характер действий крестьянства в отношении новых властей («самогонные эпидемии», зарытие зерна в землю, хра-

нение необмолоченных снопов в скирдах, стравливание хлеба скоту и птице, террор по отношению к властям и железнодорожной администрации, вооруженные батальоны с Красной гвардией и т. д.). Из письма М. Скопина, крестьянина Слободского уезда Вятской губернии, председателю местного Совета рабочих и крестьянских депутатов (осень 1917 г.): «Мы, крестьяне, хлеба все-таки к вам не повезем <...> А если придете силой отнимать, мы вас встретим дубьем...»¹¹ В отчете Иванова, уполномоченного Тверского губпродкома, отмечалось: «...в Воронежской губернии было предпринято две попытки реквизировать хлеб вооруженной силой. В первом случае военный отряд был встречен бомбами и гранатами, а во втором — крестьяне заявили, что взять хлеб отряду удастся лишь переступив через их трупы...»¹² На совещании Московского городского продкома с представителями от железных дорог (2 января 1918 г.) констатировалось: «...все пассажирские поезда берутся мешочниками с бою. Наконец наглость мешочников дошла до того, что они чинят насилия над железнодорожными агентами, сами составляют поезда и, несмотря на опасность крушений, отправляют их под угрозой кровавой расправы со служащими...»¹³ В воспоминаниях писателя И. В. Наживина так передавалась вражда крестьян Владимирской губернии к городу: «Нет уж, коли на то пошло, так я лучше сам своими руками сожгу все, а дармоедов кормить по таксии <таксе> не буду...»¹⁴ Аналогичные сообщения шли из Пензенской, Курской и других губерний¹⁵.

На рубеже 1917—1918 гг. государству стало ясно, что дальнейшее сохранение политики статус-кво в сфере снабжения населения невозможно, необходимы решительные меры в направлении регуляции продовольственного рынка с перспективой, или усиления действующей хлебной монополии, или ее трансформации в легальную частную торговлю. Государство пошло на ответные действия, которые образно представляли собой «перевернутую пирамиду» мер борьбы с голодом. Так, режим начал не с создания сильного продовольственного центра, а, наоборот, с децентрализации и специализации высших заготовительно-распределительных структур. Проявилось это в подтверждении и развитии государственных монополий на предметы ширпотреба с оформлением соответствующих управленческих структур (ВСНХ, областные СНХ, Центрочай, Центромыло, Главсахар, Центропатока, Центрмашина и т. д.), на фоне которых, и то символично, выделялся Наркомпрод (в силу прямой принадлежности к СНК).

Другое направление деятельности центральных продовольственных структур — делегирование своих прав по заготовке и распределению продовольственных и промышленных товаров на места крупным территориальным продовольственным образованиям, напрямую подчиненным провинциальным и столичным Советам.

Третье направление деятельности — усиление борьбы с неорганизованным мешочничеством и спекуляцией со стороны держателей хлеба. На январь — март 1918 г. пришло время ожесточенной борьбы государства и многотысячных масс спекулянтов и мешочников за сферу влияния на железнодорожном транспорте (механизм массовой переброски товаров из города в деревню и обратно).

Результаты этой борьбы против мешочников и спекулянтов оказались неудовлетворительными. Масштабы рыночной торговли продовольствием не уменьшились, изменились лишь формы ее, она стала менее наглядной, при-

няла адресно-заказной характер доставки продуктов до потребителя. Мешочники научились обходить запреты и ограничения столичных властей: не доезжая до узловых станций, они разгружали товар и продавали поджидавшим их оптовикам, те на гужевом транспорте доставляли продовольствие в город и сбывали груз жителям¹⁶. В регионах же, на узловых станциях, разворачивались настоящие бои между мешочниками и красногвардейцами, исход которых зачастую был не в пользу последних. Как эта политика властей отражалась на интересах рядовых граждан, видно из статьи Белоруссова, помещенной в газете «Русские ведомости» 22 февраля 1918 г., где говорилось, что мешочничество — «варварский способ снабжения, но достаточно эффективный. Теперь ему объявляют войну. Война эта началась месяц назад. Мешочников ловили, обыскивали и реквизировали хлеб. На станциях узловых шли настоящие бои и это “вкладывалось” в стоимость хлеба. В Москве за 3 недели цена на муку поднялась с 70—80 рублей за пуд до 120—140 рублей». В докладах Московского городского продкома за январь 1918 г. указывалось, что зачастую репрессивные меры против мешочников и спекулянтов обрушивались на законопослушных граждан, везших по железной дороге продукты питания по нормам, установленным самими же продовольственными организациями. В отчете продовольственной инспекции Московского городского продкома за период с декабря 1917 г. по февраль 1918 г. содержалось признание, что «борьба с мешочничеством не имела больших успехов и результатов, требуется много времени и сил, а главное надежной вооруженной силы»¹⁷.

Каков же был итог деятельности крупных продовольственных организаций страны и центра в урегулировании рынка продовольствия, обеспечения населения прожиточным минимумом в январе — марте 1918 г.? Воспользуемся статистическими данными о прибытии хлебных грузов в голодающие губернии центра России за указанный период (см. табл.).

Поступление хлебных грузов в адрес голодающих губерний и уездов центра России в декабре 1917 г. — марте 1918 г. (в вагонах)¹⁸

Время поступления	Тверская губерния	Нижегородская губерния	г. Москва	Иваново-Вознесенский уезд	Новгородская губерния
1917 г.					
Декабрь	113	н. д.	494	77	н. д.
1918 г.					
Январь	39	н. д.	275	23	н. д.
Февраль	20	16	153	15	67
Март	221	180	719	51	112

Из таблицы видно, что продовольственное снабжение населения Промышленного центра резко ухудшилось уже в январе 1918 г., а в феврале началась массовая голодовка горожан и крестьянской бедноты данного региона (в Иваново-Вознесенском уезде в январе выдавалось на человека всего 4 фунта муки, тогда как в октябре — декабре 1917 г. ежемесячно от 5 до 8 фунтов хлеба; в Москве на едока выдавалось в декабре 1917 г., январе и феврале 1918 г. соответственно 12,75, 7,75 и 7 фунтов)¹⁹. В марте же 1918 г. наблюдался резкий скачок поставок продгрузов в адрес вышеуказанных губерний

(по Тверской губернии — в 11 раз по сравнению с февралем 1918 г., Иваново-Вознесенскому уезду — в 3,4 раза, Нижегородской губернии — в 11,2 раза, по Москве — в 4,7 раза). Во многих местностях, указанных в таблице, данный показатель за март 1918 г. был выше аналога за декабрь 1917 г. За март 1918 г. выполняемость назначенных нарядов продовольствия для Москвы поднялась с 13 % до 45 %. По стране в целом такой показатель составил 50—60 % (для сравнения: в октябре 1917 г. — лишь 20 %) ²⁰. Как видим, позитивный результат налицо. Однако из-за роста числа голодающих это позволило в лучшем случае заморозить нормы выдачи хлеба в марте на уровне января 1918 г. (по Москве соответственно 7,75 и 7,75 фунтов на едока).

Усилиями государства, главным образом крупных заготовительных организаций, удалось приостановить «триумфальное шествие призрака голодной смерти» в стране, стабилизировать ситуацию на уровне полуголодных норм выдачи продовольствия последних месяцев 1917 г. Приобретенный опыт в деле заготовки и снабжения населения показал, что можно получить хлеб из деревни экономическим путем, сохраняя демократический принцип политических взаимоотношений города и деревни, через товарообмен. Но опыт выявил и недостатки в существовавшей организации заготовительного дела, напрямую поставил от лица губернского-областного звена продовольственного механизма вопрос о создании продовольственного центра с соответствующей сетью полномочных органов по стране.

Мелкотоварное крестьянство России имело свое видение решения продовольственного вопроса в стране. В период с октября 1917 г. по март 1918 г. представления сельского населения о возможностях и реальности свободной торговли претерпели существенные изменения: от слишком радужных надежд, восторженного упоения вольным рынком потребительских товаров (октябрь — декабрь 1917 г.) к осознанию прямой опасности для мелких товарных хозяйств спекулятивной торговли со всеми ее издержками — бесконтрольным ростом цен на жизненно важные товары крестьянского обихода, припрятыванием и перекупкой последних с целью взвинчивания цен и получения сверхприбыли (январь — март 1918 г.). Усиление продовольственных трудностей в самой деревне к весне 1918 г. вело к уходу крестьянства от рыночных миражей быстрого обогащения за счет голодающего города, в его среде начинается «дрейф» к цивилизованной фазе развития мелкотоварного потребительского рынка.

Позиция организованного по линии Советов крестьянства в вопросе налаживания товарных связей города и деревни, причем на равноправной основе, приобрела более осознанный и ясно выраженный характер в начале 1918 г. В этом плане интересна резолюция по продовольственному вопросу, принятая большинством съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Шуйского и части Ковровского уездов Владимирской губернии в марте 1918 г.: «2. Самая радикальная мера борьбы с рыночной спекуляцией — потребительская кооперация, в то же время принять меры к регулированию цен на частном рынке, не подрывая в этот тяжелый момент привлечения на рынок необходимых продуктов <...> 5. Привлечь кооперативы к самой непосредственной и близкой работе по продовольствию (заготовка и распределение). Принцип — 50 % закупок — в общеуездный котел, губернский отдел и 50 % — на месте...» ²¹

Здесь ясно проглядывало стремление местных крестьян в борьбе с продовольственным кризисом объединить усилия государства и активной, полнокровно развивавшейся кооперации. Эти высказывания совпадали с общими настроениями сельского населения Промышленного центра, северо-запада и севера РСФСР. Но были и отличительные моменты в подходах к данному вопросу, объяснявшиеся спецификой социально-экономического развития указанных местностей. Так, Вологодский уездный съезд крестьянских депутатов (31 января 1918 г.), вырабатывая меры борьбы с надвигавшимся голодом, призвал все население уезда объединяться в маслодельные артели: «...сдавать масло только в Союзе кооперативов, откуда оно может быть направлено в обмен на хлеб и другие продукты потребления <...> вся частная торговля должна сосредоточиться в руках кооперативов, так как это явится следующим средством борьбы со спекуляцией и мародерством»²². То есть главный упор уже делался на сильную кооперацию, что объяснялось исторически: северный край — цитадель кооперации Европейской России. А в решениях III Нижегородского губернского крестьянского съезда (январь 1918 г.) особо указывалось, что «наряду с широким привлечением кооперации к делу продовольственного снабжения нужно использовать в меру возможности весь еще оставшийся частный торговый аппарат, так как привлечение его к работе по продовольствию под особо строгим контролем диктуется государственной пользой и предупреждает развитие спекуляции»²³. Здесь уже допускалась мысль о задействовании частно-заготовительного механизма, видимо, сказалось традиционное развитие частной хлебной торговли в этом регионе. Аналогичные рекомендации шли от крестьянских форумов северной области²⁴.

Особо нужно сказать о позиции крестьянства производящих губерний. В решениях крестьянских губернских и уездных съездов преобладало мнение, что именно в государственных структурах следует видеть гарантию от продовольственных потрясений в стране. Роль кооперации рассматривалась как второстепенная, в плане использования ее товарных запасов и аппарата заготовок. Что касается частнохозяйственного механизма торговли, то он единодушно осуждался и предназначался мелкими товаропроизводителями к безусловному уничтожению (Спасский, Чистопольский и Царевкокшайский уезды Казанской губернии, Буинский уезд Симбирской губернии, Фатежский уезд Курской губернии, Пензенская губерния и др.)²⁵.

Среди экстренных мер по нормализации продовольственного положения на местах крестьяне часто называли пересмотр потребительских норм (для молодняка домашнего скота и птицы), переучет наличных запасов продовольствия в волостях, борьбу со спекуляцией, мешочничеством и самонаварением, организацию самостоятельных закупок продовольствия в хлебных районах, запрет вывоза хлеба из своих селений и т. д. Для осуществления указанных мер общественностью в помощь местным властям создавались так называемые группы содействия, реквизиционные комиссии, дружины по борьбе со спекуляцией, комитеты бедных солдат по контролю за выдачей пайков и пособий нуждающимся и т. д.²⁶

Что касается рядовых масс крестьянства, то их позиция в продовольственном вопросе мало изменилась с осени 1917 г. Они в ультимативной форме требовали от Советской власти наладить снабжение голодающих, а держателей хлеба обеспечить фабрично-заводскими товарами. Причем в адрес центра с их стороны все чаще сыпались обвинения в попустительстве и даже

усугублении продовольственного кризиса в стране. Приведем выдержку из резолюции волостного собрания крестьян Колшевской волости Кинешемского уезда Костромской губернии (27 марта 1918 г.): «В течение целого года нас кормили только красивыми словами и обещаниями. Довольно обманывать нас. Мы умираем от голода, а потому категорически требуем от Кинешемского Совета Р. и К. Д. дать нам хлеба, а не слов, если же Совет бессилён это сделать, то мы требуем свободной торговли хлебом под контролем местных Советов...»²⁷. Аналогичные требования выдвигались и другими волостями данного уезда, крестьянами Тамбовской, Пензенской, Вятской и других губерний²⁸.

На антирыночный нажим государства начала 1918 г. держатели сельскохозяйственных товаров ответили новой вспышкой бойкота хлебной монополии и твердых цен на продовольствие, возобновились «пьяные эпидемии» на почве самогоноварения и хлебо-винного товарообмена с городами (Коротоякский уезд Тамбовской губернии, Никольский уезд Вологодской губернии, уезды Уфимской, Нижегородской, Пензенской и других губерний)²⁹.

Нередким явлением было участие крестьян сел и деревень в захватах продовольственных грузов, перевозимых по железной дороге, водным или гужевым путем. Приведем выдержки из суточных сводок НКВД: Рудзановка, 3 марта 1918 г. — «...захваты продовольственных грузов приняли большие размеры»; «20 февраля на разъезде Шавлово толпой крестьян захвачено 7 вагонов муки. На ст. Глотовка явилось до 300 человек крестьян, намеревавшихся реквизировать груз двух продовольственных поездов из Симбирска...»³⁰. На ст. Антропово Северной железной дороги в марте 1918 г. было разграблено 85 вагонов грузов ценностью до 10 млн рублей³¹. Похожие события разворачивались на Николаевской железной дороге, в Казанской, Уфимской, Курской, Пензенской и других губерниях³².

Источники сообщают и о фактах вооруженных выступлений крестьян против местной Советской власти, даже о кровавых столкновениях между жителями соседних селений и волостей на продовольственной почве. Так, попытка Варнавинского Совета (Костромская губерния) в январе 1918 г. урегулировать цены и произвести учет хлеба в уренском крае встретила ожесточенное сопротивление со стороны крестьян. Созданные населением дружины разоружили красноармейские заставы. Конфликт закончился заключением мира с выплатой уренцами контрибуции Варнавинскому Совету³³. Из письма саратовского корреспондента: «Говорят, что кроме винтовок в деревнях имеются ручные бомбы и пулеметы. Этот арсенал кое-где уже пущен в ход, и даже против большевистских отрядов, рыскающих в нашей области по деревням в поисках хлеба...» Вооруженные схватки между крестьянами и реквизиционными отрядами были зафиксированы в Тамбовской губернии, Епифанском уезде Тульской губернии, Рыбинском районе³⁴.

Таким образом, российская деревня к весне 1918 г. «забурлила»: попытки государства нажать на нее с целью извлечения остатков товарного хлеба лишь разжигали бунтарские настроения крестьянства, осложняли взаимоотношения последнего с представителями Советской власти, способствовали подготовке сельского населения ко вступлению в фазу политического противостояния режиму. Это крайне встревожило власти и в немалой степени ускорило принятие ими ответственных решений.

-
- ¹ Борьба с продовольственным кризисом подразумевала необходимость 1) мощного аппарата, имеющего чрезвычайные полномочия и распространяющего сферу своего влияния не только на сельское хозяйство, промышленность, но и на топливно-сырьевые производства; 2) широкой поддержки общественности (в лице демократических организаций, частнохозяйственного и кооперативного заготовительного аппарата); 3) хлебной монополии по твердым ценам на заготовку и распределение данного продукта, введения твердых цен на промтовары, приведения их в соответствие с ценами на продовольствие; 4) товарообмена как средства для установления экономических отношений между городом и деревней; 5) административных мер воздействия на нарушителей хлебной монополии.
- ² *Любимов И. Н.* Революция 1917 г.: Хроника событий. М.; Л., 1930. Т. 6. С. 1.
- ³ *Гайсинский М.* Чрезвычайный и II Всероссийский съезды Советов К. Д. // Красная летопись (Л.). 1929. № 5. С. 218.
- ⁴ Цит. по: *Вронский О. Г., Шагин Э. М.* Большевицкий режим и крестьянство России в 1917—1920 гг. // Власть и общественные организации России в 1-й трети XX столетия. М., 1994. С. 180—181.
- ⁵ Продовольственное дело (М.). 1918. № 1. С. 10—11.
- ⁶ Продовольственное дело (Тверь). 1918. Янв. С. 5.
- ⁷ *Давыдов А. Ю.* Мещочничество и советская продовольственная диктатура. 1918—1920 гг. // Вопр. истории. 1994. № 3.
- ⁸ *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 199.
- ⁹ Дело народа (Пг.). 1917. 12 нояб.; *Любимов И. Н.* Указ. соч. С. 44; Продовольственное дело (М.). 1918. № 2. С. 10; *Орлов Н. А.* Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919. С. 21.
- ¹⁰ Продовольственное дело (М.). 1918. № 8. С. 12.
- ¹¹ Письма из прошлого // Свободная мысль (М.). 1992. № 15. С. 52.
- ¹² Продовольственное дело (Тверь). 1918. Янв. С. 16.
- ¹³ Продовольственное дело (М.). 1918. № 1. С. 21; № 3. С. 15.
- ¹⁴ *Наживин И. В.* Записки о революции: Воспоминания. Вена, 1921. С. 49.
- ¹⁵ Продовольственное дело (М.). 1918. № 2. С. 12; Установление Советской власти в Мордовии: Док. и материалы. Саранск, 1957. С. 250.
- ¹⁶ Продовольственное дело (М.). 1918. № 5. С. 14—15.
- ¹⁷ Там же. С. 16; Продовольственное дело (Тверь). 1918. № 20. С. 21; Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1918. 30 мая; Документы Великой Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Горький, 1945. С. 114.
- ¹⁸ Продовольственное дело (М.). 1918. № 6. С. 16; № 7. С. 7, 12.
- ¹⁹ 1918 г. в Иваново-Вознесенской губернии. М., 1930. С. 7, 41; *Кондратьев Н. Д.* Указ. соч. С. 193.
- ²⁰ Продовольственное дело (М.). 1918. № 6. С. 14; № 10. С. 11—12.
- ²¹ Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1918. 12 марта.
- ²² Государственный архив РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 429. Л. 1. Далее: ГАРФ.
- ²³ Продовольственное дело (М.). 1918. № 1. С. 25—26.
- ²⁴ Там же. № 9. С. 15—16.
- ²⁵ Упрочение Советской власти в Татарии, октябрь 1917 г. — июнь 1918 г. Казань, 1964. С. 136, 144, 227; Установление Советской власти в Марийском крае: Док. Йошкар-Ола, 1970. С. 51—52; Установление Советской власти в Мордовии: Док. и материалы. Саранск, 1957. С. 296.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 154. Л. 203, 206.
- ²⁷ 1918 г. в Иваново-Вознесенской губернии. С. 91.

- ²⁸ Там же. С. 99, 103, 106—109; Установление Советской власти в Мордовии. С. 225—226, 236, 257.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 15. Л. 72; Установление Советской власти в Мордовии. С. 231; Современное слово (Пг.). 1918. 23 февр.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 415. Л. 107.
- ³¹ Продовольственное дело (М.). 1918. № 6. С. 20.
- ³² Там же. № 11. С. 12; Упрочение Советской власти в Татарии... С. 216; Правда (орган ЦК РКП (б)). 1918. 17 марта.
- ³³ Конокотин А. Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии. Кострома, 1927. С. 30.
- ³⁴ Русские ведомости (М.). 1918. 22 февр.; Рыбинск в огне. Ярославль, 1921. С. 62; ГАРФ. Ф. 2130. Оп. 2. Д. 40. Л. 2 об.

А. В. Карасева

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ КОРНЕЛИЯ НЕПОТА В КОНТЕКСТЕ РИМСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается вклад Корнелия Непота в становление жанра биографии в Древнем Риме. В творчестве этого писателя формируется новая историческая концепция; автор ищет особую жанровую форму жизнеописания, проявляя пристальное внимание к человеческой индивидуальности. Он стремится не просто просветить и развлечь читателя, но и попытаться разрешить стоящие перед обществом проблемы.

The article is devoted to the contribution of Cornelius Nepos into the formation of the genre of biography in ancient Rome (in the Roman literature). The author was looking for the new genre form of the biography, in his works was formed the new historical conception. Cornelius Nepos not only strove to enlighten and amuse his readers but tried to solve the problems of the Roman society of the I century BC.

Классические труды XIX — середины XX века по истории римской литературы закрепили существующие до нашего времени представления о жизнеописаниях Корнелия Непота как о сочинениях, написанных литературной посредственностью, склонной в духе времени к нехитрому морализаторству, не обремененной багажом знаний, не удовлетворяющей более изысканным художественным требованиям [11, с. 509; 16, с. 330; 31, р. 10]. Рональд Сайм даже предполагал, что Непот писал с целью занять внимание и просветить не имевшего греческого образования невзыскательного массового читателя, в первую очередь юношей, посещающих школу [44; см. также 27, р. 35]. Ф. Лео, характеризуя вклад Непота в развитие античной биографии, пишет, что он «не был ни художником, как Плутарх, ни ученым, как Светоний» [33, S. 193], «Кембриджская история классической литературы» называет его

«интеллектуальным пигмеем» [25, р. 290]. Исследователи отмечают некритичный подход к источникам, которые к тому же часто берутся через вторые руки, небрежность и поспешность в работе, многочисленные ошибки как следствие неаккуратности, поверхностности знаний автора [11, с. 509; 8, с. 253; 29, р. 291; 31, р. 1, 10—11; 25, р. 292]. С. И. Соболевский считал, что во многом недостатки Непота объясняются его взглядом на историю как риторическое произведение, следствием чего явилась любовь к необыкновенным и эффектным фактам, преувеличения, односторонность и предвзятость [8, с. 254—255]. По мнению Д. Нагуевского, Корнелий Непот вообще лишен исторического взгляда и был скорее летописным рассказчиком, антикваром [11, с. 509]. С. С. Аверинцев полагает, что *vitae* Непота представляют собой конгломерат выписок из исторических трудов и только с большой оговоркой могут быть отнесены к жизнеописаниям, особенно с точки зрения трактовки образов [2, с. 55—56]. Исключение делается лишь для биографии Аттика — «полноценного, разработанного жизнеописания» [2, с. 56]. Некоторые исследователи даже полагали, что главное значение Непота как писателя заключается а) в том, что его *vitae* — самые ранние из дошедших до нас латинских биографий, и потому на их основе можно рассмотреть формирование самого жанра в латинской литературе [25, р. 290], и б) в его влиянии на античных биографов, которые следовали ему и в конечном итоге оставили его далеко позади, — на Плутарха, Светония и Тацита [31, р. 14].

На мой взгляд, труд *De viris illustribus* («О знаменитых людях»), при всех недостатках, отмечаемых исследователями, заслуживает более тщательного рассмотрения по нескольким причинам. Во-первых, изучение биографии Корнелия Непота показывает, что, хотя автор и был писателем «второго ряда», он отнюдь не был малообразованной посредственностью, напротив, был хорошо образован, и его друзьями и собеседниками были представители интеллектуальной элиты того времени.

Корнелий Непот родился около 100 года до н. э. в Северной Италии, возможно в Тицине или Медиолане, умер около 24 года до н. э. Социальное происхождение Непота неизвестно, может быть, он родился в состоятельной всаднической семье (*Pl. Ep.*, IV, 28, 1; V, 3, 6). Он в юности поселился в Риме, предпочтя политической карьере занятия литературой, но среди его друзей были не только поэты, писатели, издатели книг (например, поэт Гай Валерий Катулл, издатель Тит Помпоний Аттик), но и значительные политические деятели того времени, такие, как великий Марк Туллий Цицерон. Отношения с Цицероном были очень оживленными: по свидетельству Макробия, переписка их составила две книги (*Macrob. Saturn.*, 2, I, 14); Цицерон полусерьезно в письме к Аттику называет его «бессмертным» (то есть божественным) за исторические сочинения (*Cic. ad Att.*, XVI, 14, 4). Хотя знания Корнелия Непота и не могли сравниться с энциклопедической начитанностью Варрона, тем не менее последний также был с ним в дружеских отношениях и посвятил ему один из своих «Логисториков» [11, с. 501]. С Титом Помпонием Аттиком он был знаком с момента возвращения Аттика в Рим (после 65 года до н. э.), часто бывал у него в доме (*Nep. Att.*, XIII, 7), вполне вероятно, подобно Аттику занимался книжной торговлей [11, с. 501]. Аттик также высоко оценивает изучение Непотом истории (*Cic. ad Att.*, XVI, 14, 4; возможно, в письме к Цицерону он упомянул, что Непот как историк — первый после Цицерона). Корнелий Непот еще при жизни Аттика опубликовал его

биографию в книге *De latinis historicis* («О латинских историках») и посвятил Аттику сборник биографий выдающихся личностей (*De viris illustribus*). Катулл посвятил Непоту книгу своих стихотворений и с уважением отзывался о его историческом труде («...первым среди римлян / Судьбы мира всего вместить решился / В три объемистых и ученых тома»). Литературная репутация Непота и после его смерти привлекала внимание к его жизни и сочинениям. Геренний Север, ученый любитель литературы, просит Плиния Младшего разыскать портрет Корнелия Непота и сделать с него копию в рисунке и красках (*Pl. Ep., IV, 28, 1*), Авл Геллий делает выписки из трудов Корнелия Непота; его *Exempla* («Примеры») как собрание замечательных фактов послужили образцом для Юлия Гигина и Валерия Максима [8, с. 255]. По свидетельству Авсония («Послания», 10, 1), *Chonica* («Хроника») Непота была широко употребляема в IV веке для чтения в школах (Авсоний посылает ее сыновьям префекта претория Проба). Иероним Блаженный называет Корнелия Непота знаменитым историческим писателем [18, с. 3].

Корнелий Непот, как и многие его современники, обладал широким культурным кругозором и пробовал свои силы в изысканиях антикварного характера, писал стихи этического содержания, занимался географией, историей литературы, но в основном сосредоточился на истории. Первым прозаическим произведением Непота была *Chronica*, появившаяся около 54 года до н. э. — ранее «Анналов» Аттика — и состоявшая из трех книг. «Хроника» представляла собой компедий — краткое изложение в хронологическом порядке всеобщей истории от мифологических времен до современных автору событий. Образцом для Непота послужило произведение греческого писателя II века до н. э. Аполлодора Афинского; вслед за Аполлодором он не только излагал исторические события, но и касался вопросов литературы, например проблемы подлинности произведений Гомера [11, с. 502]. По-видимому, «Хроника» служила источником сведений для последующих поколений историков, сохранивших в своих текстах немногочисленные фрагменты этого сочинения. Только отдельные фрагменты дошли до нас и от второго прозаического труда Непота — *Exempla*, состоявшего из 5 книг и появившегося после 44 года до н. э. Скорее всего, это был сборник описаний ситуаций из жизни обычных людей и героев, дающих представление о добродетели и пороке, историко-антикварного и местами анекдотического характера (RE. Bd. IV, Sp. 1410). Валерий Максим и Плиний Старший использовали сведения из *Exempla* в своих трудах. У Плиния Старшего и Помпония Мелы встречаются географические описания, взятые из Непота, что предполагает существование труда по географии (RE. Bd. IV, Sp. 1411). Сам Непот упоминает также монографию о Катоне Старшем, написанную по просьбе Аттика (*Nep. Cato, 3, 5*). Изложение касалось не только жизни, но и характера и нравов (*mores*) Катона и отличалось обстоятельностью (*plura persecuti sumus*). По свидетельству Авла Геллия (Gell. NA, 15, 28, 1—2), существовала отдельная биография Цицерона в нескольких книгах, написанная после 43 года до н. э. [11, с. 504]. Светоний (*Suet. De illustr. gram., 4*) упоминает о книжке (*libellus*) Корнелия Непота, где он устанавливает различие между «литератором» (*litteratus* — ученый грамматик) и вообще образованным человеком (*eruditus*). Самым знаменитым трудом было сочинение «О знаменитых людях», содержащее не менее 16 книг и представлявшее собой сборник биографий, разбитых на 8 групп: цари, полководцы, поэты, ораторы, историки, философы,

юристы, грамматики и ученые. Каждой группе отводилось 2 книги: одна была посвящена римлянам, другая — иноземцам. До нас дошли книга об иностранных полководцах (*De excellentibus ducibus exterarum gentium*), содержащая 22 биографии, а также краткое жизнеописание Катона Старшего и подробное — Тита Помпония Аттика из книги *De latinis historicis*. Благодаря ясности изложения и простоте языка сочинения Непота пользовались в средние века и новое время большой популярностью и использовались при изучении латинского языка.

Во-вторых, к середине XX века расширилось исследовательское поле антиковедения и объектом пристального внимания исследователей стали римские историописатели второго и третьего ряда, ранее находившиеся в тени великих имен Катона Цензория, Саллюстия, Ливия, Тацита. Сформировалось поколение историков, выступавших против умаления, недооценки римской литературы и римской культуры в целом, за отказ от чисто лингвистических подходов [32, 42, 43, 24, 23, 6]. Были поставлены новые исследовательские задачи, которые ранее решались только на материалах классической римской историографии¹. Исследование технической стороны интеллектуальной жизни Рима [40, 41], новые подходы [28, 27, 36] позволили отказаться от закрепившихся штампов.

Итак, как мы видим, в современном антиковедении накоплен фактический и теоретический материал, позволяющий по-новому взглянуть на литературную деятельность нашего героя, выявить специфику его творчества.

К I веку до н. э. в римской литературе и образованном обществе закрепилось традиционное, воспринятое из греческой литературы убеждение, что «биографии» существенно отличаются как жанр от «историй» и являются менее престижными для писателей. Авторы биографий на латинском языке до Светония вынуждены были оправдывать перед читателем свою деятельность: «Не сомневаюсь, Аттик, что найдутся многие люди, которые сочтут сочинение подобного рода легкомысленным и не слишком достойным своих важных героев, коль скоро они прочтут сообщение о том, кто учил музыке Эпаминонда» (*Nep. Praef.* Пер. Н. Н. Трухиной). «Не знаю даже, как и приступить мне к рассказу о его доблестях, — делится своими сомнениями с читателями Корнелий Непот, — поскольку есть опасение, что, увлекшись изложением его подвигов, я окажусь не автором жизнеописания, а составителем исторического сочинения. Если же я коснусь лишь основных событий, то люди, мало сведущие в греческой истории, не смогут, пожалуй, по-настоящему оценить величие этого мужа» (*Nep. Pelop.*, XVI, I, 1—2. Пер. Н. Н. Трухиной). Как мы видим, подобно своим греческим предшественникам, латинские биографы понимали необходимость ухода от широкой канвы исторического сочинения и создания новых методов, позволявших показать жизнь индивидуума, тем более что основы уже были заложены: писались исторические монографии, посвященные выдающемуся государственному мужу [2; 30, р. 331—332; 31, р. 2—3]. Рим воспринял все типы жизнеописаний, причем

¹ А. Момильяно положил начало направлению, исследующему технику историописания в контексте развития римского общества и римской культуры, рассматривающему труды анналистов и антикваров как естественные источники для историков классического периода и показывающему оригинальность римской традиции (см., в частности, [37, 38]).

латинские авторы с самого начала стремились к экспериментам с формой и содержанием [31, р. 4—6]. С. С. Аверинцев подчеркивал значение агональности и индивидуального дарования как движущих моментов в живущем в рамках риторической культуры римском историописании [2, с. 16—18]. Т. В. Попова отмечает новаторство Теренция Варрона и Корнелия Непота в жанре биографии [13, с. 244—245, 258—259]. Для римских писателей I в. до н. э. характерно повышенное внимание к деталям нравственной и бытовой жизни героя при воссоздании его образа [14, с. 182—183].

В первой половине I века до н. э. в Риме появляются разрозненные биографии, написанные вольноотпущенниками в знак признательности и для прославления своих покровителей: дополнения-комментарии вольноотпущенника Суллы Корнелия Эпикада к автобиографическим запискам диктатора; биографии Помпея Великого и его отца Гнея Помпея Страбона в нескольких книгах вольноотпущенника Помпея Великого Луция Вольтацилия Пилута. По мнению Светония, первыми римскими авторами, которые ввели жанр биографии в латинскую литературу, были Марк Теренций Варрон Реатинский, Сантра, Корнелий Непот, вольноотпущенник императора Августа Юлий Гигин (см. о первых римских биографах [25, р. 291]). Марк Теренций Варрон, как полагают многие исследователи, перенес в Рим научную биографию рубрицированного типа. В соответствии с разработанной в кругах александрийских филологов схемой материал должен был располагаться по следующим рубрикам: имя описываемого лица, время и место его рождения, начало научной деятельности и ее характеристика, перечисление трудов, дата смерти [33, S. 133; 13, с. 244]. Среди огромного числа написанных Варроном трудов (всего около 74 сочинений примерно в 620 книгах) известны *Imagines* («Портреты») — собрание из 50 книг, содержащих краткие комментарии к жизни 700 прославленных греков и римлян, сопровождаемые портретами и элегиями в стихах. Все знаменитости были разделены на группы (цари и герои, государственные деятели, поэты, прозаики, актеры и т. д.), каждой отводилось по 2 книги: одна посвящена была изображениям римлян, другая — не римлян [8, с. 240—241]. Таким образом, за два века до Плутарха биографии греков и римлян были объединены в одном произведении. Не случайно Цицерон в «Учении академиков» так оценил вклад Варрона: «Нас, бывших чужими в своем городе и блуждавших наподобие иностранцев, твои сочинения как бы привели домой, чтобы мы могли наконец узнать, кто мы и где мы. Ты раскрыл нам время существования нашего отечества, описал времена... ты объяснил государственный строй и военную дисциплину... местонахождение стран и отдельных мест... истолковал названия, род, назначения и причины божественных и человеческих дел, пролил очень много света на наших поэтов и вообще на латинскую литературу и латинский язык» (*Cic. Acad. I, 3, 9*). От историко-литературных сочинений Варрона, как и от «О знаменитых людях» Сантры, дошли небольшие фрагменты, состояние которых не позволяет реконструировать намерения и методы авторов. Поэтому о латинской биографии I века до н. э. судят по сочинениям Корнелия Непота. Они принадлежали к жанру, имевшему название *vita*, точно соответствующее греческому [13, с. 244]. Квинтилиан в трактате «О воспитании оратора» (*II, 21, 3*) утверждал, что предметом описания в таком произведении должна быть вся жизнь человека, причем человека чем-либо примечательного (*III, 8, 48*).

Уже в «Хрониках» проявилась способность Корнелия Непота к созданию произведений, не существовавших до этого в римской традиции: вместе с Титом Помпонием Атикком и Теренцием Варроном он положил начало синхронистическому очерку событий, впоследствии очень популярному у его современников. Для Рима I века до н. э. потребность в новых жанрах и формах была очень высока, т. к. к этому времени складывается читательская аудитория, готовая к восприятию греческой книжной словесности и складывающейся по греческому образцу латинской. Римская аристократия видит теперь в греческой литературе средство внутреннего совершенствования. Знание греческого языка и греческой литературы, по крайней мере наиболее авторитетных ее представителей, становится обязательными для сенаторов. С повышением жизненного уровня у римлян появилось свободное от трудов, «досужее» время. Со второй половины II века до н. э. они начинают осваивать досуг (*otium*) в частном быту. Новым способом заполнения досуга стало чтение, размышление и беседы на нравственные темы [6, с. 301—306], в том числе связанные с происходящими в Риме событиями. Рядовые римляне восполняли отсутствие свободного доступа к официальной информации широким использованием материалов из частных архивов и ранее не привлекавшихся источников, включенных в труды историков и антикваров [30, р. 176]. Еще одним источником информации для жителей Рима начиная со времени Марка Эмилия Скавра [30, р. 173—175] стали сочинения в жанре автобиографических воспоминаний. Для того чтобы аудитория стала из слушающей еще и читающей, были созданы и «материальные условия»: появились книжные мастерские, в которых сочинения переписывались на продажу [25, р. 15—22; 4, гл. 10; 40, р. 40—45], большие частные, а затем и общественные библиотеки [25, р. 23—25].

Развитие системы образования, грамматические школы с обучением греческому и латинскому языку, латинские риторские школы расширили читательскую аудиторию до границ «мало-мальски состоятельного и почтенного общества» [18, с. 5]. У массы простых читателей, не знакомых в должной мере ни с греческим языком, ни с греческой литературой, возник спрос на переводную литературу и пособия — генеалогические таблицы, хронологические справочники, брeвиарии, эпитомы, которые помогали заполнить пробелы. Небольшой объем *Chronica* (в 3 книгах) облегчал ученый труд, рассчитанный на широкую публику. Популяризаторская тенденция просматривается также в *Exempla* и в жизнеописаниях знаменитых людей [18, с. 6].

В ориентации на читателя среднего уровня Корнелий Непот следовал за Луцилием. Это создавало для писателя определенные проблемы. При выборе групп, на которые делились биографии, Корнелий Непот сталкивался с трудностями, обусловленными царящим в римском обществе соревновательным духом и состоянием уровня культуры средних слоев римского общества: традиционную для греческих жизнеописаний группу философов нельзя было образовать потому, что у римлян на момент написания *De viris illustribus* не было достаточного числа философов, способных конкурировать с греческими. Приводя материал для синкрисиса (столкновения, конфликта) как личностей, так и культур, автор хотел, чтобы читатель, сравнив, «легче решил, кому отдать предпочтение» (*Nep. XXVII, 13, 4*. Пер. Н. Н. Трухиной), и, конечно, склонился все же на сторону римлян. Т. Вайземан поддерживает предположение Йозефа Гайгера, что именно превосходство греков во многих

известных интеллектуальных занятиях (поэзия, философия, историописание и т. д.) побудило Непота из патриотических соображений добавить к своей коллекции до этого не рассматривавшуюся категорию *duces* (полководцев), в которой Марцелл, Сципион и другие римские полководцы восстанавливали вследствие несомненного превосходства общий баланс сил [46, p. 250].

Благодаря популяризаторской деятельности римских писателей конца II—I века до н. э. объем знаний у читателей значительно расширился. Во II веке до н. э. для среднеобразованного римлянина греческая история начиналась и заканчивалась Александром Великим. Приводимые Гаем Фаннием и Гаем Гракхом в качестве доказательства имена известных тиранов и греческие эпизоды, когда *avaritia* (жадность) и *stultitia* (глупость, легкомыслие) разрушали государство, выглядят как *exempla* преимущественно риторического происхождения [27, p. 36]. Даже в «Риторике к Гереннию» (середина 80-х годов I века до н. э.) единственной личностью, упоминавшейся по имени, оставался Александр Македонский. У Цицерона, изучавшего риторику под руководством греческого учителя в Риме и у Молона на Родосе, появились упоминания греческих героев и их подвигов, но аллюзий на греческую историю в его ранних произведениях было немного (*Cic. De inventione, I, 55—56, 68—70, 93; II, 69—70, 144.*). Разработка при риторических упражнениях исторических событий из греческой жизни не могла дать систематических знаний и закрепляла те или иные стереотипные представления. Мильтиад, Фемистокл, Аристид были канонизированы как герои греко-персидских войн, Перикл — как блестящий оратор и символ апогея Афин (а не как политический и военный лидер), из всех лидеров Пелопоннесской войны упоминался Алкивиад. Круг чтения произведения греческих историков также был существенно ограничен; Фукидида оценили лишь в 50-е годы I века до н. э. (в переписке Цицерон всего три раза ссылается на авторитет Фукидида: *Cic. Q. fr., II, 11, 4; ad Att., VII, 1, 6; X, 8, 6.*)

В трактате «Оратор» Цицерон критикует невежество сторонников атицизма, взявших за образец краткость Фукидида и не понимавших, что Фукидид не был судебным оратором и что в его речах есть существенный недостаток — масса темных и неясных выражений (*Cic. Or., 30—32*). Исходя из этих соображений, Цицерон в диалоге «Об ораторе» заставляет старшего Марка Антония сделать быстрый критический обзор греческих историков: Геродота, Фукидида, Филиста Сиракузского, Ксенофонта, Каллисфена и Тимея². Антоний признается, что читает этих и некоторых других писателей только на досуге и понимает у них далеко не все, а только то, что греки желали написать общедоступным языком (*Cic. De Or., II, 60—61*). Дионисотти предполагает, что большая начитанность и больший интерес к греческой культуре характерны не для поколения Марка Антония старшего, а скорее для середины 60-х годов. Именно в этот период в речах Цицерона встречаются примеры из греческой истории (*Cic. Pro Sest., 141*). Перевод и популяризация Цицероном греческих философов также должны были расширить набор узнаваемых аудиторией характеров и эпизодов из греческой истории. В сочинении «О пределах добра и зла» (*Cic. De fin. bon. et mal., II, 67*) Цицерон утверждает, что у людей, чья главная задача — управлять миром, философия должна связываться с историей и быть в ладу с историческими свидетель-

² Сам Антоний в жизни вряд ли владел такими знаниями, о чем свидетельствует реплика Цезаря Страбона: *Ubi sunt qui Antonium Graece negant scire? (De Or., II, 59).*

ствами. Таким образом, популярность трудов Корнелия Непота явно была следствием не только «простоты и морализаторства» [25, р. 292].

На рост популярности произведений Корнелия Непота влияло и то, что с момента возникновения римская историография становится орудием в политической борьбе [45, chap. XXX; 35, р. 2]. В период ее обострения поиск исторических прецедентов и *exempla* стимулировал развитие историографии [35, р. 2]. Э. Раусон на конкретных примерах развила замечание А. Момильяно о том, что во время интеллектуальных сомнений бум антикварных исследований 120—80-х и 50—40-х годов до н. э. координируется со все возрастающим уровнем социальных и политических изменений [40, р. 235—249]. По мнению Корнелла, широко распространившееся среди образованных слоев римского общества знание римской исторической традиции было следствием и того, в частности, что эта традиция суммировала все, во что верили в отношении своего прошлого поколения римских граждан [26, р. 206]. Высокий уровень образованности аудитории и гомогенность образования делали понятными литературные и культурные аллюзии, изложение истории как «трагической истории» [34, р. 117—118; 35, р. 4—6].

«Нехитрые моралистические размышления Непота, с прикрасами, похвалами и поощрениями» [16, с. 330] также не столь просты, как кажется на первый взгляд. Естественно, дидактическая направленность сочинений Непота была результатом воздействия и подхода ранних анналистов³ и традиции, рассматривавших историописание и жизнеописание как отрасль ораторского искусства [19, с. 71—72, 211—213; 5; 9, с. 224—225]. С. С. Аверинцев подчеркивает, что риторика как теория и практика литературы регулировала творчество в области художественной прозы, риторичность была присуща всей литературе зрелой и поздней античности [1, с. 17—18].

Однако для более полного понимания мотивов автора того или иного произведения следует учитывать исторический контекст. Между январем и маем 49 года до н. э., когда Цицерон мучительно осмыслял ситуацию гражданской войны и пытался решить, что же ему делать, если выбирать надо между плохим и худшим, в письмах Цицерона к Аттику снова и снова появляются фигуры из греческой истории: Фемистокл, Фрасибул, Гиппий, Фаларис, Писистрат, Сократ (*Cic. ad Att., VII, 11, 3; VII, 20, 2; VIII, 2, 4; VIII, 3, 6; IX, 4; IX, 10, 3; X, 8, 6—7*). Цитаты из Фукидида, сопровождающие эти примеры (*Cic. ad Att., VII, 11, 3; VIII, 3, 6; IX, 10, 3; X, 8, 7*), показывают, по мнению Дионисотти, что Цицерон обратился к истории Греции V века до н. э. как к периоду, насыщенному теми же проблемами, которые волновали современников Цицерона, в поисках опыта, дающего возможность найти правильное решение [27, р. 38]. Время, когда были написаны *De viris illustribus*, было столь же тревожным и требовало от живших в нем постоянного выбора, основанного не только на соображениях личного самосохранения, но и на практикуемых моральных принципах и вере в благое начало в человеке. Не случайно в биографии Фрасибула Непот подчеркивает его запрещение избивать отступающих, мотивированное тем, что гражданам одного государства следует щадить друг друга (*Nep. VIII, 2, 4*), в биографии Эпаминонда — то,

³ Еще Фабий Пиктор при анализе личных качеств карфагенских полководцев делал упор на негативные качества противника и этим объяснял причины Пунических войн.

что он не пожелал в условиях гражданской войны запятнать свои руки кровью сограждан (*Nep. XV, 10, 3*), а в биографии Агесилая — верность полководца долгу перед родиной даже ценой отказа от славы завоевателя персов и милосердие по отношению к побежденным при Херонее афинянам, беотийцам и их союзникам (*Nep. XVII, 4*). Дионисотти считает, что морализаторство Корнелия Непота было формой рассуждения о политическом поведении и поисков выхода из современной исторической ситуации [27, р. 39].

Корнелий Непот разделяет сложившееся в римском общественном мнении представление о том, что народ менее затронут пороками того времени⁴ — *avaritia, luxuria, libido, superbia* (жадностью, жадной роскоши и наслаждений, высокомерием), эти пороки скорее присущи отдельным людям. Если во главе народа становятся носители перечисленных пороков, они переносятся на народ через *largitio* (подкуп) лидеров (*Nep. XXII, 3, 2; II, 2, 1—2; XVIII, 8, 1—3*). Следовательно, народ должен идти за людьми, обладающими нравственной силой и придерживающимися убеждений, не позволяющих вступить на путь порока и гражданской войны. Главными из таких убеждений Непот считает уважение и поддержку *libertas* (свободы), подчинение закону и подлинному авторитету, бескорыстие и верность долгу перед государством и народом.

С точки зрения Непота, проявления индивидуализма опасны для государства, что особенно хорошо видно из биографий Алкивиада и Павсания. Нежелание отказаться от своих амбиций приводит к нарушению закона и является отличительным признаком осуждаемых в традиции Павсания, Лисандра, Фокиона. Своеволие лидеров приводит к распущенности и своеволию солдат, сокрушающих всех подряд — и врагов, и союзников (*Nep. XVIII, 8, 1—3*), что усиливает бедствия гражданской войны. Для иллюстрации выдвигаемых положений Корнелий Непот мог пойти на определенные неточности (*Nep. II, 2, 1—2*), тем более что историография развивалась не как наука в современном варианте, а скорее как один из жанров повествовательной и художественной литературы, где главное — создание яркого образа, ради которого допустимо домыслить для заполнения пробела или чуть подкорректировать фактическую сторону поучительного рассказа [15, с. 233; 31, р. 5].

Страх гражданской войны преследовал римлян последнего века Республики даже в периоды относительного затишья, и не удивительно, что в жизнеописаниях появляется фигура Аттика, сумевшего сохранить нейтралитет и не принимавшего активного участия в политических столкновениях своего времени. По мнению М. Гранта, именно в биографии Аттика более всего проявилось стремление дать образцовую фигуру, пример добродетели ([29, р. 291]; о близости биографии Аттика к энкомию (хвалебной песни в честь славных мужей) см.: [25, р. 292]).

Я согласна с предположением Фергюса Миллара о том, что Корнелий Непот создает не столько образ реально жившего человека, сколько литературное представление биографии всадника, который сумел сохранить *dignitas* (достоинство) римского всадника⁵ и в один из самых тревожных периодов римской истории дал пример достойного прохождения через выпавшие об-

⁴ Наиболее четко это представление выражено в произведениях Саллюстия.

⁵ *Nep. Att. I, 1: Perpetuo a majoribus acceptam equestrem obtinuit dignitatem* («Нас всегда сохранил за собой всадническое звание, унаследованное от предков»).

шеству испытания, проявив *virtutes* (доблести) в частной жизни, в ученых занятиях и антикварных изысканиях [36, р. 40—42]. Именно отказ Аттика участвовать в общественной жизни, занимать общественные должности дал ему *tranquilitas* (безмятежность) и возможность сохранить *dignitas* (*Nep. Att.*, 6, 1—4). Атик никогда не был обвинителем в суде и ни с кем не судился, не приобретал собственности проскрибированных, никогда открыто не выступал в качестве поручителя или откупщика, никогда не принимал *praefecturae* (должности) консулов и преторов и не выезжал с ними в провинции. Тем самым он защитил себя от соучастия в нарушении законов при всеобщем падении нравов и не уменьшил свою *dignitas*, избежав обвинения в злоупотреблениях и порочности (*Nep. Att.*, 6). Атик свято соблюдал частные *officia* (обязательства), невзирая на обстоятельства, и это помогло ему защитить себя и близких в момент величайшей опасности (*Nep. Att.*, 7—12) в то время как многие из его друзей, *dignitate pari, fortuna humiliores* (равные ему по достоинству, но более неудачливые), сгинули в водовороте гражданских войн. Показательно, что Корнелий Непот не приводит ссылок на философские убеждения Аттика для оправдания его квиетизма, а представляет его уклонение от активного открытого участия в общественной жизни как *virtus*, требующую от своего носителя личного мужества, строгого соблюдения моральных норм и приносящую благо не только Аттику, но и всем его друзьям и подвластным лицам (*Nep. Att.*, 10—11). По сути дела, биографией Аттика Непот отвечает на стоявший и перед ним, и перед его современниками вопрос о роли и месте каждого в гражданской войне. В ней он разворачивает ответ, ранее данный в биографии Эпаминонда (*Nep. XV, 10, 3*).

Таким образом, и здесь мы видим новаторство Корнелия Непота. Иозеф Гайгер даже утверждает, что Непот был создателем особого жанра — политической биографии [28, *passim*]. До него рассказ о жизни человека от рождения до смерти давался лишь в сравнительно кратких жизнеописаниях литераторов и философов, где информация была достаточно скудна и заключение о человеке делалось скорее на основании содержания написанных им трудов. Факты из жизни политиков и полководцев содержались, по мнению Й. Гайгера, либо в крупных исторических сочинениях общего характера (истории Геродота, Фукидида, Ксенофонта), либо в политических монографиях, сконцентрированных на фигуре государственного деятеля или полководца (как в «Истории Александра» Арриана), либо в энкомиях («Агесилай» Ксенофонта). Й. Гайгер настаивает на аргументе *e silentio* для эллинистического периода: ни Полибий в полемических пассажах, ни Корнелий Непот, ни Плутарх не упоминают авторов биографий полководцев или государственных деятелей, отсылки делаются или к общим историческим трудам, или к неполитическим биографиям, или к авторам, писавшим после и под влиянием Корнелия Непота. По мнению Й. Гайгера, уже сам Непот начинал осознавать новизну создаваемого им труда: он понимает ценность своих биографий в моральном плане и подчеркивает, что при всем пересечении с исторической тематикой он пишет все же не историю (*Nep. XVI, 1, 1—2; XV, 1, 1, 6, 1; Praef.*).

Гайгер утверждает также первенство Непота в изобретении парных, греческих и римских, биографических серий. На мой взгляд, исследователь преувеличивает достижения автора: скорее всего, Корнелий Непот избрал парную форму в силу того, что находился под влиянием существующего в

римском обществе соревновательного духа, как и его современники Теренций Варрон и Цицерон.

Оригинальную особенность труда Непота Й. Гайгер видит также в выборе объекта изображения: им стали герои классического свободного города-государства, а не цари и полководцы эллинистической эпохи, поглощавшие ранее внимание историков. Непот в оценке Гайгера — трудолюбивый и находящийся в постоянном поиске исследователь, не боящийся адаптировать греческие литературные жанры и традиции к обстоятельствам римской истории и личным предпочтениям.

Т. В. Попова и Н. Н. Трухина также отмечают новаторство Корнелия Непота в области жанра. Уже Диоген Лаэртский не выдерживал равновеликость объемов биографий. Корнелий Непот, по мнению Т. В. Поповой, пользовался тем же вольным методом вне строгой хронологии, без определенного плана, сосредоточась на одном или нескольких периодах жизни героя [13, с. 245]. При выборе той или иной формы повествования ведущую роль играл замысел автора. Эдна Дженкинсон показала, что Корнелий Непот использовал форму перипатетической биографии при описании жизни Аристида и Алкивиада; форму, созданную александрийскими филологами, — в жизнеописаниях Кимона, Конона, Ификрата, Хабрия и Тимофея; биографии Эпаминонда и Агесилая ближе к элогиям; биография Аттика отличается особой полнотой, сложностью композиции, свежестью восприятия, непосредственным впечатком близкого знакомства автора и героя и хорошим знанием психологии [31, р. 6—10].

Исследовательница, изучая язык Непота в связи с постоянными поисками и вариациями форм биографий, реабилитирует его и в отношении стиля. Историки римской литературы до последнего времени считали дошедшее до нас сочинение посредственным, предназначенным только для легкого чтения [16, с. 330; 11, с. 509; 33, S. 193]. Эдна Дженкинсон полагает, что Непота «перекритиковали», что в целом его стиль соответствует поставленным идейным задачам, позволяет донести их до читателя и полон жизни [31, р. 13]. По ее мнению, текст биографий Непота, несмотря на всю неровность изложения и неравноценность эпизодов с художественной точки зрения, позволяет оценить мастерство писателя. В подтверждение сказанного приведем лишь один эпизод. Описывая золотой треножник, отправленный Павсанием в Дельфы, Непот переводит текст надписи на нем с греческого, используя архаизированные обороты и аллитерации (*Suo ducto... ejusque victoriae ergo Apollini donum dedisse; Nep. IV, I, 3*) для того, чтобы вызвать у римского читателя реминисценции надписей, посвященных победам римских полководцев, например надписи Люция Меммия⁶. Несомненно, римский читатель должен был задуматься об упадке нравов в результате притока богатства и роста *avaritia* и *superbia* у выдающихся полководцев и магистратов, так как именно от момента взятия Меммием Коринфа римская традиция отсчитывает время кризиса Республики.

Характерна и способность Непота дать детальное и ясное изображение героев, если они затронули его воображение или их поступки созвучны его восприятию римской действительности (биографии Алкивиада, Аттика).

⁶ CIL I², 626: ...*Ductu auspicio imperio que ejus achaia capta / Corinto deleto Romam redieit triumphans... hanc aedem et signum Herculis Victoris imperator dedicate.*

Психологическую установку Непота, его проявляющееся в некоторых биографиях знание и понимание человека отмечают даже авторы, негативно к нему относящиеся [25, р. 292]. Естественно, не следует впадать в другую крайность: Корнелий Непот, несмотря на свое новаторство в области жанра, как писатель остается писателем второго ряда; достигая по оценке Дженкинсон высот Ливия в характеристике Алкивиада (*Nep. VII, 1, 2—4*), Непот не может на них удержаться [31, р. 12].

Подводя итоги рассмотрения жизнеописаний Корнелия Непота, можно отметить, что в произведениях этого писателя формируется новая историческая концепция; автор ведет интенсивный поиск особых жанровых форм, творчески переосмысляя греческую и латинскую традиции; видна свобода композиции, стиля внутри формы; Непот проявляет пристальное внимание к человеческой индивидуальности, что ранее было нехарактерно для архаической культуры римлян. Писатель стремится не просто просветить и развлечь читателя, но и попытаться разрешить стоящие перед обществом проблемы. Не удивительно, что современники Непота и римляне последующих поколений так высоко ценили писателя. Им его труды должны были казаться более научными и более интересными, чем эрудированным и софистизированным европейцам нашего времени.

Изучая становление ренессансной интеллигенции, М. Т. Петров подчеркивал, что литературная интеллигенция конституируется как таковая в процессе творчества, в свою очередь накладывая на него свой отпечаток [12, с. 104]. Одной из особенностей этой группы является ориентация на сохранение памяти о предшественниках, современниках, о себе самих, появление идеи дарования исторического бессмертия не только в результате славных деяний героев, но и вследствие восстановления памяти о них [12, с. 139, 145]. Мне представляется, что рассмотрение литературной деятельности Корнелия Непота в области исторических и антикварных изысканий выявило особые черты римской интеллигенции: значительную творческую энергию, новаторство в литературной деятельности, пристальное внимание к психологии человека и состоянию его внутреннего мира, неразделенность частной и общественной жизни.

Библиографический список

1. *Аверинцев С. С.* Античная риторика и судьбы античного рационализма // Античная поэтика: Риторическая поэтика и литературная практика. М., 1991.
2. *Аверинцев С. С.* Подбор героев в «Параллельных жизнеописаниях» Плутарха и античная биографическая традиция // ВДИ. 1965. № 2.
3. *Борухович В. Г.* В мире античных свитков. Саратов, 1976.
4. *Борухович В. Г.* В мире древних свитков. Саратов, 1976.
5. *Гаспаров М. Л.* Античная риторика как система // Античная поэтика.
6. *Гаспаров М. Л.* Поэт и поэзия в римской культуре // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 1.
7. *Гаспаров М. Л.* Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1994.
8. История римской литературы / Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1949. Т. 1.
9. *Кузнецова Т. И.* Техника исторического повествования Тита Ливия // История римской литературы. Т. 1.

10. Кузнецова Т. И. Техника повествования в ораторском искусстве // Поэтика древнеримской литературы: Жанры и стиль. М., 1989.
11. Нагуевский Д. История римской литературы. Казань, 1911. Т. 1.
12. Петров М. Т. Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. Л., 1982.
13. Попова Т. В. Поиски канонической формы в «Биографиях 12 цезарей» Светония // Поэтика древнеримской литературы.
14. Попова Т. В. Фиктивное письмо как литературный жанр: (Поэтика образа героя, сюжета и жанра) // Античная поэтика.
15. Тронский И. М. Корнелий Тацит // Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 2.
16. Тронский И. М. История античной литературы. М., 1988.
17. Трухина Н. Н. Римское общество II—I веков до н. э.: К жизнеописаниям Катона и Аттика // Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах: Из книги о римских историках. М., 1992.
18. Трухина Н. Н. Книги Корнелия Непота: Вступительный очерк // Там же.
19. Утченко С. Л. Некоторые тенденции развития римской историографии (III—I вв. до н. э.) // ВДИ. 1969. № 2.
20. Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1986.
21. Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима (III—I вв. до н. э.). М., 1977.
22. Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М., 1975.
23. Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима.
24. Browing R. [Рецензия] // JRS. 1966. Vol. 56. Rec. ad op.: Klinger F. Studien zur Griechischen und Romischen Literatur. Zurich; Stuttgart, 1964.
25. Cambridge History of Classical Literature / Ed. by E. J. Kenney. L., 1983. Vol. 2. Latin History.
26. Cornell T. J. [Рецензия] // JRS. 1982. Vol. 72. Rec. ad op.: Wiseman T. P. Clío's Cosmetic: Three studies in Greco-Roman Literature. Leicester, 1979.
27. Dionisotti A. C. Nepos and the Generals // JRS. 1988. Vol. 78.
28. Geiger J. Cornelius Nepos and Ancient Political Biography. Stuttgart, 1985.
29. Grant M. Greek and Roman Authors 800 BC — AD 1000: Biographical Dictionary. N. Y., 1980.
30. Grant M. The ancient Historians. L., 1970.
31. Jenkinson E. Nepos — an Introduction to Latin Biography // Latin Historians / Ed. by T. A. Dorey. 1965.
32. Klinger F. Studien zur Griechischen und Romischen Literatur. Zurich; Stuttgart, 1964.
33. Leo F. Die griechischen-romische Biographie nach ihrer litterarischen Form. Leipzig, 1901.
34. Martin R. H. Tacitus and his Predecessors // Tacitus / Ed. by T. A. Dorey. L., 1969.
35. McDonald. Theme and Style in Roman Historiography // JRS. 1975. Vol. 65.
36. Millar F. Cornelius Nepos, «Atticus» and Roman Revolution // Greece and Rome. Ser. 2. 1988. Vol. 35. № 1.
37. Momigliano A. An Interim Report on the Origins of Rome // JRS. 1963. Vol. 53.
38. Momigliano A. Alien Wisdom. L., 1975.
39. Rawson E. Cicero the Historian and Cicero the Antiquarian // JRS. 1972. Vol. 62.
40. Rawson E. Intellectual Life in the Late Roman Republic. Baltimore, 1985.
41. Rawson E. Roman Tradition and the Greek World // CAH. Vol. 8². 1989.
42. Scullard H. H. A History of the Roman World, 753 to 146 BC. L., 1980.
43. Scullard H. H. From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 BC to AD 68. L., 1980.
44. Syme R. Sallust. Berkeley; Los-Angeles, 1964.
45. Syme R. The Roman Revolution. L., 1939.

46. Wiseman T. P. [Рецензия] // JRS. 1996. Vol. 86. Rec. ad op.: Forsythe G. The Historian L. Calpurnius Piso Frugi and the Roman Annalistic Tradition. Lanham, 1994.

С. Т. Смирнова

РЕЛИГИОЗНОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА XX ВЕКА: ОПЫТЫ САМОПОЗНАНИЯ

Освещается проблема религиозной онтологии личности на примере мемуаров, автобиографической прозы, дневников и писем деятелей российской культуры XX века. Автор анализирует источники личного происхождения, в которых представлены своеобразные опыты осмысления собственной религиозности известными деятелями науки, философии, искусства, литературы, в контексте государственно-церковной политики.

The problem of personal religious ontology reconstructing on the base of the memoirs, autobiographic prose, diaries and letters left by Russian culture representatives of the XX century is analyzed in the article. The author researches the sources of personal origin in which selfreflection experiences over the religiosity conducted by the well-known scientists, philosophers, poets, writers and painters are presented in the context of state-church policy.

Что может быть интереснее, чем следовать за мыслями великого человека, передавшего потомкам информацию об ушедшей эпохе... У историка задач много, но одна из основных состоит в том, чтобы раскодировать прошлое как текст, используя современный текст.

По мнению профессора В. В. Зверева, «узость традиционных исследовательских рамок, как и не менее традиционный набор общественно-политических проблем, обедняет наши знания о прошлом. Исчезает главное — сам человек. Человек, о котором пишешь, и человек, для которого пишешь» [7, с. 7].

Изучение духовных исканий в XX веке предполагает в качестве объекта исследования человека, экзистенциальные, персоналистические, аксиологические и онтологические аспекты его бытия. В религиозно-философском смысле духовность подразумевает присутствие в душе человека Духа Божьего. Так, согласно интерпретации Д. В. Пивоваровым учения ап. Павла, «истинная духовность сопряжена с внутренним познанием тех миров и горизонтов бытия, которые сокрыты от внешних органов чувств; она дает человеку мистическую способность прямо усматривать — внутренним оком, интуитивно — суть вещей и беспристрастно оценивать совестью собственные намерения и поступки» [16, с. 267].

Советские историки разделили историю России XX века непропорционально на два периода: до и после 1917 года, до — это «предыстория», а после — «истинная история» страны. Заданный угол зрения во многом предопределил вненаучную интерпретацию истории государства, важнейших событий и явлений ушедшего столетия. Задача современных ученых состоит в том, чтобы восстановить равновесность исторического процесса, объективно оценить силу и оправданность противостояния двух систем, дореволюцион-

ной и советской, выявить скрытые возможные, но нереализованные пути снятия социального напряжения, осознаваемые передовыми людьми своего времени. С этой точки зрения духовное наследие мыслителей XX века имеет большое практическое значение. Оно составляет фундамент культуры России XXI века. Если в начале XX века стояла «коренная задача» перекинуть мост между старой русской культурой и пореволюционной, то в настоящее время актуализировалась задача соединить «старую» русскую культуру, дополненную советской и эмигрантской, с постсоветской.

Размышляя о судьбах русской культуры XX века, выдающийся ученый-энциклопедист В. И. Вернадский писал: «Чтобы сгладить переход к “новой эре в истории человечества”, надо, по крайней мере, хотя бы представить революцию частью истории России, ибо Россия больше чем революция. Тогда историческая рана затянется, духовная ткань срастется» [цит. по: 15, с. 112]. «Сращивание духовной ткани» — наиболее сложный и длительный процесс, сопряженный с восстановлением основ национальных культур России. Квинтэссенцией любой национальной культуры выступает религия. Для большинства русских и русскоязычных граждан это православие.

Перед каждым человеком рано или поздно встает вопрос о существовании Бога. Ответ на него не может быть однозначным. Удивительно точно передано состояние «ищущего веры» человека М. Пришвиным. Своему ученику на прямолинейный вопрос: «Есть Бог?» — писатель ответил: «Скажу <...> “Есть Бог”, ты мне не поверишь, скажу “нет!” — будет неправда. Учись и узнаешь сам» [14, с. 107].

По мнению известного русского писателя, «весь смысл возникновения Бога у человека и религии состоит в необходимости согласия с миром» [14, с. 267]. Достижение гармонии с миром предполагает огромный духовный труд, который помогает человеку «отказаться от себя (эгоизма), и тогда душа будет светиться» [14, с. 72]. Непонимание мира, неприятие его таким, какой он есть, по Пришвину, обусловлено несчастьями, страданиями, грехом. Именно они есть причина возникновения «здешнего (земного) мира» и «того света (идеального мира)». Именно они заставляют людей воспринимать жизнь как «тяжкий путь на далекое расстояние» [14, с. 111]. Лишь вера поддерживает человека, не позволяя ему отчаиваться.

Каким же видится писателю выход из тупика? Это путь к Богу, которого нужно искать «на границе природы и человека» [14, с. 16—17]. Природа и Церковь порой отождествляются, а точнее, сравниваются по силе благотворного воздействия на человека. «Недаром же этот хор в саду напоминает мне церковь», — пишет Михаил Пришвин [14, с. 17]. Это чувство прекрасного и есть проявление божественного. Его испытывает человек обязательно. Оно является важным импульсом к творчеству. Поразительна переключка мысли М. Пришвина со стихами М. Лермонтова: «Когда волнуется желтеющая нива, / И свежий лист шумит при звуке ветерка, / И прячется в саду малиновая слива / Под тенью сладостной зеленого листка <...> Тогда смиряется души моей тревога, / Тогда расходятся морщины на челе, / И счастье я могу постигнуть на земле, / И в небесах я вижу бога!..» [10, с. 103]. Все преходящее, таким образом, перестает быть существенным.

Проблема поиска смысла жизни, сохранения собственной души, воспитания своей души актуальна для современного человека. Она исследуется в отечественной и зарубежной философии и связывается с повышенным инте-

ресом наших современников к религиям. Этот интерес расценивается исследователями или как «результат поиска (духовного), или, напротив, результат психической ущербности, которая выпрашивает у веры душевный протез для ампутированной субъективности...» [8, с. 256].

В. И. Вернадский (1863—1945): «Сила церкви не в многих, а в лучших». Эти слова принадлежат российскому ученому-энциклопедисту XX столетия, натуралисту, мыслителю, общественному деятелю России. В течение многих лет он вел дневниковые записи, в которых фиксировал наиболее значимые события в научной и общественной жизни российского общества и европейских стран, где ему приходилось бывать.

В данной работе предпринимается попытка на основе описательно-эволюционного подхода проанализировать содержание дневников В. И. Вернадского, написанных в 1920-е — начале 1930-х годов, с целью выявления эволюции религиозных воззрений ученого в рассматриваемый период. Этот подход предполагает концентрацию внимания исследователя на текстах, расположенных в хронологической последовательности, и минимизацию авторских рассуждений, не выходящих за рамки систематизации и некоторых первичных эмпирических обобщений исходного материала.

Проблема «религиозных верований у ученых» не нова. Уже в начале XX века стали выходить специальные работы по этой теме. В настоящее время актуализировалось изучение религиозного сознания человека, и в том числе такого феномена, как «религиозный ученый».

Определенное место в дневниках В. И. Вернадского отводится проблеме Бога. Значимость указанного периода под заданным углом зрения обусловлена тем, что на эти годы приходится наиболее трагичный этап в развитии государственно-церковных отношений, и любой факт, свидетельство современника событий дополняет научную картину этих отношений. Кроме того, ценность имеют и рассуждения ученого о собственной религиозности, о соотношении религии и науки, философии и науки, об общественной атмосфере в условиях функционирования командно-административной системы и осуществления ею жесткого идеологического прессинга.

Каждый человек строит или выбирает приемлемую для него религиозную доктрину, решая основные вопросы: есть ли Бог? как Его познать? как к Нему практически относиться?

В дневниках 1921—1934 годов Вернадский периодически обращается к осмыслению собственной религиозности. Его суждения достаточно противоречивы и сложны для их адекватной интерпретации. 22 июня 1923 года Владимир Иванович записал в своем дневнике: «Я считаю себя глубоко религиозным человеком. Могу очень глубоко понимать значение и силу религиозных исканий, религиозных догматов. Великая ценность религии для меня ясна, не только в том утешении в тягестях жизни, в каком она часто оценивается. Я чувствую ее как глубочайшее проявление личности» [3, с. 113].

Религиозность В. И. Вернадского может быть определена как внецерковная. Он отмечает: «Для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Мне не нужны слова и образы, которые отвечают моему религиозному чувству. Бог — понятие и образ слишком полный несовершенства человеческого» [там же]. А запись в дневнике от 28 мая 1924 года такова: «Характерно — и правильно — представление о Боге как о *Ничто* — то есть не может быть выражен ни в чем из нам доступного» [3, с. 116]. «Проблема Бога», по мне-

нию Вернадского, сложна и требует глубокого осмысления, что порой не под силу «даже широко образованным людям». В 1931 году ученый делает запись: «В молодости, когда я был смелее — или, вернее, больше интересовался философскими построениями — я допускал бессмертие личностей, но не видел места Единому Богу <...> Но единство Природы <...> требует Единого Начала» [4, с. 198].

В. И. Вернадский считал, что Бог вполне отвечает научному знанию. В свою очередь, научное знание, «охватывающее часть человечески доступного, придает ему форму Порядка Природы» (там же). Проблема соотношения науки и религии неоднократно затрагивалась ученым и была ключевой в дневниках рассматриваемого периода.

Своеобразной переключкой с думами В. И. Вернадского является мнение современного отечественного философа Ф. В. Цанн-Кай-Си о том, что просвещенный человек надеется, что Бог есть. Иначе мир становится нечеловечным, чужим, холодным и равнодушным. Для ученого — это надежда, что есть некий Абсолют, который придает миру Гармонию и не позволяет ему стать Хаосом.

Вернадский был абсолютно уверен, что искренне верующий человек может «принимать всю полноту научного знания», что «всякая религия и всякое теологическое построение может сосуществовать с научным мировоззрением» [3, с. 116]. Он подтверждает свое умозаключение конкретными примерами. Упомянув о Ф. И. Успенском, историке-византинисте, Вернадский отмечает, что Успенский — «верующий человек — православный <...> отличался чрезвычайной независимостью научной мысли от религиозной догмы» [4, с. 105].

Как справедливо указывает Н. В. Вернадская-Голль, дочь ученого, «отец <...> никогда не упрощал мир, и в его мирозерцании философия, и религия, и искусство были равноценны как источники познания». Однако В. И. Вернадский был прежде всего человеком науки. Он писал: «Ни в философии, ни в религии нет чувства (или идеи) бесконечного развития — только в науке»; «...прочен только научный факт»; «Мне хочется знать, но не радоваться или наслаждаться достижением знания»; «Я говорю, что считаю всякую философию недопустимой в науке...» [4, с. 205, 201, 206, 69]. Ученый утверждал, что его мировоззрение было основано на эмпирических фактах естественных наук.

Вполне объяснимо, что Вернадский в зрелом возрасте называл себя «неверующим», «не христианином», «верующим вне христианских церквей», но «чудный орган и пение, и вся толпа, и храм — создание вековых традиций» производили на него сильное впечатление и он «чувствовал биение великого» [3, с. 119]. Светское восприятие богослужений проявилось в эмоциональных оценках виденного. Так, Вернадский пишет в дневнике: «Католическая служба <...> с органом и хорошим пением — лучше и больше захватывает протестантской. Но мне кажется, православное отпевание более грандиозно» [3, с. 185]. Комнату, «переполненную образами», он называл «культурной обстановкой». Посещения церкви были связаны, как правило, со смертью близких и друзей, свадьбой дочери Нины, прогулками с внучкой Танечкой. Сын и дочь Владимира Ивановича были верующими людьми. Георгий и его жена Нинетта (так ее называли родители Георгия) являлись постоянными участниками богословского кружка П. Н. Новгородцева.

В. И. Вернадский был знаком со священнослужителями, общался с ними. В дневнике 1928 года сохранилась запись: «Утром Н. Чепурин. Священник преданный и очень образованный. Приходил беседовать о натурфилософских течениях на Западе <...> С ним — разговор о начале жизни...» [3, с. 114]. Таких, как Н. Чепурин, Вернадский считал лучшими. Осуждая борьбу большевиков против православия, понимая ее губительные последствия, ученый тем не менее видел, что «сила церкви усиливается, так как остаются лучшие» [3, с. 119].

Можно утверждать, что основой социоцентрической, внецерковной, внеконфессиональной религиозности В. И. Вернадского был культ Человека, отдельно взятой личности, провозглашение ее как величайшей ценности, существующей на Земле. Это основание являлось жизненным ориентиром ученого. Этой идее он служил всю жизнь. Вспоминая гражданскую войну, ректорство в Таврическом университете, он писал: «Я взял в это время определенный путь — не разбирая красн[ых] и бел[ых] помогать всем... Никто не пострадал — ни из тех, ни из других» [3, с. 71—72].

Религиозное бытие Марины Цветаевой. Произведения Марины Ивановны Цветаевой (1892—1941), вошедшие в книгу «Вольный проезд. Автобиографическая проза» [18], — это откровения поэта, поэтического прозаика, мыслителя о времени и о себе (И. Бродский считал Марину Цветаеву интереснейшим мыслителем XX века). Книга глубока и философична по содержанию и представляет собой опыт самопознания человека, наделенного художественным даром. Дневниковые и автобиографические очерки раскрывают разные грани и разные этапы частной жизни известного русского поэта XX века. Первая часть книги, дневниковые записи, датирована 1917—1920 годами, вторая, автобиографические сюжеты, — 1911—1936 годами. Почти все произведения второй части написаны в период с 1933 по 1936 год, когда М. Цветаева находилась в эмиграции.

В первой части автор — взрослый человек, мать двоих детей, поддерживающая жизнь семьи в неимоверно трудных условиях существования (смена государственной власти, братоубийственная война, голод и разруха), — описывает исторические реалии как современник. Вторая часть — автобиографическая проза — это очерки-воспоминания о детстве обиженного, обделенного любовью ребенка. Данное обстоятельство, абсолютизированное автором воспоминаний, дает ключ к пониманию поведения, отношения М. Цветаевой к людям и ситуациям, о которых она повествует.

Тексты книги содержат информацию о важнейшей составляющей духовного бытия человека — о вере в Бога. Частный опыт осмысления религиозности отдельного человека и окружающих его людей, сопоставляемый с множеством других частных опытов, позволяет представить модель духовного бытия общества, включая детскую и взрослую религиозность, бытовую религиозность различных социальных слоев, направления духовных исканий и их основания.

В дневниковой прозе М. Цветаевой тема религиозных переживаний человека может быть определена как стержневая. Она соединяет в единое целое мир и войну, общество и человека. Картина этого целого преломлена в сознании писателя, для которого творчество первостепенно: «Перо! — иначе задохнусь».

Первое упоминание о Боге в дневниковых записях связано с мыслями о муже-белогвардейце: «Если Бог сделает это чудо — оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами как собака» [18, с. 26]. В развитие темы гражданской войны на вопрос попутчика в поезде: «С кем муж?» — она отвечает: «Как Христос велел: ни бедного, мол, ни богатого <...> и во всех Христос» [18, с. 35] (т. е. со всем народом). Четырехлетняя дочь Марины Ариадна (Аля) «с времен восстания» (1917 год) произносила молитву: «Спаси, Господи, и помилуй: Марину, Сережу, Ирину, Любу, Асю, Андрюшу, офицеров и не-офицеров, русских и не-русских, французских и не-французских, раненых и нераненых, здоровых и не-здоровых — всех знакомых и не-знакомых» [18, с. 37].

Старшая дочь Марины была верующей девочкой. Узнав об убийстве царя Николая II, мать просит дочь: «Аля, помолись за упокой его души» — и далее продолжает: «И Алин тщательный, с глубоким поклоном, троекратный крест» [18, с. 110].

Храмы для Марины Цветаевой — ориентиры в пространстве городов и стран, образцы Красоты. Эстетике культовых зданий, колокольного звона, церковного пения отводится в повествовании особое место. Храм Христа Спасителя описывается автором «большим и темным. Наверху — головокружительный Бог. Островки свеч» [18, с. 118].

На примере отдельных высказываний или сюжетов представляется возможным вычленить условно роль религиозного восприятия жизни, иллюстрируемого в книге. Так, компенсаторная (психотерапевтическая) онтологичность религии раскрывается в очерках через размышления поэта о смерти и бессмертии: «Нет уменя жить, есть уменя умирать» [18, с. 123]; при описании отпевания друга-актера А. А. Стаховича: «В церкви стоял двойной пар от ладана и от дыхания <...> Божественная белизна Девичьего Монастыря, успокоительный свод арки» [18, с. 118]. Позднее один ее знакомый скажет: «Стоит умереть, чтобы лежать здесь <...>. Может быть, и — креститься» [18, с. 122].

Регулятивная онтологичность веры в Бога наглядно проявляется в оценке М. Цветаевой собственных поступков с точки зрения христианской морали. Так, о своих подаяниях она пишет: «И даю, конечно. Из высокомерия, из брезгливости, так, как Христос не велел давать: прямой дорогой в ад — даю!» [18, с. 47].

Личные впечатления, рассуждения о вере и Церкви дополняются впечатлениями окружающих. Общество в описании Марины Цветаевой многолико, здесь и мудрецы, и вольнодумцы, и еретики. Автор очень точно замечает: «Словом: мир. И вдруг: гром: Бог! Кто начал — не помню. Помню только свой голос: Господа, если его нет — за что же вы его так ненавидите?» [18, с. 52]. Мнения и мысли разные. Кто-то возмущается: «Зачем доску целовать? Коли хочешь молиться, молись один!», кто-то называет себя «спиритом социалистической партии — новым типом верующих», кто-то убеждает себя и других в том, что «Бог — свет: всю твою черноту прощупает. Ни он от тебя черней, ни ты от него не белей», что не против Бога он, а против слуг его — рук неверных, из-за которых много народу «отпало» от него [18, с. 40, 56]. Однако часто произвольно произносимые людьми слова «дай Бог», «Бог знает» свидетельствуют о Главном.

Интимные религиозные переживания Марины Цветаевой противоречивы. Она пишет о себе: «Если бы я была верующей...», «В церкви мне хочется

молиться только, когда поют. А Бога в помещении вообще не чувствую». Наряду с такими высказываниями встречаются другие. Она упоминает православные религиозные праздники (Пасху, Благовещение), ставит у Иверской свечку за окончание строя, при котором так дешево ценится писательский труд, принимает из рук знакомого-коммуниста подарок на Пасху — «деревянного кустарного царя» [18, с. 89, 100, 106, 111]. А в завершающей части дневниковой прозы, в очерке «Чердачное», делает ключевой вывод: «Есть рядом с нашей подлой жизнью — другая жизнь: торжественная, нерушимая, непреложная: жизнь Церкви. Те же слова, те же движения, — все, как столетия назад. Вне времени, то есть вне измены. Мы слишком мало об этом помним» [18, с. 143]. Уезжая из России в эмиграцию, они с дочерью крестились на православные храмы.

Мир детства М. Цветаевой представлен каждодневными заботами талантливого, впечатлительного ребенка: музыкальными занятиями, чтением книг, влюбленностями, тайнами и страданиями, необычайно насыщенной душевной жизнью. Основная тема автобиографической прозы — Марина и мать, во многом объясняющая душевные переживания «досемилетнего и семилетнего» ребенка.

О духовных исканиях маленькой девочки подробно говорится в очерках «Сказка матери», «Хлыстовки», «Черт». Марина лишь упоминает об уроках по Закону Божию и рождественских подарках. Ее более всего интересуют вопросы морали. Она благодарна матери за то, что та часто ей, музыкально одаренной девочке, повторяла: «Ты ни при чем. Слух — от Бога». Марина пишет: «Так это у меня навсегда и осталось <...>. Это меня охранило и от сомнений, и от само-сомнения, и от всякого, в искусстве, самолюбия <...>. Твое — только старание, потому что каждый Божий дар можно загубить» [18, с. 254]. Марину и сестру Асю интересовал вопрос: «А когда человек сказал да, а во рту — нет?.. то что же он сказал?.. Но если он в эту минуту умрет, то куда же он пойдет?.. В ад или в рай...» [18, с. 288].

Детские сомнения неизбежны. Они часть процесса утрат и восстановлений религиозной связи с Богом. М. Цветаева вывела своеобразный закон религиозного воспитания, который гласит: «...ребенка нужно — заклясть. И чем темнее слова заклания — тем глубже они в ребенка врастают, тем непреложнее в нем действуют: “Отче наш, иже еси на небесех...”» [18, с. 254]. Ее не заклили. Одинокая душа металась, ища любви. Марина страдала оттого, что считала себя нелюбимой дочерью. Возможно, поэтому так пронзительно прекрасен мир, описанный в очерке «Хлыстовки». Хлыстовки пригласили семейство Цветаевых на сенокос. Увиденное Марина называет «самым райским видением из всех видений райского сада Тарусы» [18, с. 300]. Всепоглощающая любовь монашек к ней, к «дочке мысленной», «гостье мечтанной», манила Марину: «В белом платье придешь пикеевом, нарядная, в башмачках на пуговицах <...>. А мы тебя оденем в на-аше! — в черную ряску, в белый плато-очек, и волоса твои отрастим, коса будет...» Очерк заключают строки: «Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины...» [18, с. 302].

Особое значение для понимания внутреннего мира будущего поэта имеет очерк «Черт». Он предельно откровенен, написан как исповедь неприкаянного человека. Марина пишет: «С Чертом у меня была своя, прямая, отрожденная связь, прямой провод. Одним из первых тайных ужасов и ужас-

ных тайн моего детства (младенчества) было: “Бог — Черт!”» Но она осознавала кощунственность мыслимого. Она пишет далее: «Это была — я, во мне, чей-то дар мне — в колыбель» [18, с. 319]. В детском сознании Черт ассоциировался с догом — собакой сводной сестры — Мышатым. Эта «сопоставительная-противопоставительная» страсть напоминала детскую игру, в которую играли многие дети: *да* и *нет* не говорить, черного и белого не носить. В сознании Марины существовало восприятие «наоборот»: черное — белое и т. д. Черт — Дог (Дог — Год — God) какое-то время выступал защитником одинокой, несчастной, глупенькой детской души, скованной страхами. Через него она познавала мир, училась любить побежденных, осознавать свою избранность, гордыню, отстраненность от всякой общности и, основное, знать, что Бог есть. «О, если бы я тогда догадалась, что “Дог — Черт”, от скольких бесполезных терзаний я была бы избавлена!» — заключает Марина; черт кончился с концом младенчества, в семь лет [18, с. 320].

Игровое начало в религиозных переживаниях Марины проявляется в ее увлечении игрушкой «черт в бутылке». Она пишет: «Мне было девять лет, у меня было воспаление легких, и была Вербя». Мать спросила у дочери, что ей принести «с Вербы», и дочь ответила: «Черта в бутылке». Уговоры не помогли, она получила то, что просила. Но в Светлое Воскресенье «черт <...> лопнул, не оставив от себя ни стекла, ни спирту» [18, с. 330, 335].

В этом произведении Марина Цветаева упоминает об исповедях: «первой православной исповеди» и «первой и единственной настоящей исповеди в чужой церкви, чужой стране, на чужом языке». Последняя примечательна тем, что «маленькая славянка» из уст католического священника узнала, что ее греховные мысли о Черте есть искушение дьявола.

«Первую православную исповедь <...>, в московской университетской церкви», у знакомого священника отца, профессора академии, Марина описывает подробно. Страх за утайку греха, страх за утайку денег, страх Божьего наказания — таковы впечатления от исповеди. Она оставила неизгладимый след в душе семилетней Марины, называющей ее «своим первым преступлением: тайной на первой исповеди, после которого — все преступно» [18, с. 336], но объясняет содеянное тактом. «Пугать батюшку чертом, смешить догом <...> было не-прилично», — пишет Марина. Она воспринимает священников как детей, как дедушек: «Как детям (или дедушке) рассказывать — гадости? Или страшности?» [18, с. 323]. Но еще одно обстоятельство нарушило ход первой исповеди — указание родителей: «А этот рубль ты после исповеди отдашь батюшке» [18, с. 320]. Страх за неповиновение родителям, так как Марина не хотела платить священнику за «смертную опасность» («...одна девочка утаила на исповеди грех и на другой день, когда подходила к причастию, упала мертвая...»), сковал ее. В самый последний момент девочка отдала деньги батюшке, боясь, что батюшка погонится за ней через всю церковь.

«Бог для меня был — страх», — признается Марина [18, с. 321]. Возможно, это страх смерти. Она пишет: «Каждая православная служба, кроме единственной — пасхальной, вопящая о воскресении и с высоты разверстых небес отрясающая всякий прах, каждая православная служба для меня — есть отпевание» [18, с. 325—326]. Может быть, поэтому в «досемилетнем возрасте», в младенчестве, как считала Марина, она во время служб думала об одном: «...когда же кончится?» [18, с. 326].

Религиозное бытие Марины Цветаевой формировалось и развивалось под воздействием ее среды, круга близких людей, образования. Она, как известно, происходила из священнического рода. Ее дед по отцу, о. Владимир (Цветаев), был настоятелем храма Николая Чудотворца в селе Николо-Талицы Шуйского уезда Владимирской губернии. Старший брат отца, Петр, тоже был священником. Отец Марины, Иван Владимирович, окончил духовное училище, а затем факультет классической филологии Санкт-Петербургского университета.

Дед запомнился Марине «очень старым уже стариком, с белой бородой немножко веером и стоячей, в коробочке, куклой в руках», в которые она так и не пошла [18, с. 324]. Она продолжает: «...со священниками <...> у меня никогда не вышло. С православными священниками, золотыми и серебряными, холодными как лед распятия — *наконец* подносимого к губам» [там же].

Яркие малопонятные в детстве явления и события, чувства и переживания творческой природы трансформировались в оригинальные образы, сравнения, суждения. Из них собиралось мозаичное полотно детских представлений о добре и зле, правде и лжи, свете и тьме. На них определенный отпечаток наложили семейные взаимоотношения, детские страхи, детский максимализм, категоричность в восприятии мира, непримиримость к чуждым ей проявлениям. Блестящая образованность, талант, воспитание в лучших традициях столичной российской духовной элиты не освобождали от сложных духовных исканий.

Марина Ивановна Цветаева прошла трудный жизненный путь. Трагичен его финал. Такое завершение жизни, думается, родом из детства: быть не как все, быть вне всех. В одном из автобиографических очерков она пишет: «В том-то и дело, что я ни в чем не раскаиваюсь» [там же]. И все-таки «Вольный проезд» — это книга публичного покаяния человека.

Н. О. Лосский: опыт осмысления собственной религиозности. Николай Онуфриевич Лосский (1874—1965) — российский философ XX века. Его судьба в советский период складывалась трагично. В 1922 году он вместе с Н. Бердяевым, П. Сорокиным, Ф. Степуном, С. Мельгуновым и другими известными российскими учеными, профессорами был выслан из Советской России.

Определенное место в жизнеописании мыслителя отводится его духовным исканиям, формированию его религиозности. Н. Лосский осознавал себя русским человеком, «несмотря на преобладание <...> польской крови» (по материнской линии). В роду Лосских были священники. Так, Н. О. Лосский упоминает о деде Иване по отцовской линии — униатском священнике, об отце — православном человеке и матери-католичке и приходит к выводу, что для него была «доступна интимная сторона не только православного, но и католического богослужения» и «никаких неудобств и соблазнов оттого, что мать была католичкой, а отец и дети — православными — не было» [11, с. 12—13, 18].

Впервые будущий философ побывал в православном храме в десятилетнем возрасте, так как церковь располагалась далеко от места жительства. Н. О. Лосский условно делит свое чувство религиозности на детское и взрослое и прослеживает его эволюцию на протяжении всей жизни. По его словам, в «детской религиозности тягостною стороною был мучительный страх ада и

адских мук». При этом он признает, что не знал источника этих представлений об аде [11, с. 19].

В гимназические годы Н. Лосский «утешение во всех своих бедах <...> находил в церкви». Гимназическая церковь описывается мемуаристом «светлой, радостной, с благодетельными ликами Спасителя, Богородицы и Святых» [11, с. 34]. Он хорошо знал порядок богослужения, ему нравилось церковное пение.

В семнадцатилетнем возрасте Н. Лосский пережил первый глубокий духовный кризис, который существенно повлиял на его дальнейшую судьбу. На одной из исповедей во время Великого поста священник задал ему вопрос: «Романы читаешь?» Лосский-гимназист ответил утвердительно. Священник наложил на него епитимью — «класть по сто поклонов во время вечерней молитвы в течение всего остального времени поста» [11, с. 46]. Лосский пишет: «Не прошло и месяца, как я уже отверг не только церковь и религию, но даже и бытие Бога» [там же]. Анализируя сохранившуюся в памяти ситуацию, философ осознал, что рядом с ним не оказалось авторитетного и знающего человека, который научил бы его отличать идеальную сущность христианства от земных искажений его.

Атеистический период в жизни Н. О. Лосского продолжался восемь лет, а «возвращение <...> к церкви совершилось только через тридцать с чем-то лет после сложного философского процесса» [там же]. За увлечение «социализмом и атеизмом» он был исключен из гимназии. Впоследствии об этом факте биографии ученого вспомнили в 1921 году, когда в Наркомпросе решался вопрос об увольнении неблагонадежной профессуры из столичных университетов. М. Н. Покровский, заместитель А. В. Луначарского, курировал высшую школу. Он считал, что такой профессор, как Лосский, «не может быть терпим в университете», ссылаясь на его отношение к религии. Но когда М. Покровский узнал, что Н. Лосский был исключен из гимназии «за пропаганду атеизма и социализма», он якобы сказал: «В таком случае у Лосского есть заслуги» [11, с. 232]. Тем не менее философ был уволен с кафедры философии Петербургского университета вместе с профессором И. Лапшиным.

Взрослая религиозность стала проявляться у Лосского, когда он решил жениться. В Женеве он познакомился с о. Николаем Апраксиным. Этот человек производил сильное впечатление на людей «своей добротой и глубокой религиозностью». Венчание Н. О. Лосский описывает так: «Каждую деталь обряда венчания, надевание кольца, хождение вокруг аналоя <...> он [о. Николай] выполнял с силою и внушительностью <...> Он пробуждал ясное сознание того, что венчание есть таинство, завершающее и оформляющее духовно-телесную связь, создающее в органическом целом церкви новое единство, поддерживаемое сверхчеловеческою силою» [11, с. 120].

Важным событием своей жизни Н. О. Лосский считает поездки в Ясную Поляну и Оптиную Пустынь в 1915 или 1916 году. Философ пишет: «В Оптиной Пустыни мы хотели побывать не только потому, что там был Толстой перед смертью <...> Была и еще более серьезная причина моего интереса к Оптиной Пустыни с ее старцами. В это время в связи с моими занятиями метафизикою у меня начался медленный процесс возвращения к религии...» [11, с. 203]. Лосский пережил в Оптиной Пустыни эстетическое чувство кра-

соты от увиденной гармонии, царившей в «суровом месте затворнической жизни».

Размышляя о последовавших событиях в России, ученый крайне негативно оценивает политику большевиков в отношении Русской Православной Церкви, объясняя ее тем, что «большевики <...> ненавидят все то, что воспитывает в человеке доброту и любовь ко всякой индивидуальной душе» [11, с. 205].

Вера в Бога, по мнению Лосского, необходима человеку. Она помогает принять жизнь такой, какая она есть. В 1918 году десятилетняя дочь Николая Онуфриевича Маруся заболела дифтеритом и умерла. Слова, произнесенные священником во время панихиды: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь», выражающие убеждение в том, что все случающееся в нашей жизни, руководимой Провидением, имеет глубокий смысл, потрясли Лосского.

В советский период, до высылки ученого за границу, ему неоднократно приходилось выступать с публичными лекциями на религиозную тематику. Наблюдения за слушателями позволили ему сделать вывод о том, что «люди, сбитые с толку большевиками, свирепо ненавидели в это время религию и всякое упоминание о сверхземном бытии», но были и такие, кто сначала под влиянием пропаганды становился атеистом, а потом возвращался к религии.

В день Благовещения Божией Матери в 1921 году семья Лосских, следуя обращению патриарха Тихона к верующим о пожертвованиях голодающим, передала некоторые ценные вещи в Казанский собор. Лосский пишет: «Я почувствовал во всем теле своем какое-то своеобразное переживание счастливой удовлетворенной цельности. С этого момента я исцелился от своей болезни» [11, с. 236].

Примечательно, что самочувствие Н. О. Лосского также было связано с его религиозностью. Он нашел средство от мучившей его долгие годы болезни — чтение «наиболее любимой молитвы, полной глубокого философского содержания, к Духу Святому “Царю Небесный...”», глав Евангелия. Он объяснял этот феномен так: «Молитва сосредоточивала внимание на своем возвышенном содержании и создавала живую уверенность в том, что телесная смерть не страшна потому, что Бог не оставит нас в эту минуту...» [11, с. 255].

Н. О. Лосский умер 24 января 1965 года в Париже. По воспоминаниям его сына Бориса, на могиле был сооружен крест работы иконописца Л. А. Успенского с резными по дереву распятием, образом Николая Чудотворца и надписью: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф».

Вместо заключения: взгляд на религию из XX века. Религия, по мнению выдающегося изобретателя, естествоиспытателя, богослова П. А. Флоренского, «есть или, по крайней мере, притязает быть художницей спасения, и дело ее спасать» [13, с. 71]. Флоренский под спасением понимал «равновесие душевной жизни» человека.

В современных условиях религия может выполнять функцию «спасительницы» общества. Социологи считают, что в России имеет место религиозная стабилизация, но она сопоставима с «колоссом на глиняных ногах». Историк Д. Е. Фурман интерпретирует данный образ так. «Колосс» — это 80 процентов самоидентификации как православных, всеобщее доверие Русской Православной Церкви, согласие большинства на привилегии церкви и на

разного рода запреты на деятельность новых религий. «Глиняные ноги» — это 7 процентов регулярно посещающих церковь, 6 процентов регулярно причащающихся, 1 процент постоянно обращающихся за советом к священнику, только 23 процента верящих в то, что Иисус Христос действительно жил, и социальная маргинальность реальных верующих [17, с. 31].

Конструкция «колосса на глиняных ногах» искусственна, хотя и основана на фактах. Она не отражает мощной духовной работы в сознании культурных слоев общества.

Советский историк-культуролог С. С. Дмитриев в своих дневниках неоднократно касался темы религии, православной веры. 22 февраля 1960 года он записал: «Как это красиво и умно. Всякий день, каждый день имеет свое значение, свое содержание, смысл, имя <...> свою память — общенародную, всемирно-христианскую, семейную, личную. Какая полнота чувства и думы народа и веков, да что там — тысячелетий, выразилась в этом понимании, ощущении реки жизни, потока времени» [6, с. 172]. А почти полувеком ранее, 4 мая 1918 года, великий русский писатель И. А. Бунин тоже в дневнике писал: «Великая суббота... Вчера от Ушаковых зашел в церковь на Молчановке <...> Красота этого еще уцелевшего островка... Красота мотивов, слов дивных, живого золота дрожащих огоньков свечных, траурных риз — всего того дивного, что все-таки создала человеческая душа и чем жива она — единственно этим! — так поразила, что я плакал — ужасно, горько и сладко!» [цит. по: 12, с. 13]. Отметим, что приведенные суждения писателя и ученого созвучны не только по сути, но и по восприятию времени — активной богосборческой практики советского государства (соответственно «ленинского» и «хрущевского» периодов гонений на Русскую Православную Церковь). Однако одухотворенность жизни приобщенного к православной культуре человека определяет его жизненный путь, делает этот путь более осмысленным, цельным.

Красота храма, религиозного обряда, религиозного символа вызывает в человеке чувство эстетического восторга и, по словам русского художника А. Н. Бенуа, «трепета перед загадкой жизни и смерти, в которой верующий видит начало спасения и касание Божества». В «Художественных письмах» Бенуа писал: «Я думаю, нет такого закоренелого атеиста, который, переступая порог какого-либо прекрасного храма, не испытал бы чувства известного замирания и не слышал бы род призыва в мир, ничего общего с обыденщиной не имеющий. Не отдавая себе отчета, что с ним происходит, он чувствует необходимость говорить вполголоса, ступать неслышными шагами...» [1, с. 166—167]. Восхищаясь великолепием старинных церквей, художник восклицал: «Откуда брались когда-то такие запасы благочестия, такой энтузиазм в поисках чего-то сверхземного, такая сила молитвенного порыва, да, наконец, просто материальные средства?» Людям хватало на все — и «на то, чтобы платить огромную дань религиозному чувству» [1, с. 202].

Для А. Н. Бенуа кажется невыносимой мысль, «что вся вселенная есть не что иное, как эквилибристика пылинок, вихрь светящихся и черных тел, которые отличаются между собой материей, плотностью, кристаллизацией, фауной, флорой, но которые совершенно лишены “архитектурного” сознания» [1, с. 65].

История человеческих судеб в России после 1917 года показала, что следование собственному религиозному чувству, уважение этого чувства в других означали проявление индивидуализма, несовместимого с коммунистическим мировоззрением. В. И. Ленин заявлял в письме в Оргбюро ЦК РКП(б) «Дань предрассудкам»: «Я за исключение из партии участвующих в обрядах» [9, с. 330]. Идеологами большевизма религия рассматривалась как основа человеческого индивидуализма; в человеческой душе она занимала место неприступного убежища, укрытия, уголка, недоступного наблюдению и контролю со стороны политической партии. Как отмечает Г. В. Вернадский в книге «Ленин — красный диктатор» [5], внутренняя религиозная духовность представлялась большевикам более опасной, чем внешняя, церковная.

Православная вера для многих представителей интеллектуальной и духовной элиты российского общества XX века определяла моральные императивы, профессиональную этику, «вкус жизни», без которых «жизнь есть глупый базар, где все бестолково торгуют чем попало» [1, с. 44]. Размышления художника позволяют сделать фундаментальный вывод о том, что культура — это процесс возобновления традиций, процесс сооружения «здания, которое должно стать храмом одновременно и свободной личности, и религиозной благодати» [1, с. 39]. И по-прежнему современно звучат слова героя одного из рассказов И. А. Бунина: «В мире, мой друг, нет праздника выше Рождества...» [2, с. 8].

Библиографический список

1. *Бенуа А. Н.* Художественные письма, 1930—1936 гг. М., 1997.
2. *Бунин И. А.* Безумный художник // Собр. соч.: В 4 т. М., 1988. Т. 3. Повести и рассказы, 1917—1930.
3. *Вернадский В. И.* Дневники: 1921—1925. М., 1998.
4. *Вернадский В. И.* Дневники: 1926—1934. М., 2001.
5. *Вернадский Г. В.* Ленин — красный диктатор. М., 1998.
6. *Дмитриев С. С.* Из дневников // Отечественная история. 2000. № 5.
7. *Зверев В.* Семь секунд реальности и память историка // Историк и художник. 2004. № 2.
8. *Кристева Ю.* Душа и образ // Интенциональность и текстуальность. М., 1998.
9. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50.
10. *Лермонтов М. Ю.* Избранные сочинения. М., 1983.
11. *Лосский Н. О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб., 1994.
12. *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина: Беседы с памятью. М., 1989.
13. Переписка А. В. Ветухова и П. А. Флоренского (1908—1918) // *Вопр. философии.* 1998. № 12.
14. *Пришвин М.* Дневники. М., 1990.
15. *Рыбаков С. В.* Вернадские: отец и сын // Наука. Общество. Человек. 2003. № 3 (5). (Вестник Уральского отделения РАН).
16. Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Кемерова. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск, 1998.

17. *Фурман Д., Каариаинен К.* Религиозная стабилизация: отношение к религии в современной России // Свободная мысль. 2003. № 7.
18. *Цветаева М.* Вольный проезд: Автобиографическая проза. СПб., 2001.

А. В. Степанов

ДУМСКОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1905 ГОДА: ОПЫТ НЕПРЕДВЗЯТОГО АНАЛИЗА

Рассмотрены законы Российской империи 1905 г., сформировавшие электорат Государственной думы. Автор утверждает, что правовые ограничения круга избирателей были оправданы условиями места и времени. Более того, точное определение групп, имевших право голоса, может свидетельствовать о подлинном желании старого режима сотрудничать с Думой, а не игнорировать ее.

Russian Imperial laws of 1905 shaping the State Duma electorate are discussed. The author's point is that the legal restrictions on suffrage were justifiable by conditions of time and place. Furthermore, precise definition of groups eligible to vote might testify to the old regime's genuine wish to cooperate with the Duma, rather than to ignore it.

Положение о выборах в Государственную думу, утвержденное 6 августа 1905 г. и дополненное императорским указом 11 декабря, подверглось критике со стороны «общества», едва став ему известным. С тех пор прочно утвердилось мнение о недемократичности Думы, сформированной на основе таких правовых норм. Автор предлагает взглянуть на избирательные законы глазами не политика, а историка. Он считает, что при таком подходе акты 1905 г. могут заслужить иную оценку и даже пролить свет на подлинные намерения руководства России в отношении вновь создаваемой представительной власти.

Рассмотрим вначале круг лиц, которым Положение *не предоставило* права выбирать членов Государственной думы.

Наиболее многочисленной общественной группой, не получившей избирательных прав, были женщины. Однако непредвзятый исследователь должен согласиться, что такая «дискриминация» в 1905 г. была не более чем признанием со стороны властей норм обычного права, которыми руководствовались в повседневной жизни стомиллионное российское крестьянство. За редким исключением женщины не участвовали в сельских и волостных сходах, тем более — не занимали выборных должностей в органах крестьянского сословного управления. В патриархальной семье доминировал «сильный пол», что вполне соответствовало разделению обязанностей в многотрудном *мужицком* хозяйстве. Стихийный «мужской шовинизм» находил поддержку со стороны церкви — едва ли не единственного внешнего морально-правового института, с которым считался крестьянский мир.

Гендерные стереотипы простонародья разделяло в начале XX в. и просвещенное русское «общество». Женщины не имели права избирать гласных в земские собрания и городские думы, хотя к 1905 г. уже часто работали в этих учреждениях по найму. Невелики были и доступные женщинам возможности нести государственную службу; мир русского классного

чиновничества, родственный по своему строю армии, оставался исключительно мужским.

С учетом этих фактов гендерные ограничения избирательных законов 1905 г. уже не кажутся антидемократичными. Напротив, если бы законодатель предоставил избирательное право женщинам, он рисковал бы подорвать авторитет Государственной думы в глазах абсолютного большинства подданных Российской империи.

Другое существенное отступление от принципа всеобщего избирательного права, установленное Положением 6 августа 1905 г., касалось молодежи. Права голоса на думских выборах не получали мужчины в возрасте до 25 лет. Знакомство с российскими законами начала XX в. показывает, что и это ограничение укладывалось в сложившиеся правовые рамки. Так, гражданское совершеннолетие наступало у нас только по достижении 21 года. Однако в этом возрасте мужчины подлежали призыву на четырехлетнюю службу в вооруженных силах и не могли участвовать в выборах до момента демобилизации. К тому же в условиях, когда даже начальное *школьное* образование оставалось уделом меньшинства, срок приобретения молодым человеком минимального набора гражданских понятий, необходимых для осмысленного участия в выборах, поневоле затягивался.

По законам 1905 г. в число избирателей не попали также лица, состоявшие на действительной военной службе. Здравое рассуждение заставляет признать обоснованным и такое ограничение. Неизбежная сезонная передислокация воинских частей и экипажей (например, выход в летние лагеря, участие в маневрах и учебных плаваниях) затрудняла приписку их личного состава к территориальным избирательным округам. Заметим, что летом 1905 г. готовилась демобилизация миллиона резервистов, призванных «под знамена» во время войны с Японией. Очевидно, что в таких условиях честные выборы с участием военнослужащих были невозможны.

Не следовало забывать и о соображениях секретности: сведения о численности и расположении воинских частей всегда составляют государственную тайну, тогда как избирательный процесс должен был стать предельно открытым. Были, вероятно, и соображения более высокого плана: наделение личного состава воинских частей избирательными правами означало вовлечение армии в политику, что едва ли желательно в любой стране, далекой от полного общественного согласия. Да и само «свободное волеизъявление» со стороны людей, находящихся в строгой служебно-дисциплинарной зависимости от воинских начальников, вряд ли вышло бы действительно свободным.

Особый гнев либеральных кругов вызвал отказ авторов закона допустить к выборам студенчество — «культовый класс» русского общественного движения. Здесь трудно, конечно, полностью исключить мотив перестраховки со стороны законодателя. Но следует предположить и иные соображения. Подобно солдатам и матросам срочной службы, студенты были лицами, *временно* находящимися в необычных, нередко материально стесненных условиях. При этом юноши зачастую не были связаны теми общественными обязательствами, которые удерживают от опрометчивых поступков более зрелых людей, например имеющих семью. Не следует также забывать, что студенческая жизнь протекала в стенах *казенных* учебных заведений, где политическая агитация, по меньшей мере, неуместна. Немало студентов училось, по сути, за счет государства и уже потому не имело права легально поддержи-

вать оппозиционные правительству силы. Наконец, численность студентов в возрасте старше 25 лет не могла быть значительной.

Не будет лишним подчеркнуть, что ни военнослужащие, ни студенты не платили в казну прямых налогов. Скромным (в силу очевидных причин) был и их вклад в пополнение бюджета *косвенными налогами* — например на спиртные напитки или табачные изделия. Между тем кредо либерализма — по *taxation without representation* — следует читать в обе стороны: равно несправедливо как устанавливать налоги, не предоставляя их плательщикам права контролировать расходы казны через выборных лиц, так и создавать представительную власть без прямого налогообложения электората. Сознательно вносимый налог играет роль «обратной связи» между правителями и управляемыми. Только когда избиратели вынуждены из своего кармана расплачиваться за ошибочный выбор, они становятся действительно ответственными гражданами, а не податливым объектом манипуляций со стороны демагогов.

Однако творцы избирательных законов 1905 г. не имели возможности следовать этому правилу. В начале XX в. государственный бюджет России менее чем на 10 % наполнялся прямыми налогами, которые взимались почти исключительно с немногочисленных предпринимателей — владельцев торговых и промышленных предприятий, трактиров, бань, доходных домов и т. п. Если бы законодатель строго следовал либеральным теориям, он наделил бы избирательным правом только этих *налогоплательщиков* в собственном смысле слова. Однако авторы закона проявили подобный либеральный фундаментализм в отношении не крестьян, а избирателей из городской курии, члены которой получали право голоса в случае уплаты ими любого из нескольких видов прямых налогов (промыслового, квартирного и т. д.). Показательно, что уже это вполне либеральное ограничение отстраняло от выборов многих политически активных выходцев из среднего класса (например, А. И. Гучкова или П. Н. Милюкова), которые не обладали и таким скромным цензом.

Одним из самых «проблемных» субъектов избирательного законодательства 1905 г. были рабочие. Положение 6 августа не дало им права выбирать членов Думы. Законодателю и здесь трудно отказать в определенной логике. Немало рабочих, особенно занятых в легкой промышленности, нанималось на фабрики лишь по осени, а весной возвращалось в деревню. Очевидно, что к подобным лицам с временным статусом применимы замечания, высказанные ранее в отношении солдат и студентов. Вот почему, когда в декабре 1905 г. рабочие все же были допущены к выборам, это было обставлено рядом условий, в том числе продолжительностью работы на одном предприятии. Заметим, что длительность избирательного стажа была установлена всего в 6 месяцев, что трудно признать вопиющей дискриминацией. Заметим еще, что число фабрично-заводских рабочих в России 1905 г. едва ли превышало 3 млн человек, то есть 2,5 % всего населения страны.

Оценить справедливость распределения избирательного права в Положениях 1905 г. можно методом «от противного», предположив еще менее демократичный, однако вполне возможный тогда ход событий. Например, законодатель мог потребовать от избирателя ценза *грамотности* или ценза *оседлости*. Могли бы также найтись веские доводы в пользу расширения действия *имущественного* ценза, например на крестьян. Наконец, и *вероисповедный* ценз в условиях того времени не показался бы еще анахронизмом.

Между тем избирательные законы не устанавливали подобных ограничений (кстати, широко применявшихся тогда в Европе). Даже от самих членов Думы закон требовал лишь владения русским языком.

Все изложенное неизбежно вызывает один вопрос. Если власть в лице творцов закона столь тщательно ограничивала круг избирателей, столь обдуманно наделяла подданных правом посылать в Думу своих представителей — собиралась ли она сотрудничать с Думой, готовилась ли к конструктивной работе с нею? Или же, как утверждали левые критики, созыв Думы был нужен «царизму» лишь для того, чтобы охладить революционные страсти, да еще получить столь необходимый казне заем в банках демократической и парламентарной Франции?

По мнению автора, строгое и по-своему оправданное ограничение законами 1905 г. круга избирателей неоспоримо доказывает, что намерения правительства в отношении Думы были вполне честными: самодержавие было искренне готово поделиться с нею *властью*. Если бы Думе отводилась сугубо декоративная роль, право выбирать ее членов можно было без особых ограничений предоставить хоть всему населению. В качестве демагогического жеста такой сверхлиберальный закон смотрелся бы куда более эффективно — и внутри страны, и за ее рубежами. Только вот работать с Думой, избранной подобным ультрадемократическим электоратом, не смог бы ни один уважающий свое дело чиновник или правоведа.

Готовность властей летом 1905 г., *за три месяца* до апогея революции, вести вполне честную парламентскую игру доказывается и тем, что законодатель не поддавался соблазну дать право голоса столь благонадежным (но вряд ли приемлемым для общества) людям, как офицеры армии, флота и полиции. Избранным в Думу чиновникам закон (ст. 53 Положения 6 августа) предписывал оставлять государственную службу, то есть отказываться от верной карьеры ради полной превратностей судьбы выборного политика. Даже городские священники получили право голосовать лишь в декабре 1905 г., вместе с рабочими.

Рассмотрим теперь *нормы представительства* населения в Думе, установленные законами 1905 г.

Расчет автора по 51 губернии Европейской России (без Польши и Финляндии), чье население получило избирательные права в августе 1905 г., свидетельствует, что, за немногими исключениями, норма представительства была практически одинаковой: один член Думы приходился в среднем на 260—290 тыс. жителей.

С учетом этого распределение депутатских квот *между городами* выглядит весьма щедрым: если бы законодатель строго следовал указанной норме, то мест в Думе не получили бы не только жители Нижнего Новгорода (там проживало 98 тыс. чел.) или Самары (95 тыс.), но даже саратовцы (198 тыс.) и харьковчане (206 тыс.). В то же время Положение 6 августа 1905 г. обделяло представительством жителей трех первых российских мегаполисов: полумиллионная Одесса и 72-тысячный Ярославль посылали в Думу по одному депутату; москвичи и питерцы были представлены в ней хуже, чем их соседи тверичи (но на уровне общероссийской нормы).

Излюбленной мишенью критиков избирательных законов 1905 г. было представительство в Думе рабочих. Указ 11 декабря позволял им твердо рассчитывать на 14 депутатских мест, что левые силы считали явно недоста-

точным. Однако несложный расчет показывает, что это вполне соответствовало указанной ранее норме. В самом деле, если Положение 6 августа распределяло квоты мест так, что один член Думы приходился в среднем на 260—290 тыс. жителей, тогда 14 депутатов избирались примерно от 3,6—4,0 млн чел. Это явно превышало число лиц, занятых на промышленных предприятиях с 50 и более работниками, а также в мастерских железных дорог. Интересен и другой подсчет. В избирательных собраниях 51 губернии членов будущей Думы должны были избирать более 6030 выборщиков, из которых рабочие составляли 208 (3,4 %). Следовательно, их квота мест *превышала* долю рабочих в населении России.

Рассмотрим еще одну особенность избирательных законов 1905 г. — многоступенчатый характер выборов, который также осуждали либерально-демократические круги. Действительно, для крестьян и казаков выборы оказывались трехступенчатыми. Рабочему, чтобы попасть в Думу, предстояло пройти по меньшей мере две избирательные ступени. Те, кто был склонен видеть коварный умысел в каждом законе, выработанном «бюрократией», утверждали, что многоступенчатый характер избирательного процесса давал властям возможность влиять на выбор крестьянами и рабочими своих депутатов.

Между тем беспристрастный исследователь должен прежде всего признать, что законодатель сделал все возможное для предотвращения подобных попыток. Статья 27 Правил 18 сентября 1905 г., которые конкретизировали булыгинский избирательный закон 6 августа, запрещала присутствие на волостных сходах любых посторонних лиц. Статья 29 тех же Правил указывала, что избирательные приговоры волостных сходов не подлежат утверждению земских начальников. Статья 10 Указа 11 декабря 1905 г. содержала аналогичную формулировку в отношении собраний рабочих: «Во время производства выборов лица, в них не участвующие, в указанные помещения не допускаются». Наконец, императорский Указ 8 марта 1906 г. грозил чиновникам, виновным в оказании давления на избирателей, тюремным заключением сроком от 8 до 16 месяцев с возможным последующим «удалением от должности».

Чтобы лучше понять причину введения законодателем уязвимой для критики многоступенчатой и непрямой избирательной системы, обратим внимание на то, что она применялась не только в отношении «низших» классов общества, но и при выборах по другим куриям.

Так, даже в тех 26 городах, население которых получило право выбирать членов Думы напрямую, минуя губернию, этот процесс был двухступенчатым. Следовательно, и для «цензового» общества, которое вряд ли потерпело бы вмешательство властей в ход голосования, выборы не были прямыми. Более того, Положение 6 августа допускало как вариант трехступенчатые выборы даже по курии землевладельцев. Однако предположение о намерениях бюрократии вмешиваться в выборы по этой архинадежной курии выглядит уже просто абсурдным.

Действительные причины, по которым власти даже не рассматривали возможность организации в России *прямых* думских выборов, имеют мало общего со стремлением заранее «встроить» в законодательство механизм административного нажима на избирателей. Следует учесть, что общая концепция непрямых многоступенчатых выборов сложилась еще в первой поло-

вине 1905 г., когда готовилась правовая база *законосовещательной* Думы, чей депутатский состав имел для властей хотя и важное, но не критическое значение. Создавая новый закон, его авторы просто применили многолетний положительный опыт проведения выборов в земские собрания, которые шли по двух-, а для крестьян — по трехступенчатой схеме. Использование для думских выборов хорошо отлаженных организационных структур позволило сравнительно быстро провести избирательную кампанию в стране с 20 %-м уровнем грамотности населения и относительно слабым развитием средств связи, в стране, которая была к тому же охвачена массовыми беспорядками.

Нельзя упускать из виду и другое обстоятельство. *Прямые* парламентские выборы, при которых живущий вдали от столицы избиратель нередко отдает голос за лицо на плакате или за броский лозунг, дают простор демагогам и политикам, понижают ответственность представительной власти перед электоратом. Разумеется, зрелое гражданское общество знает, как поддерживать контроль избирателей над своими избранниками. Однако в условиях России начала XX в. об этом можно было лишь мечтать.

При *непрямой* избирательной системе член Думы получает мандат не из рук чужого ему человека — председателя окружной комиссии, а от своих земляков, заполнивших зал губернского избирательного собрания. Как бы далеко ни лежало при этом место его проведения от волостных сел или уездных городов, такая система позволяет сохранить связь электората с избранником, по крайней мере до его отъезда в Петербург.

Впрочем, наиболее острую критику со стороны левой общественности законы 1905 г. вызвали даже не потому, что установленные ими выборы не были ни всеобщими, ни прямыми. Более всего современников разгневало *неравенство* избирателей, которое создавалось законодательным закреплением за каждой из четырех курий определенного числа мест в губернских собраниях. По мнению критиков, таким приемом авторы законов рассчитывали застраховать будущий парламент от засилья революционных элементов.

Безусловно, это обвинение в немалой степени справедливо. Однако даже здесь критики не проявили разумного реализма. Так, они словно забыли, что выборы гласных в *земские собрания* уже 15 лет — со времени контрреформ Александра III — проводились по совершенно аналогичной схеме, дающей дворянам гарантированное большинство мест. При этом земство осталось прочным бастионом либеральных сил, свободным от подозрений в дворянском сословном эгоизме. Привилегии, предоставленные землевладельцам на выборах в Думу, могли отражать не только охранительные устремления законодателей, но и неоспоримое превосходство аристократии в образовании, а также ее независимость и особую готовность служить всему обществу — те качества, которые думцам были нужны не меньше, чем земцам.

Следует добавить, что к 1905 г. понятия «землевладелец» и «дворянин» давно перестали полностью совпадать. После отмены крепостного права землевладельческий класс заметно демократизировался: в нем появились купцы и священники, мещане и крестьяне. Безусловно, дворянство, даже лишившись за 1861—1905 гг. трети своих земель, здесь пока преобладало, и установленные законами избирательные льготы предназначались в первую очередь ему. Однако в 1905 г. частное землевладение тех же крестьян уже составляло почти половину дворянского (26,5 млн га и 57,2 млн га соответственно). В недалеком будущем (которое без Думы теперь никто не мыслил)

демократизация землевладения должна была пойти еще дальше. Между тем «первая» курия включала *всех*, кто в данной местности владел цензовым количеством земли, независимо от сословной принадлежности, в том числе представителей мелких земельных собственников, имевших хоть десятую долю цензового числа десятин.

Внимательное изучение выборного законодательства показывает, что оно не было столь уж несправедливым по отношению к крестьянам. Так, в 14 губернских избирательных собраниях из 51 крестьяне имели больше представителей, чем выборщики двух «первых» курий *вместе взятые*; крестьянское большинство составляло здесь от 51 до 70 % голосов. Эти губернии направляли в Думу 117 членов, или 28 % от общего числа думцев, установленного Положением 6 августа. Еще в 17 губерниях число крестьянских выборщиков превышало число землевладельцев. В свою очередь последние имели большинство в 15 губерниях, однако лишь в двух из них оно было абсолютным: 60 % мест в Полтавской губ. и 55 % — в Минской; в остальных землевладельцы получили от 38 до 49 % мест. Если бы в избирательных собраниях всех 15 губерний дворянство заручилось поддержкой городской курии, оно бы провело в Думу около 110 членов.

К тому же ст. 49 Положения 6 августа прямо предписывала: «В каждом губернском избирательном собрании, прежде всего, выборщики от съездов уполномоченных от волостей избирают из своей среды одного члена Государственной думы». Таким образом, гарантировалось присутствие там по крайней мере полусотни крестьянских депутатов.

Анализ избирательного законодательства 1905 г. показывает, что оно было разработано с учетом местных традиций и действовавших нормативных актов, но практически без использования готовых зарубежных решений. Законодательная работа была проделана вполне профессионально, без уклона в ту или иную крайность. Как и другие лучшие правовые акты самодержавия, избирательные законы носили компромиссный характер, не рассчитанный на широкое одобрение, но отражающий сильную сторону монархической власти — ее независимость от корыстных интересов отдельных политических сил. Красноречив и тот факт, что Указ 11 декабря, появившийся *после Манифеста 17 октября*, не отменял булыгинского закона, а лишь дополнял его.

Все сказанное ставит под вопрос утверждение о том, будто Государственная дума была в 1905 г. «вырвана натиском революции». Не доказывают этого даже стенограммы правительственных совещаний, где обсуждались проекты думских законов и нередко звучали почти панические заявления чиновников. Едва ли не каждый участник прений имел свои основания *драматизировать* обстановку в России. *Консерваторы*, ссылаясь на остроту ситуации, хотели оправдать в глазах царя свое участие в явном ограничении его самодержавия. *Либералы*, стгущая краски, стремились припугнуть и вынудить к уступкам своих упрямых оппонентов. Однако неспешная, велеречивая манера дискуссий лучше иных лукавых слов доказывает, что и в июле, и даже в декабре 1905 г. «старый режим» вовсе не был «загнан революцией в угол», а чувствовал себя вполне уверенно.

Только неудачный опыт двух первых дум, избранных при довольно честном соблюдении властями законов Булыгина — Витте, вынудил правительство П. А. Столыпина в 1907 г. существенно изменить нормативную базу следующих выборов и начать широко вмешиваться в их ход.

А. А. Федотов

РЕФОРМА ПРИХОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ. ЗАКРЫТИЕ ХРАМОВ КАК ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ НАПРАВЛЕНИЙ ХРУЩЕВСКОЙ АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Рассматривается реформа административного управления в Советском государстве как одно из направлений хрущевской антицерковной политики 1958—1964 гг., связанной с курсом страны на строительство коммунизма, в котором не могло оставаться «религиозных пережитков».

The author deals with the reform of the parish administration in the Soviet Union in 1961 evaluating it as one of the directions of Khrushchev's antichurch policies in 1958—1964. The governmental actions led to closing of many churches and were aimed to decrease the «material base» of the Orthodoxy. These policies were connected with the Soviet leader's course to create the communist society where «the religious prejudices» could not exist.

Идеологи церковной реформы первой половины 60-х годов XX века отчетливо представляли себе, что «перестройка церковного управления» может оказаться делом «сложным и деликатным». Решение было найдено быстро: «Для того чтобы не вызвать каких-либо осложнений в отношениях между Церковью и государством, многие мероприятия проводить церковными руками»¹.

18 апреля 1961 года под жестоким давлением Совета по делам Русской Православной Церкви, Священным Синодом было принято постановление об отстранении священнослужителей от хозяйственных дел в приходах. Несогласие со столь радикальной реформой приходского управления многих видных иерархов потребовало дополнительного утверждения ее на Архиерейском Соборе².

18 июля 1961 года в Троице-Сергиевой лавре состоялся Архиерейский Собор, который установил новую организацию приходского управления. Проводилась реформа как вынужденная мера в тяжелые для Церкви дни, когда гонения на нее резко усилились. Выставлено было требование привести «Положение об управлении РПЦ» в строгое соответствие с постановлением ВЦИК и НК РСФСР 1929 года «О религиозных объединениях», которое устраняло священнослужителей, как лиц, лишенных избирательного права, от участия в хозяйственных делах религиозных общин. То, что после издания Конституции СССР 1936 года, предоставившей всем гражданам одинаковые права, постановление это вступило в противоречие с основным законом государства, игнорировалось³.

В результате реформы приходского управления сложилась ненормальная ситуация, когда настоятели приходов, лишившиеся всякой возможности вмешательства в хозяйственные дела общин, оказались в положении наемных лиц у церковного совета, состоявшего из мирян, причем зачастую далеко не религиозных. Власть же епархиального архиерея над приходами минимизировалась до такой степени, что после снятия с регистрации назначенного им настоятеля приходы становились подведомственны только государственному регистрирующему органу.

Духовенство восприняло реформу приходского управления неоднозначно. Например, один из священников Костромской епархии в беседе с уполномоченным по поводу ее заявил: «С этой перестройкой я как настоятель превратился в половую тряпку, которой можно лишь подтереть пол. Никому не имею права ничего приказать. К ящику⁴ не подходи, мною могут командовать всякие старухи»⁵. Аналогичное настроение вынашивалось целым рядом священников. Другая же их часть пошла по иному пути: внешне они подчинялись, но фактически продолжали распоряжаться финансово-хозяйственными делами церкви, используя лично им преданных малограмотных членов исполнительных органов⁶.

Впрочем, были и другие мнения. Например, на Поместном Соборе 1988 года архиепископ Иркутский и Читинский Хризостом дал положительную оценку приходской реформе 1961 года: «Помню сороковые годы, с 1943 по 1954 год у нас тоже было возрождение, даже более мощное, чем сейчас; открывались храмы тысячами. Священнослужители имели возможность и административной, и пастырской деятельности. Начали с того, что покупали себе роскошные дома на самом видном месте, красили заборы в зеленый цвет. А машины — не просто «Волги», а ЗИЛы. Я думаю, что великим благом... было то, что в 1961 году отказались от административной деятельности. Это промыслительно потому, что последующие годы были трудные, но если бы священники были у власти, то их всех бы пересажали на законном основании»⁷. Но такие мнения являлись единичными. Большинство духовенства и простых верующих восприняли реформы отрицательно.

Выход для духовенства из создавшейся ситуации обозначил Святейший Патриарх Алексий I: «Умный настоятель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни, всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе. И будут прислушиваться к его мнению, а он будет спокоен, что заботы хозяйственные уже не лежат на нем и что он может всецело отдалиться духовному руководству своих пасомых»⁸. Эти слова наставления дали силу противостоять лавине церковной реформы, направленной в первую очередь на изменение всего строя церковной жизни и уничтожение порядка приходского управления.

Одновременно с реформой был произведен так называемый единовременный учет. Проверялось не только количество церковных зданий, их площадь и другие габариты и даже не только количество совершаемых треб, но все, вплоть до того, сколько людей посещает храм в дни церковных праздников. Так, например, на основе данных единовременного учета 1961 года было установлено, что в Костромской области разовое посещение церквей в дни больших религиозных праздников составляет около 22 тысяч человек⁹.

При проведении единовременного учета «было выявлено много бездействующих церквей, неиспользуемых молитвенных зданий, затухающих приходов. Совет принял меры по ликвидации практики субсидий таким приходом со стороны более сильных религиозных объединений и Патриархии, что повлекло прекращение их деятельности. На местах разобрались с каждым религиозным обществом. В соответствии с законом, общественные здания, захваченные церковниками в период войны, были возвращены их прежним владельцам и превращены в учреждения культуры, школы. Многие слабые и распавшиеся религиозные объединения сняты с регистрации. Материальная база православия заметно сузилась» (такими словами докладывал в ЦК КПСС

В. Фуров, заместитель председателя Совета по делам религий, рапортуя об итогах перестройки церковного управления)¹⁰.

В Ивановской епархии в одном только 1961 году было закрыто семь храмов: в погосте Ананьин Конец Заволжского района, в селе Бортницы Родниковского района, во Всехсвятском погосте Южского района, в селе Дроздове Шуйского района, в селе Иванове Середского района, в селе Спас Шелутино Палехского района, в селе Филиппкове Комсомольского района. Если на 1 января 1961 года число приходов Ивановской епархии равнялось 56, то на 1 января 1962 года оно сократилось до 49¹¹.

Закрытие проходило неравномерно, в разные годы и в разных областях. Например, в той же Ивановской епархии в 1959—1960 годах, когда по всей стране активно шло закрытие храмов, церкви не закрывались; только с июня 1959 года «по предложению органов пожарного надзора» была закрыта епархиальная свечная мастерская, служившая до определенного времени источником больших доходов для епархии. В 1962 и 1963 годах в Ивановской епархии было закрыто по два храма, еще один храм был закрыт в 1964 году. В отличие от многих других епархий Советского Союза начиная с 1965 года закрытия храмов в Ивановской епархии не происходило¹². (В Костромской епархии с 1961 по 1964 год было закрыто 4 прихода¹³, в период с 1962 по 1983 год количество действующих церквей сократилось с 77 до 65¹⁴. Во Владимирской епархии с 1962 по 1975 год — с 61 до 51¹⁵).

Приводимая ниже таблица 1 иллюстрирует, как изменялось количество храмов в период проведения реформы приходского управления в Ивановской области.

Таблица 1

Закрытие храмов в Ивановской области в 1961—1964 годах¹⁶

	1961	1962	1963	1964
Количество действующих приходов	56	49	47	44

Для очередных закрытий использовались все возможности. В плане уполномоченного Совета по Костромской области на 1964 год значилось: «Совместно с райисполкомами и райкомами провести социологическое обследование населенных пунктов в районе одиннадцати церквей... где из-за отсутствия священников длительное время нет богослужений и где финансовое положение религиозных объединений свидетельствует о том, что церковь не поддерживается населением, и после этого решить вопрос о снятии с регистрации религиозных обществ»¹⁷. Впрочем, необходимо отметить, что во многих областях СССР статистика функционирования церквей и служащих священнослужителей была намного более удручающей, чем например в Ивановской, Владимирской и Костромской областях, о чем свидетельствует приводимая ниже таблица 2.

Анализируя цифры этой таблицы, мы, с одной стороны, должны учитывать, что указанные области не имели столь глубоких православных традиций, как Владимирская и Костромская. С другой стороны, нельзя забывать и о том, что приведенные цифры относятся к периоду до начала активных хрущевских закрытий. Поэтому положение Церкви в центре России — во Владимирской, Костромской, Ивановской, Ярославской и Тверской областях — в

эти годы можно охарактеризовать как более благоприятное по сравнению со многими другими областями на территории СССР.

Таблица 2

**Количество православных церквей, молитвенных домов и священников
в некоторых областях СССР (на 01.01.1958)¹⁸**

Область	Количество священников	Количество церквей и молитвенных домов
Алтайский край	19	11
Якутская АССР	6 (из них 3 внештатных)	2
Тувинская АО	2	2
Чечено-Ингушская АССР	9	5

Однако, например, к началу 1962 года во Владимирской области имелось 346 недействующих храмов. Общая характеристика их приводится ниже в таблице 3.

Таблица 3

Характеристика закрытых храмов Владимирской епархии (на 01.01.1962 г.)¹⁹

Все-го	Количество закрытых храмов			Из них памятников архитектуры	Использование закрытых храмов		Признано подлежащими сносу
	Сроки закрытия				под культурно-просветительские нужды	под хозяйственные нужды	
	До 1941 г.	С 1941 по 1960 г.	С 1960 по 01.01.1962 г.				
346	330	12	4	117	44	223	79

Из этой таблицы наглядно видно, как мало ценились в советское время культурно-исторические ценности религиозного характера. Из 117 закрытых храмов, являющихся памятниками архитектуры, лишь 44 использовались под культурно-просветительские нужды, остальные были либо переоборудованы в склады, цеха и т. п., либо же признаны подлежащими сносу. Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР обычно легко утверждал постановления облисполкомов о сносе и переоборудовании недействующих православных церквей. В 1960-е годы, среди множества прочих, были утверждены решения Владимирского облисполкома о переоборудовании церкви в селе Окшове Ляховского района под клуб, в селе Осипове Кировского района — под склад, а также о разборке церковных зданий в селе Сновицы Суздальского района, селе Черкутине Ставропольского района как аварийных²⁰. Нужно еще вспомнить о том, что 346 — это не количество храмов, закрытых во Владимирской епархии после революции, а лишь тех из них, которые сохранились до 1962 года. А сколько храмов было уничтожено до этого времени! И из этих 346 оставшихся стоять закрытыми храмов 79 были признаны подлежащими сносу, т. е. почти 23 %.

Не всегда закрытие храмов происходило спокойно. Верующий народ не желал отдавать свои святыни на поругание. Например, в 1960 году стоял вопрос о закрытии Успенского собора во Владимире и переводе его на музейный режим; взамен верующим предполагалось предложить Успенскую церковь Княгинина монастыря, являющуюся памятником архитектуры XVI века.

Собор этот, открытый в апреле 1944 года, с 1949 по март 1954 года был закрыт для богослужений в связи с ремонтно-реставрационными работами. И в 1960 году, видимо, планировалось под предлогом таких работ спокойно его закрыть.

Но сильные протесты верующего народа помешали закрытию, хотя богослужения и были ограничены ввиду ремонтно-реставрационных работ, продолжавшихся с перерывами вплоть до начала 1980-х годов. Интересно, что обвинявшие верующих в неумении хранить бесценные фрески собора руководители советских органов культуры сами об их сохранности совсем не заботились.

В 1965 году внутри собора проводились съемки фильма «Андрей Рублев». По ходу съемок внутри собора разжигался костер (отсюда копоть и прочие загрязнения иконостаса), а применение высоковольтных прожекторов с пучками света, направленного на фрески, привели к грубому нарушению установленного климата (теплота, влажность), фрески под воздействием прожекторов портились и приходили в аварийное состояние. Кроме того, во время киносъемок под куполом собора возник пожар, разрушивший купол. При тушении пожара в собор проникло много влаги, которая сильно сказалась на сохранности фресок Рублева. Церковная община собора провела работы по консервации фресок и затратила на это 25 000 рублей. Община также произвела полный ремонт кровли собора²¹.

Верующие боролись не только за соборы, но и за маленькие сельские храмы. В 1964 году по поводу закрытия церкви в селе Елховка Тейковского района Ивановской епархии около ста человек прихожан направили письма протеста уполномоченному Совету по делам РПЦ при Совмине СССР, Патриарху, уполномоченному по Ивановской области, в Ивановское епархиальное управление.

Сам захват этой церкви иначе, как разбойничьим, назвать невозможно. 11 декабря 1963 года уполномоченный при Тейковском райисполкоме вместе с некоторыми представителями местной власти, среди которых был начальник местной милиции, приехали в церковь и потребовали от председателя церковного совета выдать им ключи от церкви под предлогом производства ревизии и проверки церковного имущества. Староста отдавать ключи не хотела, но ее запугали и чуть ли не силой отобрали ключи. После этого было изъято мелкое церковное имущество и утварь, а также другие ценности: свечи, наличные деньги, банковские документы по текущему счету, церковная печать, штамп и регистрационная справка на церковь. В этом случае все апелляции верующих оказались бесполезными²².

Но нередко храмы закрывались в тайне. Так, «священник села Межи Родниковского района Ивановской области о. И. Рябинин указом от 7 августа 1962 года был перемещен настоятелем церкви села Филисова, того же района и области с тем, чтобы настоятель церкви села Филисова о. И. Табаков был перемещен в церковь села Межи.

Когда протоиерей о. И. Табаков приехал в епархию за назначением в село Межи, то уполномоченный по делам РПЦ по Ивановской области Н. Н. Желтухин попросил повременить с его назначением, ссылаясь на решение Ивановского облисполкома о закрытии церкви в селе Межи»²³. Также уполномоченным Советом по Ивановской области отмечалось, что и после закрытия церкви в селе Филиппкове Комсомольского района никаких жалоб

и заявлений с просьбой ее открытия не было²⁴. Не везде верующие достаточно активно боролись за свое право на свободу совести.

Сокращались и представительские возможности епархий и их управляющих. В середине 60-х годов управляющий Ивановской епархией митрополит Антоний (Кротевич) передал городу прекрасное здание епархиального управления, в котором имелся и большой домовый храм, а также некогда располагались и свечные мастерские. Взамен этого здания был куплен небольшой дом, куда по благословению Патриарха Алексия I был перенесен и домовый храм, расположенный в старом здании епархиального управления²⁵.

Последствия реформы приходского управления оказались весьма негативными. Священник превратился в «служителя культа», нанятого исполнительным органом, а следовательно, мог быть уволен по усмотрению этого органа. Проведение так называемого единовременного учета способствовало установлению тотального государственного контроля над всеми сторонами церковной жизни. Ограничилась проявившаяся вновь после Великой Отечественной войны власть епархиальных архиереев над приходами, которые после отстранения священника становились подчинены и подотчетны только государственному регистрирующему ведомству. Под любыми предлогами происходило закрытие храмов. Соотношение открытых и закрытых храмов в 1960-е годы во Владимирской епархии было примерно один к шести. А в Кировской области с 1960 по 1964 год из 75 церквей и молитвенных домов, действовавших в 1959 году, было закрыто путем произвола и насилия 40 церквей, или 53 %. В Полтавской епархии в 1958 году было 340 храмов, в которых совершалось богослужение, а в 1964 году их осталось только 52. Всего в СССР за указанный период было закрыто более 10 000 церквей, или половина всех храмов, действовавших после войны²⁶. Исходя из имеющихся фактов, можно констатировать, что подавляющее большинство храмов закрывались не сами собой (в силу того что люди оставили христианскую веру), а незаконно, организованным административным нажимом.

Закрытие храмов и инициированная советскими органами власти реорганизация приходского управления 1961 года были составными частями одного общего процесса гонения на Церковь, начавшегося в 1958 году и пошедшего на спад в 1964 году. В связи с политикой Хрущева, декларировавшего скорое построение коммунистического общества, в котором нет места «религиозным предрассудкам», Русская Православная Церковь оказалась в ситуации, в которой административная система советского государства вновь начала работать на ее уничтожение. Прекращению антицерковных акций в 1964 году было несколько причин; среди основных называют активизацию международной деятельности Русской Православной Церкви, но важнейшей причиной, видимо, следует считать смещение Н. С. Хрущева.

¹ Васильева О. «Чувствую себя нервным от общего хода дел» // Альфа и омега. 2003. № 2. С. 243.

² См.: Цытин В., прот. История Русской Православной Церкви, 1917—1997. М., 1997. С. 391—393.

³ См.: Цытин В., прот. История Русской Православной Церкви, 1917—1990. М., 1994. С. 159.

⁴ Имеется в виду свечной ящик, где продаются свечи и принимаются заказы на требы.

- ⁵ Государственный архив Костромской области. Ф. р-2102. Оп. 5. Д. 44. Л. 19.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Поместный Собор Русской Православной Церкви: Материалы. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1990. С. 397.
- ⁸ Журнал Московской Патриархии. 1961. № 8. С. 6.
- ⁹ См.: Государственный архив Костромской области. Ф. р-2102. Оп. 5. Д. 44. Л. 23.
- ¹⁰ Цит. по: *Васильева О.* Указ. соч. С. 244.
- ¹¹ См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1961 год. Л. 3.
- ¹² См.: Там же. Отчет... за 1959 год. Л. 1, 7, 44; Отчет... за 1960 год. Л. 1—5; *Федотов А. А.* Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1918—1998 гг.: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. Иваново, 1999. Ч. 1. С. 32, 34.
- ¹³ См.: Государственный архив Костромской области. Ф. р-2102. Оп. 5. Д. 44. Л. 14; Д. 70; Д. 91. Л. 2—12; Д. 117. Л. 10; Д. 191. Л. 10; Д. 201. Л. 9; Д. 209. Л. 9.
- ¹⁴ Там же. Д. 44. Л. 14; Д. 201. Л. 9.
- ¹⁵ См.: Государственный архив Владимирской области. Ф. р-632. Оп. 8. Д. 3. Л. 38; Оп. 7. Д. 7. Л. 4.
- ¹⁶ Таблица составлена по материалам: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1961 г. Л. 3; Дело «Переписка с Патриархией».
- ¹⁷ См.: Государственный архив Костромской области. Ф. р-2102. Оп. 5. Д. 65. Л. 1—2.
- ¹⁸ Таблица составлена по материалам: Государственный архив Российской Федерации. Ф. р-6991. Оп. 2. Д. 236. Л. 30—33, 35—43.
- ¹⁹ Таблица составлена по материалам: Государственный архив Владимирской области. Ф. р-632. Оп. 8. Д. 3. Л. 39.
- ²⁰ Там же. Д. 2. Л. 1, 2, 6, 8.
- ²¹ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 8, 43, 89, 26.
- ²² См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Дело «Переписка с Патриархией».
- ²³ Там же.
- ²⁴ Архив администрации Ивановской области (Архив уполномоченного Совета по делам религий при Совмине СССР по Ивановской области. Дело Николаевской церкви с. Филиппкова. Л. 93).
- ²⁵ См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Дело «Переписка с Патриархией».
- ²⁶ См.: Русская Православная Церковь в советское время. М., 1995. Кн. 2. С. 71.

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ И НООСФЕРЫ: НАУЧНАЯ ШКОЛА В УНИВЕРСИТЕТСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Анализируются зарождение и историческое развитие университетской научной школы профессора Н. П. Антонова, занимающейся философскими проблемами сознания и ноосферы. В первом приближении намечаются истоки и основные измерения научной и социальной жизни ивановской ноосферной философской традиции. Раскрывается влияние философских мировоззренческих и методологических традиций на университетское сообщество.

The problems of burning and historical development of Antonov's scientific school (Ivanovo State University), which deals with the problems of consciousness and noosphere are analyzed in the article. The roots and basic dimensions of scientific and social life of Ivanovo philosophical noosphere tradition are pointed out. The author stresses on the influence of the philosophic and methodological tradition over the university society.

Каждый университет представляет собой единый организм духовной жизни профессорско-преподавательского коллектива. Обычно формальная структура университета задается подсистемами кафедр, специальностей и факультетов, которые определяют устойчивость образовательной структуры. Однако любая образовательная структура является не только жесткой (статичной), но и динамичной формой. В силу этого кроме официальной структуры в университете имеют место неформальные структурные единицы, среди которых главную роль играют научные школы. Они выступают фактором самоорганизации университетской научной, учебной и социальной жизни, на них держится развитие (феномен эмерджентности) вуза, которое определяет качество научной и образовательной эффективности. Система научных школ дает представление о лице вуза, поэтому важно проанализировать их системность, организованность¹.

Философская региональная школа оказывает значительно более широкое влияние на мировоззрение региона, нежели это принято считать. Участие преподавателей соседних вузов в регулярных научных конференциях постоянно активизирует и актуализирует проблематику, над которой работает школа, более того, эта проблематика оказывает влияние на развитие соседних научных и философских школ. Именно поэтому столь важно для каждого университета обозначить вехи университетской научной жизни, которыми и являются университетские школы с большими и прочными историческими традициями.

В мировоззренческом и методологическом отношении особую роль играют философско-гуманитарные традиции вуза, тем более такого, который вырос из педагогического института. Первые шаги в Ивановском государственном университете в конституировании гуманитарных научных школ и направлений уже сделаны². Думается, что аккредитация научных школ — актуальная задача, стоящая перед коллективами университетских ученых.

Вехи научного :развития кафедры философии ИвГУ

Функции и задачи кафедры философии — одной из самых старых кафедр вуза — на протяжении ее существования значительно изменялись. В сталинскую эпоху она являлась форпостом идеологической лояльности и политической благонадежности, хотя и при этом преподаватели умели донести традицию свободного мышления до студентов гуманитарных и естественных факультетов. Отсутствие социальной свободы философского мышления приводило к тому, что на первое место выходили личностные аспекты мировоззрения представителей общественных и естественнонаучных кафедр³.

В период «оттепели» стали формироваться те философские традиции, которые в последующие годы оказались весьма продуктивными. Речь идет о разработке теоретических и методических проблем формальной логики (А. И. Уёмов, позднее И. В. Дмитревская), философии сознания (Н. П. Антонов), диалектической логики (П. А. Лежебоков), философии невооруженного пути революции и философии реформ (Л. Г. Олех), философии ноосферы (Н. П. Антонов), философии нравственности (Г. Н. Гумницкий), методологии системного подхода (И. В. Дмитревская). Такое многообразие философских традиций оказало позитивное воздействие на интенсивность и широту философских исследований в ивановском регионе.

В перестроечные годы перед кафедрой философии возникла задача освоения и выработки мировоззрения и методологии, адекватных сложности той реальности, перед которой встала страна на рубеже тысячелетий. Из наиболее укрепившихся философских традиций в силу целого ряда объективных и субъективных причин осталась философия сознания и ноосферы в контексте системных и нравственных аспектов. В последующем эти приоритеты проявят себя в основной философской традиции кафедры.

Ноосферные исследования получили поддержку руководства университета практически в самые первые годы его формирования, фактически университет вырос из философской методологии, которая развивалась профессором Н. П. Антоновым. О правильности выбранного курса свидетельствует то, что в течение долгого времени эта интенциональность вызывает интерес преподавателей других кафедр и студентов различных факультетов. Роль кафедры философии в становлении ИвГУ определяется тем, что у истоков рождения университета, как подчеркивает первый его ректор В. Н. Латышев, наряду с профессорами П. В. Куприяновским и В. М. Бритовым стоял ее заведующий Н. П. Антонов⁴.

Первые шаги ноосферного философско-методологического дискурса совпали со временем становления ИвГУ и повлияли на формирование концепта университетского образования. В конечном итоге, в конце 90-х годов XX века, эти идеи, имплицитно содержащиеся в ноосферном мировоззрении Н. П. Антонова, выразились в создании модели российского ноосферного университета. Эвристический потенциал, заложенный учением В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, уже сейчас широко используется для совершенствования образовательной и воспитательной деятельности профессорско-преподавательского коллектива университета.

Исторически сложилось так, что в творчестве коллег и учеников Н. П. Антонова проявились себя обе тенденции наследия ученого — и филосо-

фия сознания, и философия ноосферы. Системные и герменевтические аспекты сознания и становления ноосферы развивались И. В. Дмитревской, философия языка и сознания А. Н. Портновым⁵, онтология сознания А. В. Ерахтиным, философские проблемы ноосферного сознания, ноосферного образования и ноосферного универсума Г. С. Смирновым⁶, философские проблемы взаимодействия общества и природы М. Г. Зеленцовой⁷, философские аспекты ноосферного взаимоотношения мира и человека А. В. Брагиным⁸.

Постперестроечная эпоха 90-х годов XX века внесла постмодернистские настроения в традиционную философскую проблематику кафедры, прежде всего за счет антропологических (В. Н. Волков), гендерных и феминологических (О. В. Рябов) философских исследований, которые оказались созвучными ноосферной традиции кафедры⁹.

С 1995 года при кафедре открыта докторантура по специальности 09.00.01 — «Онтология и теория познания». Эту форму подготовки докторской диссертации прошли докторанты Г. С. Смирнов, О. В. Рябов, М. Г. Зеленцова, М. Ю. Тимофеев, в настоящее время обучаются Т. Б. Кудряшова, С. В. Коваленко. В 1996 году на базе диссертационного совета по защитах кандидатских диссертаций, существовавшего с 1983 года, открывается докторский совет по философским специальностям («Онтология и теория познания», «Социальная философия»), что обеспечивает эффективную подготовку специалистов-гуманитариев для региона.

Представление о научной школе в философии науки

В последнее десятилетие значительное внимание в наукологии оказалось прикованным к проблеме становления, развития и функционирования научных школ. Е. З. Мирская отмечает, что в литературе сложилась расширительная трактовка словосочетания «научная школа»: «Школой называют научный коллектив или сообщество неформально взаимодействующих ученых, сплоченных вокруг научного лидера, разделяющих его основные научные идеи и реализующих единую, обычно новаторскую, исследовательскую программу. Эффективность научной школы обусловлена самой природой самоорганизующегося коллектива исследователей, объединенных, прежде всего, общими научными интересами, т. е. интересами единомышленников»¹⁰. Обычно выделяют четыре типа научных школ: научно-образовательную, исследовательскую, школу-направление и национальную¹¹. Университетская научная школа чаще всего относится к научно-образовательной. Научная школа считается таковой, если «в ней представлены три основные функции — образовательная, исследовательская и инновационная»¹².

Сообщество ученых — последователей научного направления, сформулированного Н. П. Антоновым, в настоящее время отвечает этим признакам научно-образовательной научной школы. Во-первых, в рамках антоновской философской школы анализируются проблемы формирования и развития сознания, взаимосвязи языка и мышления, влияния ноосферной парадигмы на современное образование. Во-вторых, на протяжении более чем двадцати лет вокруг кандидатского, а с 1997 года докторского совета по философским специальностям ведется разработка научных направлений, связанных с продолжением изучения философских проблем сознания и ноосферы. В-третьих,

как показывает опыт, раз в пять лет возникает новое эвристическое направление, раскрывающее новое измерение старой проблемы, причем это относится как к философии сознания, так и к философии ноосферы.

Н. П. Антонов — основатель ивановской ноосферной школы

Одной из научных школ Ивановского государственного университета является школа философии сознания и ноосферы, начало которой было положено профессором Н. П. Антоновым (1909—1985), автором одной из первых в стране монографий по проблемам философии сознания и первым философом, который смог собрать круг единомышленников для широкого научного обсуждения в рамках республиканской конференции проблем перехода биосферы в ноосферу.

Ректор ИвГУ В. Н. Егоров отметил, что «Ивановский университет хранит и приумножает традиции, заложенные профессурой Ивановского педагогического института, в среде которой Н. П. Антонов пользовался авторитетом как человек умный, образованный, смелый, принципиальный, справедливый и даже в чем-то оппозиционный своему времени»¹³.

«Профессор Николай Павлович Антонов — один из тех ученых, которые формировали современный облик Ивановского государственного университета, подготавливающего разнообразных специалистов <...> естественного, гуманитарного, экологического и технического профиля», — писал первый ректор ИвГУ В. Н. Латышев¹⁴.

История жизни профессора Н. П. Антонова представляет собой пример удивительного (и в то же время естественного для «советской страны») «ломосовского» восхождения человека из рабочих низов на самый верх духовного развития, в элиту советской интеллигенции благодаря своему природному таланту, смелости и работоспособности¹⁵.

Родился Н. П. Антонов в 1909 году в Иваново-Вознесенске. Окончил естественный факультет Ленинградского государственного педагогического университета (1936). В годы войны служил в армии (1941—1945). После окончания войны Н. П. Антонов поступил в аспирантуру Академии общественных наук. Под руководством профессора К. Н. Корнилова подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Развитие абстрактного мышления в онтогенезе» (1949)¹⁶. До 1955-го руководил кафедрой философии Ивановского государственного педагогического института. В 1959 году Н. П. Антонов опубликовал монографию «Происхождение и сущность сознания»¹⁷.

В 1960—1964 годах он заведует кафедрой общественных наук Новосибирского университета. В 1962 году защищает докторскую диссертацию на тему «Сознание как свойство мозга, отражение бытия». С 1965 по 1973 год Н. П. Антонов работает доцентом, профессором, заведующим кафедрой философии ИГПИ, с 1973 по 1979 год — ИвГУ. В 1980—1984 годах — профессор-консультант кафедры философии.

Перечень публикаций Н. П. Антонова насчитывает несколько монографий и более 50 статей в коллективных монографиях и общесоюзных философских журналах¹⁸.

Творчество ученого включает два периода. Первый связан с изучением проблем сознания (1946—1973), второй — с осмыслением экологической,

глобальной, ноосферной проблематики (1974—1984). Анализ логики научно-го поиска позволяет сделать вывод о том, что имеет место закономерное движение от осмысления сознания¹⁹ к познанию ноосферы как сферы, формируемой сознанием, разумом, научной мыслью²⁰. Начиная с 1974 года в институтских изданиях²¹, с 1978 года в общесоюзных научных журналах²² появляются первые статьи ученого по ноосферной проблематике. В дальнейшем он планомерно продолжает эти научные исследования, публикуя статьи, в том числе и в зарубежных журналах²³.

За время своей работы Н. П. Антонов подготовил около 30 кандидатов и докторов философских наук, многие из которых трудятся в ивановских вузах.

Поворотный пункт в истории научной школы

Поворотным пунктом в научной биографии ученого и жизни кафедры философии стало проведение по инициативе Н. П. Антонова конференции «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение» (Иваново, 1983)²⁴.

Центральной проблемой конференции стала разработка учения о переходе биосферы в ноосферу. В своей последней статье «Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу» Н. П. Антонов сформулировал новаторские идеи о роли сознания, субъективного фактора в становлении ноосферы. Значимость произошедшего в Иваново события оценил академик В. П. Казначеев, сказавший: «Сейчас город Иваново знаменит как город Первого Совета, но придет время, когда он будет известен тем, что здесь прошла первая конференция по проблемам ноосферы». Конференция 1983 года может рассматриваться как уникальный и удивительный пример сотрудничества преподавателей различных кафедр и факультетов в период предперестроечного развития страны. «Конференция явилась первым в СССР мероприятием такого масштаба, которое поставило в центр внимания учение о сущности ноосферы и закономерностях ее становления»²⁵. Публикация собранных материалов в полном объеме оказалась возможной лишь в 1990—1991 годах при поддержке Философского общества СССР. Ивановская конференция, таким образом, получила широкое общесоюзное звучание²⁶. В ней участвовали первые аспиранты Н. П. Антонова Р. Г. Яновский (ныне член-корреспондент РАН) и А. Н. Кочергин (работавший заведующим кафедрой философии ИПК при МГУ). При подготовке конференции большую организационную помощь Н. П. Антонову оказывали его аспиранты Н. В. Тетерина²⁷, Г. С. Смирнов²⁸, А. М. Тонких²⁹.

Успех конференции позволил сложиться условиям, необходимым для превращения школы философии сознания в «антоновскую школу философии сознания и ноосферы».

Ярким примером университетской междисциплинарности можно считать Всесоюзную научную конференцию «Образование по вопросам окружающей среды» (Иваново, 1984)³⁰, возможность проведения которой появилась после успешного проведения форума 1983 года. Эта конференция заложила основы соединения ноосферной (экологической) и образовательной проблематики, что позволило более полно раскрыть вопросы лицейского и университетского ноосферного образования.

Развитие ноосферной школы Н. П. Антонова в перестроечные годы

В последующие годы в ИвГУ были проведены республиканские конференции «Мировоззренческое и методологическое значение учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере» (Иваново, 1988)³¹ и «Философские истоки учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере» (Иваново, 1990)³², «Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века» (Иваново, 1994)³³.

В этот период рождается модель сопряжения ноосферной школы Н. П. Антонова со школами системного анализа А. И. Умова³⁴ и философии нравственности Г. Н. Гумницкого³⁵, ноосферная проблематика включается в поле зрения многих членов кафедры³⁶.

Серьезным шагом в осмыслении итогов работы антоновской ноосферной школы за 25 лет стала Межгосударственная конференция «Ноосферная идея и будущее России» (Иваново, 1998)³⁷. В ее рамках обсуждались такие вопросы, как влияние научного и социального творчества В. И. Вернадского на современность, философско-культурологические проблемы развития ноосферы, категориальный строй ноосферологии, соотношение ноосферы и семиосферы³⁸, аксиоматика становления ноосферы, модели устойчивого развития ноосферы, ноосферный смысл управленческой деятельности, становление ноосферного человека, формирование ноосферной педагогики и ноосферного образования³⁹. Ноосферная идея рассматривалась как национальная и общечеловеческая идея культуры России, выявлялась мировоззренческая, социокультурная и социоприродная динамика ноосферного развития России. Академик АН СССР А. Л. Яншин в своем обращении к участникам конференции отметил, что идеи В. И. Вернадского о неизбежности эволюционного превращения биосферы Земли в сферу человеческого разума — ноосферу легли в основу современных представлений о будущем человечества, и выразил благодарность руководству Ивановского государственного университета за то, что оно уже не первый раз является инициатором обсуждения этих идей.

Проведение Международной конференции «Проблемы сознания и ноосферы в отечественной и зарубежной философии XX века» (Иваново, 2000)⁴⁰ определило переход к этапу целостного рассмотрения философии сознания и ноосферы, соединения двух ветвей философской проблематики, которые долгое время рассматривались как существующие независимо друг от друга.

Среди основных проблем антоновской ноосферной школы — нравственные проблемы отношения общества к природе, философские проблемы взаимоотношения человека и биосферы, диалектика стихийного и сознательного в оптимизации взаимодействия общества и природы, экологизация материальной и духовной жизни общества, экологизация общественного и индивидуального сознания, анализ ноосферы как системно организованного всеобщего, системность сознания и ноосферы, семиотика ноосферы, ноосферно-онтологические проблемы сознания, становление, структура и функции ноосферного сознания, культура как системообразующий компонент ноосферы, универсумное и ноосферно-экологическое видение мира, формирование ноосферного человека, становление ноосферного мировоззрения, теория и практика ноосферного школьного и университетского образования.

Учебно-научно-методический комплекс «Ноосферная школа»

Сотрудничество кафедры философии ИвГУ и лицея № 6 г. Иванова начинается в 1995 году, когда в помощь ученикам и учителям школы создается учебное пособие по изучению формальной логики.

Формирование ноосферной школы-лицея № 6 Иванова берет свое начало в 1996 году, когда была проведена школьная научно-методическая конференция «Мировоззренческая подготовка в лицее: целостность, гуманизация, экологизация». Опыт исследования ноосферного образования позволил в 1996 году осуществить создание на базе ИвГУ и лицея № 6 учебно-научно-методического комплекса «Ноосферная школа», который показал свою эффективность в осуществлении новых образовательных и педагогических технологий.

В 1997 году проводится научно-методическая конференция «Предметно-содержательное и психолого-педагогическое обеспечение становления ноосферной школы»⁴¹, позволившая наметить основные проблемы ноосферного образования, над которыми ученые вузов и учителя школ и лицеев работали в последующие годы. Интеллектуальную поддержку этому новому направлению в философии образования оказали профессоры и преподаватели кафедр педагогики, зоологии, ботаники и психологии ИвГУ, что заложило основы будущих традиций междисциплинарного и трансдисциплинарного ноосферного взаимодействия.

В центре внимания философов и ученых стояли вопросы мировоззренческого и методологического значения ноосферного образования для развития российского общего и высшего образования, принципы ноосферного образования, методики внедрения ноосферного компонента содержания образования в преподавание отдельных школьных и вузовских дисциплин, воспитательные аспекты ноосферного образования.

В рамках взаимодействия кафедр философии и педагогики были проведены исследования взаимосвязи естественнонаучной, гуманитарной и ноосферной парадигм образования, сформулированы положения о роли ноосферной парадигмы образования в учебном процессе⁴². Показано, что сетевая структура школьно-вузовского комплекса порождает несколько важных следствий. Во-первых, формируется эффективная модель обмена опытом и апробирования новых идей, во-вторых, работа комплекса создает условия для широкого распространения опыта, в-третьих, научно-педагогическая работа обретает характер постоянной — с регулярным подведением итогов и широким оповещением общественности. На основе полученных результатов были подготовлены первые методические разработки, раскрывающие существо ноосферно-экологического видения мира, которые во многом совпадали с направленностью нового для российских университетов курса «Концепции современного естествознания»⁴³.

В 1998 г. защищена концепция ноосферного образования, предложены его принципы, разработана модель формирования ноосферного сознания⁴⁴.

В 1999 г. комиссией Ивановского городского научно-методического центра и Ивановского ИПК и ППК проведена апробация экспериментальной работы школы-лицея № 6 по теме «Место естествознания в системе единого ноосферного знания», в результате которой деятельность научного творче-

ского коллектива и педагогического коллектива школы была одобрена и рекомендовано продолжение экспериментальной работы.

В соответствии с экспертным заключением ГНМК в 1999/2000 учебном году осуществлялась работа по внедрению элементов развивающего образования в учебный процесс школы-лицея (в рамках семинара «Культурологические и психолого-педагогические проблемы развивающего образования в ноосферной школе»). В школе ежегодно проводятся научные конференции учащихся, в том числе чтения, посвященные научному и социальному творчеству В. И. Вернадского.

Сетевая структура школьно-вузовского учебного процесса порождает несколько важных следствий. Прежде всего, создается эффективная модель обмена опытом и апробирования новых идей, кроме того, работа комплекса служит широкому распространению опыта, и наконец, научно-педагогическая работа обретает характер постоянной — с регулярным подведением итогов и широким оповещением общественности о ее результатах.

В 2001 году были подведены предварительные итоги работы ноосферного лицея, опубликована концепция учебно-воспитательной деятельности ноосферной общеобразовательной школы⁴⁵.

В ноосферном лицее накоплен опыт по созданию *ноосферного отряда*, функционирующего во время летних каникул, а также *ноосферного кабинета*, в котором собрана литература по биосферной и ноосферной проблематике.

В 2003 году началась работа по наполнению ноосферного компонента содержания образования методикой развивающего обучения. Существенное влияние на развитие учебного и научного потенциала ноосферного лицея традиционно оказывают преподаватели филологических, биолого-химического, математического, экономического, исторического факультетов ИвГУ. На базе школы параллельно с Межгосударственной научно-практической конференцией, проводимой в ИвГУ, прошла лицейско-университетская конференция «Россия Вернадского: история и современность» (Иваново, 2003).

С 2004 года помощь в совершенствовании работы ноосферному лицее стали оказывать Центр биосферно-ноосферных исследований и Институт интеллигентоведения, работающие на базе ИвГУ.

Философско-культурологические проблемы ноосферного образования

Философские проблемы ноосферного образования представляют собой важную — практическую — составляющую современных комплексных ноосферных исследований.

Исходной посылкой разработки модели ноосферного образования является представление о ноосферной парадигме образования⁴⁶.

Представления о биосфере и ноосфере, заложенные академиком В. И. Вернадским и вошедшие в школьные и вузовские программы, оказываются опорными точками (концептами) формирования мировоззрения школьников и студентов⁴⁷. Реализации ивановской модели ноосферного образования помогло знакомство с российским опытом⁴⁸.

В 1996 году была сформулирована концепция учебного комплекса «Ноосферная школа»⁴⁹.

Философское обоснование принципов ноосферного образования было осуществлено в контексте сотрудничества с Санкт-Петербургской, Московской и Новосибирской концепциями ноосферного образования.

К 2000 году осуществляются научно-методические исследования модели российского ноосферного университета — новой формы образования, свидетельствующей о своеобразном переходе к модели «постнеклассического университета». Классический университет с ноосферной ориентацией в максимальной степени отвечает главному императиву эпохи перехода к новому тысячелетию: «Мыслить глобально — действовать локально»⁵⁰.

Благодаря ноосферному сотворчеству университетского сообщества стало возможным проведение на базе ИвГУ Межгосударственной научно-практической конференции «Ноосферное образование в России» (Иваново, 2001).

Проректор по учебной работе А. И. Щеглов отмечал, что «функционирование при Ивановском государственном университете лицейско-университетских комплексов, как показывает опыт, является эффективным способом реализации психолого-педагогических задач, решаемых коллективами преподавателей вузов и учителей школ, способствует совершенствованию методической работы и выполнению системой российского образования важных социальных функций»⁵¹.

В материалах конференции⁵² опубликованы не только статьи и тезисы ученых и педагогов из 20 городов России и стран СНГ, но и программы, включающие в себя ноосферный компонент содержания образования. Особенностью данной конференции являлось широкое междисциплинарное и трансдисциплинарное осмысление феномена ноосферного образования. В числе обсуждаемых вопросов были мировоззренческое значение и система ноосферного образования, экологические, экономические, психологические, гендерные, информационные, семиотические, культурологические аспекты лицейского и университетского ноосферного образования.

Профессор А. Н. Кочергин (МГУ) сформулировал тезис о том, что «страна, которая первой сможет преобразовать систему образования на ноосферных началах, будет культурным лидером цивилизации в наступившем веке»⁵³.

В «Рекомендациях» конференции был сделан вывод о том, что в ИвГУ созданы условия для экспериментального осуществления проекта по разработке и внедрению пакета учебных университетских программ с ноосферной ориентацией (модель «Российский ноосферный университет»)⁵⁴. Отметим, что ряд вузов (например, Международный эколого-политологический университет, у истоков которого стоял академик Н. Н. Моисеев, Международный университет природы, общества и человека «Дубна», во главе которого стоит Президент РАЕН О. Л. Кузнецов, Таврический университет им. В. И. Вернадского в Крыму, ректором которого в 1920 году являлся В. И. Вернадский) нацелены на реформирование учебного процесса именно в этом направлении.

В изданном ИвГУ журнале «Noos» (2001) опубликованы материалы, связанные с построением модели и первыми шагами в области методического и программного обеспечения учебного процесса в ноосферном университете. Модель ноосферного образования, разрабатываемая ивановской ноосферной школой, получила признание философской общественности⁵⁵. В системном виде идеи ноосферного образования представлены в коллективной монографии, явившейся итогом многолетней работы⁵⁶. Существенной новизной от-

личается постановка вопроса о роли ноосферной картины мира в школьном и вузовском учебном процессе⁵⁷.

Поддержка ноосферной школы со стороны научных фондов

Большую роль в развитии ноосферных исследований в ИвГУ сыграли индивидуальные и коллективные гранты российских научных фондов.

В первой половине 90-х годов кафедра философии ИвГУ работала над проблемой «Сознание и ноосфера: онтологический, гносеологический, аксиологический и праксиологический подходы» по программе «Университеты России»⁵⁸.

Начиная с 1997 года поддержку ноосферным исследованиям в ИвГУ оказывает Неправительственный экологический фонд им. В. И. Вернадского. Благодаря сотрудничеству с фондом ивановские ученые стали участниками международных конференций по проблемам вернадологии, ноосферологии, устойчивого развития⁵⁹. Фонд помогал своим стипендиатам — студентам ИвГУ в их исследовательской деятельности⁶⁰. С 2000 года в течение трех лет коллектив кафедры философии при поддержке РГНФ работал над темой «Системный анализ ноосферной динамики России»⁶¹. В 2003—2004 годах Программой поддержки аспирантов высших учебных заведений МО РФ реализовывался грант «Философско-методологические аспекты взаимодействия ноосферы и семиосферы» (аспирант Д. Г. Смирнов, научный руководитель профессор А. Н. Портнов).

Региональное значение ноосферных комплексных исследований

Современная ноосферно-экологическая методология обладает значительным потенциалом для понимания особенностей ноосферной динамики России, выработки стратегии устойчивого развития региона, создания широкомасштабных программ экологического образования Ивановской области.

Значительным практическим шагом в сторону ноосферного осмысления региональных проблем стало проведение конференции «Региональное устойчивое развитие»⁶². В материалах конференции обосновывалась необходимость рассмотрения региональной динамики в контексте ноосферного развития, понимаемого как устойчивое развитие. Ю. М. Вороновым была предложена фундаментальная модель научного изучения возможностей устойчивого регионального развития по 14 параметрам (включая ресурсные, экономические, социальные, политические, геополитические, финансовые и другие аспекты). К сожалению, в дальнейшем во властных структурах эта научная разработка не была воспринята как модель осмысления путей преодоления кризисного состояния области.

Ноосферные подходы нашли отражение в создании программ экологического образования и воспитания населения Ивановской области⁶³.

Взаимодействие университетских научных школ

В небольших университетах хорошо зарекомендовал себя непосредственный контакт между преподавателями различных отраслей знаний, в на-

стоящее время появилась возможность глубокого фундаментального диалога между философами-профессионалами и учеными-специалистами, что обеспечивает внутренний, личностный характер университетского дискурса. Для того чтобы университетское сообщество стало причастным к философским исследованиям, подчас достаточно одного термина (как это было с терминами «ноосфера», «система», «гендер») — зерно окажется посеянным в сознание носителя специального знания и станет развиваться применительно к своей области знания.

Методологическая составляющая в этом случае оказывается своеобразным мировоззренческим аттрактором, которым пользуются подсознательно, подчас даже не подозревая об этом или понимая это по-своему, представители коллективного университетского сообщества.

Междисциплинарный университетский синтез ноосферного типа закладывался философом Н. П. Антоновым, биологом Г. Л. Шкорбатовым, физиком Г. А. Зайцевым в рамках идеи ноосферного центра. Особенно значимыми оказались в 80-х годах взаимосвязи между философами и биологами, инициированные проведением Второй Всесоюзной конференции по образованию в области окружающей среды, а также регулярными областными экологическими конференциями⁶⁴. В дальнейшем сложившиеся связи окрепли и позволили осуществить организацию Ивановского отделения Российской экологической академии (ИО РЭА), на базе которого были начаты ноосферно-экологические исследования⁶⁵ и осмысление путей устойчивого развития края⁶⁶.

Ноосферный подход оказался очень отзывчивым на мировоззренческие и синтетические аспекты: он представляет собой особую парадигму, которая позволяет найти место объекта анализа в системе открытой реальности, соответствующее восходящей сущности вещи. Ноосферное видение мира дает возможность вести поиски гармонии и целостности мира, который в условиях экономической, социальной, культурной раздробленности оказывается противоречивым, дисгармоничным, амбивалентным и даже антиномичным и антагонистичным. Ноосферный синтез культуры предполагает поиск корреляции между научной, философской, религиозной и художественной картинами мира⁶⁷.

В последнее десятилетие особенно значимым оказалось сотрудничество школы философии сознания и ноосферы с активно развивающейся научной школой В. С. Меметова, изучающей проблемы истории, теории и методологии интеллигенции, что способствовало взаимопроникновению областей ноосферологии и интеллигентоведения. Важнейшей вехой этого междисциплинарного исследования явилось издание сборника «Российская интеллигенция и ноосферная динамика»⁶⁸. Творческий коллектив Института интеллигентоведения при ИвГУ высоко оценил ноосферный мировоззренческий и методологический потенциал интеллигентоведческих изысканий. Междисциплинарные разработки становятся существенным фактором эффективности и качества университетских научных исследований.

Наиболее тесные научные контакты имеют место между антоновской ноосферной школой и научными школами исторического факультета. Среди проблем, оказавшихся в зоне пересечения научных интересов, выделяются политологические, геополитические, конфликтологические, религиоведческие, культурологические, интеллигентоведческие и др.

Весьма интересное взаимодействие обозначилось между антоновской ноосферной школой и кооперативной школой профессора Л. Е. Файна, в течение нескольких десятилетий работавшего над осмыслением теории и практики кооперативных процессов в нашей стране⁶⁹.

Расширение ноосферной предметной области позволило обозначить точки ее соприкосновения с университетскими школами в рамках формирования модели комплексных ноосферных исследований⁷⁰. Результатом осуществления этого направления внутриуниверситетской научной кооперации стали совместные исследования философов и психологов⁷¹.

Начало взаимодействию ИвГУ и ИГЭУ в области ноосферных исследований было положено А. М. Тонких, в дальнейшем эту традицию продолжил А. В. Брагин. Антропологическую ноосферную проблематику разрабатывает докторант кафедры С. В. Коваленко⁷². Осмыслению проблем ноосферного образования способствовало взаимодействие с коллегами из Шуйского государственного педагогического университета⁷³.

Сотрудничество ивановской и владимирской школ философов позволило раскрыть антропологические измерения ноосферной проблематики⁷⁴, рассмотреть взаимосвязь процессов ноосферизации и глобализации⁷⁵.

Важнейшим шагом в развитии антоновской школы философии сознания и ноосферы стало издание избранных трудов Н. П. Антонова отдельной книгой (Иваново, 2003), которая позволит ивановским философам и ученым, российским ноосферологам более детально познакомиться с истоками ноосферных исследований в Иванове. Особенностью этой книги является совмещение в единое целое сознаниевой и ноосферной проблематики, целостное представление двух взаимосвязанных этапов философского творчества Н. П. Антонова.

Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу: 20 лет исследования проблемы

В 2003 году ИвГУ провел Межгосударственную научно-теоретическую конференцию «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия», которая была посвящена 140-летию со дня рождения В. И. Вернадского, 20-летию со времени проведения ивановской ноосферной конференции 1983 года⁷⁶. Председатель Отделения изучения проблем биосферы РАЕН, академик РАЕН А. Г. Назаров в своем докладе отметил, что многие идеи Н. П. Антонова до настоящего времени чрезвычайно актуальны и пока не оценены по достоинству научным сообществом ноосферологов.

В ноосферной конференции приняли участие и те московские и петербургские ученые, которые были в Иванове на первой ноосферной конференции в 1983 году (Г. В. Платонов, Э. В. Гируссов, А. Г. Назаров, А. Н. Кочергин, В. М. Федоров, М. А. Кузнецов, В. Д. Комаров). Поддерживают тесные научные связи с ивановской ноосферной школой В. А. Кобылянский (Чита), В. В. Мантатов (Улан-Удэ), Н. Н. Кожевников (Якутск), А. М. Буровский (Новосибирск) Т. Н. Соснина (Самара), А. К. Адамов (Саратов), Ф. В. Цанн-Кай-Си (Владимир), А. К. Кудрин (Ярославль), В. А. Кутырев (Н. Новгород), Кожара В. Л. (Борок) и другие.

Конференция подвела итоги «ивановского двадцатилетия» ноосферных исследований⁷⁷. К числу проблем, которые были обозначены на первой ноосферной конференции, за двадцать лет добавились проблемы ноосферной реальности, ноосферной цивилизации, современного прочтения идеи автотрофности человечества, экологического и экономического ноосферного развития, онтологии ноосферы, синергетического подхода к ноосфере, ноосферной динамики, развития и разрешения ноосферных конфликтов, семиотического и информационного измерения ноосферы, ноосферной антропологии, ноосферного моделирования, устойчивого развития ноосферы, ноосферного сознания и ноосферного образования и многие другие⁷⁸. Современная область ноосферных исследований стала чрезвычайно разнообразна и продолжает интенсивно развиваться.

В ивановской школе философии сознания и ноосферы складывается новое (уже третье) поколение, к которому относятся Т. Б. Кудряшова, А. А. Цветков, С. В. Ермолина, Д. Г. Смирнов, Е. Н. Прищеп, Т. В. Румянцева, С. Е. Яхнова⁷⁹.

Ивановский центр биосферно-ноосферных исследований

В 2004 году при поддержке Президиума Российской академии естественных наук на базе Ивановского государственного университета был создан Ивановский центр биосферно-ноосферных исследований, руководство которым осуществляют действительный член РАЕН, ректор ИвГУ В. Н. Егоров (председатель), члены-корреспонденты РАЕН В. А. Исаев (исполнительный директор), В. И. Назаров (ученый секретарь), Г. С. Смирнов (заместитель председателя по научной работе).

Стратегия центра связана с разработкой методологии комплексных ноосферных исследований в классическом университете. В теоретическом плане он имеет возможность осуществить межпредметный синтез исследований, которые ведутся в университете по экономическим, экологическим, историческим, политологическим, правовым, социологическим, гендерным федеральным и региональным проблемам. Это своеобразный ноосферный синтез современного научного знания, которое создает современную картину мира, описывает сложнейшие процессы, происходящие в биосфере, техносфере, социосфере, антропосфере, культуросфере, информатиосфере. Классический университет как исследовательская и образовательная структура дает возможность формировать в индивидуальном и общественном сознании ноосферную картину мира, опирающуюся на постнеклассическую парадигму современного естествознания⁸⁰. Одной из важных задач центра является работа по завершению создания лазерного диска с результатами деятельности антоновской школы за последнюю четверть века.

Ивановская школа философии сознания и ноосферы в настоящее время взаимодействует с российскими ноосферными сообществами в Москве, Санкт-Петербурге, Тамбове, Туле, Иркутске, Владимире, Саратове, Самаре, Пущине, Обнинске, Барнауле, Новосибирске, Красноярске, Улан-Удэ, Якутске и других городах России, а также в Киеве, Симферополе, Полтаве, включаясь в формирование новой модели понимания места России в мировом цивилизационном сообществе и поиск путей ее устойчивого ноосферного

развития. Она способствует координации комплексных ноосферных исследований в регионе, закладывает теоретические основы для создания программ устойчивого регионального развития, играет существенную роль в совершенствовании университетского и лицейского учебного процесса.

- ¹ См.: Основные научные направления // Философский факультет РГУ: история и современность: Сб. науч. тр. филос. фак. Ростов. гос. ун-та. Ростов н/Д, 2002; Научные школы и направления Ивановской государственной архитектурно-строительной академии: Материалы науч.-техн. конф. 15—18 апр. 1998 г. Иваново, 1999.
- ² Ивановский государственный университет. 25 лет: Юбил. сб. науч. ст. Иваново, 1998. Ч. 1; История Ивановского государственного университета и его предшественника ИГПИ. Иваново, 1993. В последней книге по истории университета, написанной профессором К. Е. Балдиным, обозначены научные школы университета, но не показана их архитектура. См.: *Балдин К. Е.* Ивановский государственный университет, 1918—2003 годы: Очерки истории. Иваново, 2004.
- ³ Ярким примером такого рода являлась деятельность профессора ИГПИ В. С. Сорокина (1908—1994), о чем можно судить по книге его трудов: *Сорокин В. С.* Взаимодействия квантовых систем и вероятности. Два меморандума о русской революции и кризисе XX века: Последние работы. Иваново, 1996.
- ⁴ *Латышев В. Н.* О Н. П. Антонове // Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы. Иваново, 2003. С. 7.
- ⁵ *Дмитревская И. В.* Ноосфера как системно организованное всеобщее // Философские истоки учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Иваново, 1990; *Портнов А. Н.* Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX — XX вв. Иваново, 1994.
- ⁶ *Ерахтин А. В.* Проблема онтологии сознания в марксистской и современной западной философии // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. Иваново, 1994; *Смирнов Г. С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность: Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998.
- ⁷ *Зеленцова М. Г.* Монистическая парадигма философского понимания мира и человека. Иваново, 2001.
- ⁸ *Брагин А. В.* Мир как система и человек. Иваново, 2000; *Он же.* Онтологический аспект ноосферного соотношения мира и человека: Дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2003.
- ⁹ См., напр.: *Волков В. Н.* Онтология ноосферной личности // Ноосферная идея и будущее России. Иваново, 1998.
- ¹⁰ *Мирская Е. З.* Научные школы как форма организации науки: (Социологический анализ проблемы) // Науковедение. 2002. № 3 (15). С. 9.
- ¹¹ См.: Там же. С. 11.
- ¹² Там же. С. 10.
- ¹³ *Егоров В. Н.* «...Его фигура была очень притягательна для молодежи» // Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы. С. 5.
- ¹⁴ Ноосферная идея и будущее России. С. 3.
- ¹⁵ См. анализ философской и социальной деятельности Н. П. Антонова: *Серов Ю. М., Смирнов Г. С.* Проблема «сознание и ноосфера» в трудах Н. П. Антонова // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения; *Дмитревская И. В., Смирнов Г. С.* Антонов Николай Павлович // Философы России XIX—XX столетий / П. В. Алексеев. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002; Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы.
- ¹⁶ *Антонов Н. П.* Развитие абстрактного мышления в онтогенезе: Дис. ... канд. филос. наук (по психологии). М., 1949.

-
-
- ¹⁷ Антонов Н. П. Происхождение и сущность сознания. Иваново, 1959.
- ¹⁸ См.: Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы. С. 264—269.
- ¹⁹ Антонов Н. П. Отделение субъекта от объекта познания и возникновение субъективной идеальной формы отражения // Некоторые закономерности научного познания. Новосибирск, 1964; *Он же*. К вопросу о природе психического // Филос. науки. 1965. № 4.
- ²⁰ Антонов Н. П. Материальная основа сознания // Проблемы сознания: Материалы симпозиума, Москва, март — апрель 1966 г. М., 1966.
- ²¹ Антонов Н. П., Халезова Т. Е. Ноосфера — сфера разума и труда человечества в развитии земли // Проблемы сознания в условиях развитого социализма: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1976; Антонов Н. П., Барякин В. Н. Понимание ноосферы в философии и естествознании // Там же.
- ²² Антонов Н. П., Барякин В. Н. О двух концепциях ноосферы // Филос. науки. 1978. № 6.
- ²³ Антонов Н. П. Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы // Сознание и диалектика процесса познания: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1979; *Он же*. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Человек. Эволюция. Космос. София, 1984. Кн. 4, книжка 1.
- ²⁴ Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. М., 1990—1991. Т. 1—2.
- ²⁵ Аксенов Г. П., Антонов Н. П., Тугаринов И. А. Год Вернадского // В. И. Вернадский и современность. М., 1986. С. 199.
- ²⁶ Антонов Н. П., Гумницкий Г. Н., Хакимов Р. З. Конференция, посвященная учению В. И. Вернадского о биосфере // Филос. науки. 1984. № 2.
- ²⁷ Тетерина Н. В. Диалектика естественного и искусственного в развитии природы и общества: Дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 1984.
- ²⁸ Смирнов Г. С. Экологизация сознания как отражение современной экологической ситуации: Дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 1984.
- ²⁹ Тонких А. М. Мировоззренческое значение термина «ноосфера»: Дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 1985; Антонов Н. П., Тонких А. М. О материалистическом понимании ноосферы // Экологизация сознания во взаимодействии общества и природы. Иваново, 1984.
- ³⁰ Экологизация сознания во взаимодействии общества и природы; Образование по вопросам окружающей среды: Материалы Всесоюз. науч. конф. Иваново, 1985.
- ³¹ Мировоззренческое и методологическое значение учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере: Тез. докл. республ. науч.-теорет. конф. Иваново, 1988; Гумницкий Г. Н., Хакимов Р. З., Смирнов Г. С. Мировоззренческое и методологическое значение учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере // Информационные материалы / ФО СССР. М., 1990. № 1.
- ³² Философские истоки учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере: Тез. докл. республ. науч.-теорет. конф., Иваново, 19—20 апреля 1990 г.; Дмитриевская И. В., Хакимов Р. З., Смирнов Г. С. Философские истоки учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере // Филос. науки. 1991. № 7.
- ³³ Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века: Материалы межрегион. науч. конф. Иваново, 19—20 мая 1994 г. Иваново, 1994; Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. Иваново, 1994.
- ³⁴ Дмитриевская И. В. Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования. Иваново, 1997; *Она же*. Системные закономерности формирования ноосферной парадигмы образования // Ноосферная идея и будущее России.

- ³⁵ *Зеленцова М. Г.* Диалектика природы и общества и ее отражение в моральном сознании: Дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 1987; *Она же.* Этический аспект учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере // Мировоззренческое и методологическое значение учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере; *Она же.* Философские основания новой парадигмы социоприродных отношений // Ноосферная идея и будущее России.
- ³⁶ *Зельманов А. Б.* Дилемма ноосферных и антиноосферных путей развития цивилизации в эпоху НТР // Мировоззренческое и методологическое значение учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере; *Балабан Н. А.* Всеединство как диалектическая культура мышления и его роль в формировании учения о ноосфере // Философские истоки учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере; *Кукарцева М. А.* В. И. Вернадский и некоторые проблемы философии йоги // Там же.
- ³⁷ Ноосферная идея и будущее России: Тез. Межгосударств. науч. конф.
- ³⁸ *Портнов А. Н., Шишкина Г. М.* Ноосфера и семиосфера: генетические аспекты // Там же.
- ³⁹ См., напр.: *Воронов Ю. М., Смирнов Е. А.* Ноосферный смысл управленческой деятельности: (Гуманитарная и гуманистическая подготовка управленца в контексте устойчивого развития) // Там же; *Гирусов Э. В., Смирнов Г. С.* Устойчивое развитие ноосферы // Там же; *Батурина Г. И., Серов Ю. М., Смирнов Г. С.* От ноосферной идеи — к ноосферному миропостроению: мировоззренческая, социокультурная и социоприродная динамика // Там же.
- ⁴⁰ Проблемы сознания и ноосферы в отечественной и зарубежной философии XX века: Материалы Междунар. науч. конф., Иваново, 20—21 декабря 2000 г. Иваново, 2000. Ч. 1; Социально-философские аспекты ноосферной динамики России: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 2000. Ч. 2; *Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С.* Международная конференция «Проблемы сознания и ноосферы в отечественной и зарубежной философии XX века» (Иваново, 20—21 декабря 2000 г.) // Вестн. ИвГУ. 2001. Вып. 2.
- ⁴¹ Ноосферная парадигма образования: от лица к университету: Материалы лицейско-университетской науч.-метод. конф. «Предметно-содержательное и психолого-педагогическое обеспечение становления ноосферной школы», Иваново, 23—25 апреля 1997 г. Иваново, 1997.
- ⁴² *Засобина Г. А., Воронова Т. А.* Гуманитарная и естественнонаучная парадигмы в педагогике // Там же.
- ⁴³ *Смирнов Г. С.* Ноосферно-экологическое видение мира: Методические рекомендации. Иваново, 1998; *Он же.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность: Философские проблемы ноосферного универсума.
- ⁴⁴ *Смирнов Г. С.* Философские и культурологические проблемы становления ноосферного сознания: Дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 1998.
- ⁴⁵ *Смирнов Г. С., Сухарева В. Г., Румянцева Т. В.* Ноосферная общеобразовательная школа: Концепция учебно-воспитательной деятельности школы-лицея № 6 г. Иванова. Иваново, 2001.
- ⁴⁶ *Смирнов Г. С.* Ноосферная парадигма образования XXI века // Ивановский государственный университет — региональный центр науки, культуры и образования: Тез. докл. юбил. конф. Иваново, 1994.
- ⁴⁷ *Смирнов Г. С.* Ноосфера как объект и предмет учебного философствования в школе и вузе // Философия образования: Материалы Всерос. конф. (6—8 декабря 1995 г.). Рязань, 1995; *Он же.* «Принцип начал» в концепции ноосферного образования // Философия образования и традиции русской школы: Тез. докл. и сообщений Всерос. науч. конф. СПб., 1995. Разд. 3. Теория и практика русской школы.

-
- ⁴⁸ Ноогенез и образование. Построение ноосферной школы: Тез. межрегион. конф., 23—26 марта 1995 г. Красноярск, 1995; То же. Красноярск, 1996. Ч. 2; *Урсул А. Д.* Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М., 1998; *Моисеев Н. Н.* Универсум. Информация. Общество. М., 2001; *Маслова Н. В.* Ноосферное образование. М., 2001.
- ⁴⁹ *Смирнов Г. С.* Учебный комплекс «лицей — университет» как форма реализации ноосферной парадигмы образования // Ноогенез и образование. Построение ноосферной школы. Ч. 2.
- ⁵⁰ *Смирнов Г. С.* Ноосферное образование в классическом университете // Региональные системы экологического образования: Тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф., Пушкино, 30 сентября — 2 октября 1998 г. М., 1998; *Он же.* Преподавание философии в ноосферном университете // Современное философское образование: содержание, структура и методы преподавания философских дисциплин: Материалы межвуз. науч.-метод. конф. Иваново, 2000; *Он же.* Классический университет с ноосферно-экологической ориентацией — форма современного образования // Региональное устойчивое развитие: Новое видение проблем: Материалы науч.-практ. конф., Иваново, 11 мая 1999. Иваново, 2000.
- ⁵¹ *Щеглов А. И.* Учебно-научно-педагогический комплекс «лицей — университет» как форма развития ноосферного образования // Ноосферное образование в России. Иваново, 2001. Ч. 2. С. 6.
- ⁵² Ноосферное образование в России: Материалы Межгос. науч.-практ. конф., Иваново, 3—5 октября 2001. Иваново, 2001. Ч. 1—2.
- ⁵³ *Кочергин А. Н.* Философия ноосферного образования // Там же. Ч. 1.
- ⁵⁴ Рекомендации Межгосударственной научно-практической конференции «Ноосферное образование в России» // Там же. Ч. 2.
- ⁵⁵ *Смирнов Г. С.* Университет и ноосферное образование // Философия образования. Шуя, 2001. Ч. 2; *Он же.* Ноосферная картина универсума // Рационализм и культура на пороге III тысячелетия: Материалы Третьего философского конгресса (16—20 сентября 2002 г.). Ростов н/Д, 2002. Т. 3; *Он же.* Философия ноосферного образования // МОСТ. 2002. № 53; *Он же.* Ноосферное образование в классическом университете: стратегия внедрения и проблемы освоения // Наука и школа. М., 2002. № 3; *Он же.* Ноосферная пирамида образования: современное состояние и перспективы развития // Философия экологического образования. М., 2001.
- ⁵⁶ *Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С.* Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // Ноосферные исследования. Иваново, 2002. Вып. 1—2.
- ⁵⁷ *Смирнов Г. С.* Ноосферная картина мира в трудах В. И. Вернадского // В. И. Вернадский и современность: Материалы торжественного заседания, посвящ. 140-летию со дня рождения академика В. И. Вернадского, 12 марта 2003 г. М., 2003; *Он же.* Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник РАЕН. 2003. Апр.; *Он же.* От вернадскианской революции к ноосферной картине мира // Современная наука и проблемы жизненной стратегии человечества: Материалы Междунар. очно-заочной конф., посвящ. памяти С. Н. Самарцева. Тула, 2003.
- ⁵⁸ Актуальные проблемы сознания: онтология и гносеология: Сб. науч. тр. Иваново, 1997.
- ⁵⁹ *Смирнов Г. С., Воронов Ю. М., Смирнов Е. А.* Потенциал устойчивого развития в депрессивном регионе: (На примере Ивановской области) // Цивилизованный бизнес как фактор устойчивого развития России: Тез. докл. междунар. конф., Москва, 18—19 ноября 1998 г. М., 1998.
- ⁶⁰ *Смирнов Д. Г.* Ноосферная миссия России в развитии человеческой цивилизации // На пути к устойчивому развитию России: Навстречу Всемирному Саммиту в г. Йоханнесбурге: Сб. ст. М., 2002.

- ⁶¹ *Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С.* Системный анализ ноосферной динамики России // Вестн. ИвГУ. Иваново, 2000. Вып. 2; *Они же.* Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы.
- ⁶² Региональное устойчивое развитие: Новое видение проблем: Материалы науч.-практ. конф., Иваново, 11 мая 1999 г.
- ⁶³ *Исаев В. А.* Экологическое образование населения как фактор ноосферного развития: (На примере Ивановской области) // Реалии ноосферного развития. М., 2003.
- ⁶⁴ *Шкорбатов Г. Л., Серов Ю. М.* Вопросы вузовского этапа непрерывной экологической подготовки // Материалы Всесоюз. науч. конф. «Образование по вопросам окружающей среды». Иваново, 1985; Экологические проблемы в Ивановской области: Тез. докл. обл. науч.-практ. конф. Иваново, 1986; Экологические чтения: Тез. докл. Иваново, 1991.
- ⁶⁵ *Исаев В. А., Майорова А. Д.* Региональный компонент экологического образования в Ивановском государственном университете // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету; *Шилов М. П.* Человек ноосферный // Там же; *Шилов М. П., Шилова Т. Н.* Этические принципы и ноосферные заповеди // Реалии ноосферного развития.
- ⁶⁶ *Черкасский В. М.* Экология духа и становление ноосферы // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету.
- ⁶⁷ *Смирнов Г. С.* Ноосферный взгляд на краеведение и регионоведение // Юбил. сб., посвящ. 85-летию Ю. А. Яковсона. Иваново, 2000; *Он же.* Ноосферная динамика и геополитические конфликты: к вопросу о глобальной геополитике // Политические конфликты в прошлом и настоящем: Материалы Всерос. науч. конф., Иваново, 24—26 апреля 2001 г. Иваново, 2001; *Он же.* Российская вера: ноосферный смысл христианской философии // Подводя итоги: духовное и идейное развитие России в XX веке: Тез. докл. регион. науч. конф., Иваново, 4 апреля 2001. Иваново, 2001; *Он же.* Современные ноосферные исследования: философско-культурологические основания ноосферной динамики России // Вестн. ИвГУ. 2001. № 2; *Он же.* Словарь как система и образ ноосферной реальности // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык — словесность — самосознание — культура: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию юбилею В. И. Даля, 5—7 апреля 2001. Иваново, 2001. Ч. 1; *Он же.* Ноосфера и духовная благотворительность: российская государственная и церковная интеллигенция как форма бескорыстного служения высшим ценностям // Государство и церковь в России: история взаимодействия в сфере благотворительности: Материалы межрегион. научн.-практ. конф. Иваново, 2002.
- ⁶⁸ Российская интеллигенция и ноосферная динамика: Материалы XII Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2001. *Смирнов Г. С.* Мировая интеллигенция и ноосфера: пространство философского дискурса // Интеллигенция и мир. Иваново, 2001. Вып. 1; *Он же.* Интеллигенция и ноосфера: проблемы глобализации // Россия XXI века: творческий, духовный и нравственный потенциал: Материалы круглого стола, Иваново, 25 июня 2002 г. Иваново, 2002; *Он же.* Интеллигенция как ноосферный аттрактор будущего // Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации: Материалы XIV Междунар. науч.-теорет. конф., 25—27 сентября 2003 г. Иваново, 2003; *Он же.* Интеллигенция как фактор разрешения ноосферных конфликтов // Реалии ноосферного развития: Материалы Межгосударств. науч.-практ. конф. «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия», Иваново, 21—23 мая 2003 г. М., 2003.
- ⁶⁹ *Смирнов Г. С.* Русская кооперативная философия и ноосферная идея // Отечественная кооперация: исторический опыт и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иваново, 20—21 мая 2004 г. Иваново, 2004; *Прищеп Е. Н.* Кооперативность как фактор самоорганизации социальных систем // Там же.

- ⁷⁰ Смирнов Г. С. Комплексные ноосферные исследования в классическом университете: основные направления // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: теория, методология, практика: Материалы науч. конф., Иваново, 6 февраля 2001 г. Иваново, 2001.
- ⁷¹ Смирнов Г. С., Назаров В. И. Цели и ценности ноосферного развития. Роль гуманитарных наук в социально-экономическом развитии региона // Состояние и проблемы развития гуманитарной науки в центральном регионе России: Тр. 3-й регион. науч.-практ. конф., Калуга, 26—27 апреля 2001. Калуга, 2001; Смирнов Г. С., Назаров В. И., Портнов А. Н. Комплексные ноосферные исследования в классическом университете // Состояние и проблемы развития гуманитарной науки в центральной России: Тр. 4-й регион. науч.-практ. конф., Рязань, 5—6 июня 2002. Рязань, 2002. Т. 1.
- ⁷² Коваленко С. В. Естественнаучные основания философско-антропологического анализа процессов становления ноосферы // Реалии ноосферного развития; *Он же*. Универсальный эволюционизм как методология исследования ноосферогенеза // Вестн. ИвГУ. 2004. Вып. 2.
- ⁷³ Козаловский С. Р., Шмелева Е. А., Герасимова О. В. Истоки идеи развивающего обучения в дореволюционных исследованиях российских педагогов-математиков // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету; Гуртовой Е. С., Морозова Е. Н., Шевчук В. Г. Концепция В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу: современное прочтение и образовательное значение // Реалии ноосферного развития.
- ⁷⁴ Смирнов Г. С. Космо-антропологические аспекты ноосферной динамики России // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы Междунар. науч. конф., Иваново, 25—26 июня 2002 г. Иваново, 2002. Ч. 1; *Он же*. Ноосферная антропология: поиски предметной области // Антропологическое измерение глобализационных процессов: Материалы межвуз. науч. конф. «Философско-антропологическая аналитика бытия человека в глобальном мире», Владимир, 7—9 октября 2003 г. Владимир, 2003; *Он же*. Ноосферный гуманизм // Философская антропология и гуманизм. Владимир, 2004.
- ⁷⁵ Дмитриевская И. В. Человек в пространстве глобальных коммуникаций // Философская антропология и гуманизм; Брагин А. В. Культурное самоопределение России в глобальном мире // Там же.
- ⁷⁶ Реалии ноосферного развития: Материалы Межгосударств. науч.-практ. конф. «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия», Иваново, 21—23 мая 2003 г.
- ⁷⁷ Назаров А. Г. Ноосферная концепция В. И. Вернадского: к итогам ивановского двадцатилетия // Там же.
- ⁷⁸ См., напр.: Назаров А. Г. Понятие ноосферной реальности // Науковедение. 2000. № 2; Федоров В. М. Ноосферная цивилизация // Реалии ноосферного развития.
- ⁷⁹ См., напр.: Кудряшова Т. Б. Ноосфера как субъект «символического обмена» // Реалии ноосферного развития; Цветков А. А. Универсумно-ноосферное видение мира и человека: философско-культурологический подход: Дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2001; Ермолина С. В. Социальная синергетика как самосознание общества в виртуальном ноосферном измерении // Реалии ноосферного развития; Румянцева Т. В. Целостность ноосферного образования в школе-лицее: программное обеспечение // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету.
- ⁸⁰ Егоров В. Н., Исаев В. А., Назаров В. И., Смирнов Г. С. Биосферно-ноосферный центр в классическом университете: региональные проблемы устойчивого развития // Состояние и проблемы развития гуманитарной науки в центральной России: Тр. 5-й регион. науч.-практ. конф., 26—27 мая 2004. Калуга, 2004.

*М. Ю. Тимофеев***ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМИОСФЕРЫ
ГОРОДА ИВАНОВА (1871—1991)**

Анализируются способы конструирования образа города и модели его позиционирования в советском символическом пространстве на примере города Иванова (в 1871—1932 годах Иваново-Вознесенска).

The aim of this article is to offer the semiotic analysis of the city image and the methods of its positioning in the Soviet symbolical space on the example of Ivanovo.

История формирования имиджа города Иванова в советское время достаточно нетипична, т. к. причиной головокружительного повышения символического статуса Иваново-Вознесенска в первые послеоктябрьские десятилетия была его безукоризненная репутация как города пролетарского и революционного, неоднократно отмечавшаяся большевистскими лидерами. Именно доминирование идеологического дискурса способствовало формированию в этом городе специфического семиотического пространства [33]. Сценарии включения революционного прошлого в символическую среду Иванова можно условно разделить на четыре этапа: 1) революционно-романтический период — время становления «красной» Иваново-Вознесенской губернии (1918—1929), 2) расцвет города во время существования Ивановской промышленной области (ИПО) (1929—1944), 3) безвременье после ликвидации ИПО и создания Владимирской и Костромской областей (1944—1960), 4) активное позиционирование города как «родины Первого Совета» (1960—1991).

«Русский Манчестер» (1871—1917)

В 1871 году село Иваново и находившийся на другом берегу реки Уводи Вознесенский посад были объединены в город Иваново-Вознесенск Шуйского уезда Владимирской губернии. В начале XX века этот безуездный фабричный город стал промышленным гигантом — «русским Манчестером», превышавшим по числу жителей губернский Владимир. Индустриальный подъем конца XIX века сформировал лицо города. «С северо-восточной стороны, — писал о Иваново-Вознесенске 1880-х годов фабрикант и краевед Я. П. Гарелин, — глазам зрителей представляется прекраснейшая картина: на переднем плане река, по берегам которой в виде гирлянды тянется ряд фабрик; над ними постепенно поднимается город, блестя золочеными главами церквей и выставляя местами высокие фабричные трубы вперемешку с крышами домов» [6, с. 5—6]. В целом новый город был большой деревней. Из 10 тысяч жилых домов в 1917 году 89 % строений являли собой деревянные домики в 3—4 окна. В городе не было ни водопровода, ни канализации [36, с. 7].

Благодаря высокой концентрации пролетариата на текстильных предприятиях, город привлекает внимание революционеров. С конца 1890-х в нем

активно работает городской комитет РСДРП. Во время первой русской революции среди иваново-вознесенских социал-демократов преобладают большевики — Ф. А. Афанасьев (подпольная кличка «Отец»), С.И. Балашов (Странник), Е. А. Дунаев (Александр), В. Е. Морозов (Ермак), П. П. Постышев (Ермак), Ф. Н. Самойлов (Архипыч), И. Н. Уткин (Станко) и другие.

12 мая 1905 года начинается всеобщая 72-дневная стачка иваново-вознесенских рабочих. Среди ее организаторов и руководителей были профессиональные революционеры А. С. Бубнов (Химик), Н. Н. Колотиллов (Лапа), Н. И. Подвойский (Мироныч), М. В. Фрунзе (Арсений). В городе создается Совет уполномоченных, включавший 151 депутата от участвующих в забастовке предприятий. После запрета 17 мая митингов в центре города заседания Совета рабочих переносятся за городскую черту. На следующий день после 2 июня, когда властями были запрещены «многолюдные собрания на реке Талке», солдаты и казаки применяют оружие при разгоне митинга бастующих. В июле фабрики возобновляют работу. А 22 октября у Талки во время стычки с черносотенцами погибает руководитель стачки, ответственный секретарь Иваново-Вознесенского комитета РСДРП Ф. А. Афанасьев.

Две составные части символической среды Иваново-Вознесенска (пролетарская и революционная) с 1905 года существовали нераздельно, выступая в течение XX века в виде таких метафор, как «Красный Манчестер», «город красных ткачей», «кузница пролетарских кадров», «третья пролетарская столица», «столица текстильного края», «родина Первого Совета». В 1960-х к идеологизированным концептам добавляется «легкомысленный» образ Иванова как «города невест».

«Красный Манчестер» (1917—1929)

Ю. М. Лотман отмечал, что «смена культур (в частности, в эпохи социальных катаклизмов) сопровождается обычно резким повышением семиотичности поведения (что может выражаться даже в изменении имен и названий), причем и борьба со старыми ритуалами может принимать сугубо ритуализованный характер. В то же время не только введение новых форм поведения, но и усиление знаковости (символичности) старых форм может свидетельствовать об определенном изменении типа культуры» [22, с. 485—486]. Замена символов монархии символикой республики началась сразу после победы Февральской революции [18]. Безусловно, пришедшее к власти в октябре, большевистское руководство осознавало важность символических преобразований, но не обладало достаточным ресурсом для тотального переустройства «старого мира». В Иваново-Вознесенске откликом на опубликованный 14 апреля 1918 года декрет Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников российской социалистической революции» стал снос памятника Александру II в местечке Рылиха (других памятников в городе просто не было) [7, с. 76—77]. И именно Иваново-Вознесенск стал 7 ноября 1924 года первым в стране городом, где был открыт бронзовый памятник Ленину [41, с. 123].

Замена эмблем, названий улиц, гербов новыми, «отражающими идеи и чувства революционной трудовой России» стала преобладающей формой маркировки физического пространства. Неизбежное столкновение с культурной традицией (семиотической памятью культуры) в первые послереволюци-

онные годы происходило прежде всего в культуре повседневности, где симбиоз двух символических полей обнаруживался в рамках ежедневной практики. Так, прибывший в родной Киев В. В. Шульгин отмечал, что «Николаевская — это, кажется, единственная улица, которую “неудобно” называть в трамвае (она стала улицей Исполкома. — М. Т.). Все остальные можно говорить по-старому. Кондуктор по обязанности выкрикивает новые названия “Улица Воровского”, “Бульвар Тараса Шевченки”, “Красноармейская”, а публика говорит Крещатик, Бибиковский бульвар, Большая Васильковская. Вот еще нельзя говорить: “Царская площадь”. А надо говорить: “Площадь Третьего Интернационала”» [46, с. 157].

Выделяя в раннесоветской культуре две стадии — *Культуру 1* 1920-х годов и *Культуру 2* 1930-х годов, В. Паперный полагает, что «разное отношение двух культур к имени и понятию любопытным образом проявилось в области топонимики. Обе культуры много и охотно занимались переименованием географических пунктов — начиная с названия всей страны и кончая названиями улиц и переулков. При этом “Культура 1”, давая географическому пункту новое имя, всячески старалась вместо имени дать *понятие*» [31, с. 184]. Замена имен понятиями в «Культуре 1», на которую обратил внимание В. Паперный, не целенаправленная деперсонализация символического пространства, а необходимость глобальной деноминации при явном дефиците имен. В первое послеоктябрьское десятилетие доминирует установка на маркировку общего — универсалий нового социально-политического порядка, имена первых «мучеников революции» «экономно» используются для наименования улиц и площадей.

20 июня 1918 года город Иваново-Вознесенск получил высокий административный статус, став центром губернии. В этом же году начинаются переименования центральных площадей и магистральных улиц. Центральная площадь была переименована из Георгиевской в площадь *Революции*, близлежащие Покровская и Ново-Петропавловская улицы стали улицей *10 Августа* (в память расстрела мирной демонстрации рабочих в 1915 году), а Приказной мост, на котором произошел расстрел, стал именоваться *Красным*. Вознесенская площадь получает имя *Советской Республики*. Улица Георгиевская становится *Социалистической*, Николаевская — *Республиканской*, Александровская — *Советской*, Большая Шереметевская — *Фридриха Энгельса*, а Троицкая — *Карла Маркса*. Переименования 1920—1922 годов уже не вписываются в схему «Культуры 1» В. Паперного: Кобылинская — *Большая Воробьевская*, Рождественская — *Красной Армии*, Малая Шереметевская — *Молочная горка*, Церковная — *Лермонтова* и *Кольцова*, Широкая — *Степанова*, Ивановская — *Батурина*; на окраине города возникли новые улицы *Красная*, *Трибунальная* и *Урицкого* [35]. В первой половине 1920-х было положено начало включению в символическую среду имен иваново-вознесенских большевиков. Это были погибшие на фронтах гражданской войны комиссар 14-й дивизии 9-й армии В. Я. Степанов (его имя присваивается улице, а в 1925 году и парку, принадлежавшему до революции фабриканту А. И. Гарелину) и комиссар 25-й (Чапаевской) дивизии П. С. Батулин (находящийся на противоположном парку имени Степанова берегу Уводи химический завод получает его имя). В 1924 году городской сад стал носить имя «1 Мая», а новый аэродром имя М. В. Фрунзе. Однако «ликвидация классово-враждебных элементов» городской среды не решала проблему существова-

ния элементов старого в культуре, что в свою очередь требовало постоянной маркировки границ.

В мае 1925 года широко отмечается 20-летие стачки: открывается мемориальная экспозиция в губернском краеведческом музее, проводятся торжественные мероприятия на предприятиях. Был даже запланирован визит эскадрильи имени Фрунзе [15]. В ходе торжеств был открыт памятный обелиск Ф. А. Афанасьеву, установленный рядом с местом его гибели у реки Талки [14, с. 104].

В 1924 году начинается реконструкция городской среды, сопровождавшаяся сносом церковных сооружений. В конце того же года началось массовое жилищное строительство, воплощавшее концепцию города-сада. На окраине города вырос *Первый рабочий* поселок, двухэтажные дома которого внешне напоминали коттеджи. По этой причине улучшение жилищных условий рабочих рассматривалось как явление европейского уровня, и район тогда называли «Ивановская Голландия» или «Ивановская Швейцария» [2, с. 86]. В центре города у железнодорожного вокзала в 1925 году началось создание *Второго рабочего* поселка, а на окраинах города появились дома строительных кооперативных товариществ «Свет и воздух», «Объединение», «Красный химик». В 1927—1929 годах начинают работать новые прядильные фабрики имени Ф. Э. Дзержинского и «Красная Талка», а также меланжевый комбинат.

В 1927 году к десятой годовщине Октябрьской революции в городе проводится «топонимическая революция». Масштабная маркировка физического пространства идеологически значимыми знаками преследовала цели утверждения власти над пространством города, с одной стороны, и включение горожан в идеологически заряженное поле, с другой [48]. Имена получили 348 улиц и переулков (некоторые из них ранее названий не имели). Часть новых названий отражала новые социокультурные реалии и ничем не отличалась от общероссийских. Появились улицы *Октябрьская* (бывшая Никоновская), *Первомайская*, *Рабочая* (Павловская), *Трудовая*, *Ударная* (Никольская), *Мопровская*, *9 Января* (Мельничная и Ново-Троицкая), *Футбольная* и *Пионерский переулок*. На общем фоне топонимов своеобразно выглядит появление улицы *Сталинградской* (в 1940 году их число увеличится до четырех). Выбор «удачно» пал на новый советский топоним (имя Сталина будет использовано в Иванове для названия проспекта лишь в 1951 году). В том же 1927 году появились улицы *Брянская*, *Красноярская* (Духовская), *Рыбинская*, *Рязанская*, *Тверская*. В то же время три Симбирские улицы были переименованы в *Сибирские* (в 1957 году появилась новая улица Ульяновская, а в 1961 году после переименования города на Волге четыре Сталинградские улицы стали Волгоградскими). Среди улиц, названных именами деятелей отечественного революционного движения *С. Л. Перовской*, *Г. В. Плеханова*, *Степана Халтурина* (1-я Поперечная), выделяется улица, носящая имя автора «Катехизиса революционера» *С. Г. Нечаева*, уроженца села Иванова. Его получила находящаяся в центре города Пятницкая улица, на которой он родился. Пяти улицам были даны имена партийных и советских деятелей: *Ф. Э. Дзержинского* (Сретенская), *М. М. Володарского* (2-я Панская-Завражная), *Я. М. Свердлова* (Владимирская), *Ю. Мархлевского* (Ярмарочная и 2-я Бессоновская) и *П. Л. Войкова* (Бочаровский переулок).

В местечке Воробьево к имеющимся улицам Лермонтова и Кольцова прибавились имена еще четырех дореволюционных литераторов — *А. С. Грибоедова* (1-я Ильинская), *Ф. М. Достоевского* (2-я Сретенская), *Н. А. Некрасова* и *И. С. Тургенева*, а также *А. С. Неверова* — советского писателя, автора повести «Ташкент — город хлебный».

Особенно заметная в русской провинции дань пролетарскому интернационализму отразилась в названиях улиц *III Интернационала* (1-я Борисовская), *Николы Сакко* (2-я Борисовская) и *Бартоломео Ванцетти* (3-я Борисовская), *Матьяша Ракоши* (4-я Борисовская), *Карла Либкнехта* и *Розы Люксембург*. Скорее всего именно благодаря известности немецкого «Союза Спартака» появилась в Иваново-Вознесенске улица, названная именем вождя восстания рабов в Древнем Риме¹.

Большое число новых топонимов отразили местные реалии. В честь первой ивановской аптеки, открытой в селе в 1842 году, получил свое новое имя *Аптечный* переулок (Поповская ул.), театр музыкальной комедии дал имя *Театральной* улице (Никольская), 1-я Кладбищенская улица была названа *Ремизной* из-за расположенного рядом ремизо-бердочного завода, а часть Кладбищенской и Часовенная, ведущие от центра города к меланжевому комбинату, на 47 лет получили название Нижегородской улицы. Рабочий факультет Иваново-Вознесенского политехнического института дал имя улице *Рабфаковской* (Дмитриевская), а поселок «Пролетарский текстильщик» — улице *Пролетарской*. Дореволюционное прошлое отразилось в названиях улицы *Батрацкой* (Александровская) и *Конспиративного* переулка. Имя основателя театра в Иваново-Вознесенске *В. В. Демидова* получила Афанасовская улица.

Но главный «великий почин» первой волны переименований, условно, включение в городскую среду имен иваново-вознесенских революционеров и участников стачки 1905 года. Появились улицы, названные партийными кличками революционеров и депутатов первого Совета: *Арсения* — М. В. Фрунзе (Воскресенская), *Отцовская* — Ф. А. Афанасьева (1-я Боголюбовская), *Громобоя* — Р. М. Семенчикова (Шуйская на Ямах), *Ермака* — В. Е. Морозова (Всесвятская), *Станко* — И. Н. Уткина (Панская) [45]. Имена четырех человек — профессионального революционера *М. В. Фрунзе*, командиров иваново-вознесенских боевиков *Р. М. Семенчикова*, *И. Н. Уткина* и заместителя начальника боевой дружины *В. Е. Морозова* получили еще четыре улицы, названные их настоящими фамилиями. (Улица В. Е. Морозова в 1974 году получает имя его однофамильца партийного деятеля Д. Г. Морозова.) 1-я Грачевская улица становится улицей *Боевиков*. Улицам города давались в основном имена погибших либо умерших депутатов первого Совета и большевиков-подпольщиков: *А. А. Андрианова* (Всесвятская), *Е. А. Дунаева* (Петропавловская), *С. И. Балашова* (до 1978 года улица называлась *Балашовской*, а большой район на окраине города (бывшая Боголюбовская слобода), где она находилась, до настоящего времени называется *Балашовка*), *О. М. Генкиной* (Задне-Шереметевская), *В. Г. и Г. Г. Куконковых*, *В. И. Голубева*, *А. Ф. Колесникова* (2-я Ильинская), *М. И. Лакина* (1-я Новая), *И. Я. Мякишева* (1-я Панская-Завражная), *Д. А. Фурманова* (1-я Троицкая). Исключе-

¹ Газета Иваново-Вознесенского губкома комсомола в 1919—1920 годах носила название «Юный Спартак».

нием было имя *О. А. Варенцовой*, присвоенное Покровской улице. Таким образом, было положено начало формированию мемориальной городской среды [35]. Следует отметить, что к концу 1980-х годов из установленных в городе 228 мемориальных досок более 100 разъясняли наименования улиц [28, с. 33].

«Третья пролетарская столица» (1929—1944)

14 ноября 1929 года было принято решение об образовании Ивановской промышленной области (ИПО), объединившей дореволюционные Владимирскую, Костромскую и Ярославскую губернии. А 27 декабря 1932 года постановлением ЦИК СССР город Иваново-Вознесенск был переименован в город *Иваново*. В том же году на географической карте СССР появились города *Горький* (ранее Нижний Новгород), *Дзержинск* (ранее местечко Койданово в Белоруссии), *Кемерово* (в 1925—1932 гг. Щегловск), *Мичуринск* (ранее Козлов), *Сталинск-Кузнецк* (г. Новокузнецк Кемеровской области в 1932—1961 гг.) и *Комсомольск-на-Амуре*. То, что в Иваново-Вознесенске был «впервые создан в 1905 зародыш советской власти — Совет рабочих депутатов» [26, с. 356], создало возможность для превращения его в образцовый советский город. Иваново получает неофициальный статус «третьей пролетарской столицы» СССР [2, с. 85]. Преобразование городской среды вступает в новый этап [24].

Облик Иваново-Вознесенска в 1930-е годы радикально изменился. Как писал Владимир Маяковский, «и Москва, и Иваново <...> строились наново» [25, с. 203]. По количеству архитектурных памятников тех лет в российской провинции Иванову нет равных. В городе работали лучшие советские зодчие (см.: [41]). Сельская застройка в центре города уступает место кирпичным многоквартирным домам поселка «Пролетарский текстильщик», стандартного и социалистического городков меланжевого комбината [8, с. 21]. Ударными темпами сносятся храмовые комплексы в центре города. В 1931 году на месте уничтоженных Покровского и Троицкого соборов появилась выложенная камнем надпись: «На месте очагов классового рабства построим дворец социалистической культуры» [43, с. 32]. И через девять лет на склоне бывшей Покровской горы поднялся огромный мавзолееобразный Дворец искусств архитектора А. В. Власова, ставший доминантой сформированной в 1937 году площади Пушкина. В 1932 году была «расчищена» для гигантского Дома Советов площадь Революции. Построить удалось лишь один корпус, а на месте снесенной церкви Рождества Христова был разбит сквер.

На рубеже 1930-х революционно-краеведческие названия охватывают новые сферы. Все три городские полные средние школы имели собственные имена: № 2 — «имени Афанасьева-отца», № 3 — имени Десятилетия Октябрьской революции [36, с. 55], № 1 — имени уроженца Иваново-Вознесенска А. С. Бубнова. С начала 1936/37 учебного года, еще до того как нарком просвещения А. С. Бубнов был репрессирован, школа «лишилась» его имени и только через 20 лет получила новое — *О. А. Варенцовой* [1, с. 103, 139]. В 1933 году в городе был организован Первый интернациональный детский дом для детей иностранных коммунистов, которому в 1934 году было присвоено имя Е. Д. Стасовой [38, с. 183—187].

Текстильные предприятия, на которых работала большая часть трудоспособного населения города, в 1920—1930-х годах получили имена деятелей

революционного движения. Мало-Дмитревской мануфактуре в 1924 году приказом ВСНХ СССР присваивается имя Н. К. Крупской, а Большой Дмитревской мануфактуре в 1925 году — имя С. И. Балашова. В 1927 году начинает работу ткацкая фабрика имени 8 Марта, а ткацкая и ситцепечатная фабрика «Зарядье» № 1 становится фабрикой № 1 имени рабочего Федора Зиновьева (любопытна контаминация партийной клички «Федор» и фамилии Г. С. Зиновьева — большевика, погибшего во время антивоенной демонстрации 10 августа 1915 года. Скорее всего это было связано с желанием отмежеваться от ассоциаций с Г. Е. Зиновьевым). Соседней фабрике имени рабочего Федора Зиновьева № 2 (бывшая «Зарядье» № 2) в декабре 1934 года было присвоено имя С. М. Кирова (Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 499. Л. 63. Далее: ГАИО).

Три предприятия города в течение 1930—1950-х годов лишились своих имен по политическим мотивам. Так, Новая ивановская мануфактура с 1933 по 1937 год носила имя А. С. Бубнова (с 1953 года это ткацко-отделочная фабрика имени Н. А. Жиделева) (ГАИО. Ф. Р-148). Имя А. С. Киселева — еще одного ивановца, ставшего видным партийным и государственным деятелем, — было присвоено машиностроительному заводу № 4 (в 1937 году А. С. Киселев был репрессирован и его имя из названия завода убрали). Большая ивановская мануфактура в 1930—1950 годах носила имя В. М. Молотова (с 1962 года ткацко-отделочная фабрика имени О. А. Варенцовой)². Имя О. А. Варенцовой (в связи с ее 70-летием) в 1932 году получила Сосневская прядильно-ткацкая фабрика-школа (ГАИО. Ф. 2120), вошедшая в 1960-м вместе с Сосневской отделочной фабрикой (с 1953 года имени Ф. Н. Самойлова) в Ивановский хлопчатобумажный комбинат имени Ф. Н. Самойлова (ГАИО. Ф. 127). В 1930 году, после смерти К. И. Фролова, с 1926 года работавшего заместителем председателя Всесоюзного текстильного синдиката и активно помогавшего строительству новых предприятий в Иваново-Вознесенске, меланжевый комбинат получил его имя. Урна с прахом К. И. Фролова, по его завещанию, была замурована в стене комбината [37, с. 265].

Производство товаров бытового назначения с середины 1920-х осуществлялось в столь же идеологизированной сфере. Наиболее распространенными сигнификатами были «красный» и «труд». В городе работали кондитерская фабрика «Красная Заря» и обувная фабрика «Трудовая коммуна», промысловые артели «Красный игрушечник», «Красный кондитер», «Красный столяр», «Красный чувячник», «Трудкожевенник», «Трудовая игла», «Свой труд», «Объединенный труд», «Точный труд», «Ударник», «имени 9 Января», «имени Десятилетия промкооперации» [36, с. 22—38].

Наименования улиц 1930-х годов были лишены концептуальности. В 1932 году на Первом Рабочем поселке появились улицы *Красных Зорь*, *Льва Толстого* (Меншиковский пер.), *Максима Горького*, *Н. Г. Чернышевского*, а в другой части города две улицы были названы именем большевика-подпольщика *Г. Е. Чельшева*. 11 марта 1936 года решением Президиума ВЦИК Ивановская промышленная область разделяется на две — Ивановскую и Ярославскую. В городе, ставшем рядовым областным центром, свертывается масштабное строительство. Переименования же продолжают. В год столе-

² Примечательно, что в изданной в 1952 году истории фабрики имя В. М. Молотова даже не упоминается (см.: [12]).

тия гибели *А. С. Пушкина* прилегающее к реке Уводи местечко Пески преобразуется в площадь имени поэта, близлежащая Михайловская улица также называется его именем. В том же году улица Барашек становится *Красногвардейской* и появляются новые улицы — *В. П. Чкалова*, *Ясной Поляны*, три переулочка *И. В. Бабушкина* и три улицы *В. И. Чапаева*, а через год улицы *В. И. Лебедева-Кумача* и *Э. Тельмана* [35]. В 1939 году на площади Революции был установлен памятник-обелиск над братской могилой 30 жертв расстрела антивоенной демонстрации 10 августа 1915 года [28, с. 6]. 26 апреля 1940 года в состав Иванова были включены 6 окрестных деревень, заводские территории, а также примыкающий к правому берегу реки Талки Куваевский лес, ставший Парком имени Революции 1905 года. Многие переименования 1940 года оказались недолговечными: на карте города появились имена четырех первых героев Советского Союза — пер. *А. В. Ляпидевского* (с 1950-го — 9-я Сосневская ул.), пер. *В. С. Молокова* (с 1957-го — пер. Полярников), ул. *Н. П. Каманина* (с 1957-го — ул. Челюскинцев), ул. *С. А. Леваневского*, а также ул. *А. И. Микояна* (с 1957-го — Приволжская), пять улиц получают имя *А. Г. Стаханова* (с 1957-го — Новаторские ул.), ул. *М. Кривоноса* (с 1957-го — Ульяновская), ул. *Торфмаша* (в 1957-м присоединена к ул. Фрунзе), ул. *8 Июля* (с 1957-го — ул. 3 Июня). До настоящего времени существуют улицы *С. А. Леваневского*, *Ф. А. Афанасьева*, *Демьяна Бедного*, *Николая Островского*, *Степана Разина*, *К. Н. Козуева* (боевика иваново-вознесенской дружины), *Д. З. Мануильского*, *Т. Г. Шевченко*, *П. П. Шмидта*, *Н. А. Щорса*, *И. В. Мичурина*, *Л. В. Собинова*, *П. И. Чайковского*, *К. С. Станиславского*, *Дж. Стефенсона*, *Двадцать лет ВЛКСМ*, *Санаторные*, *Светлая*, *Ударников*, *Параашютная*, *Моряков*, *Краснофлотская*, *Парижской коммуны*, *Талки*, *Стачек* и *Революции 1905 года* [35]. Нужно отметить, что формирование патриотического дискурса в советской идеологии (см., напр.: [49, 50]) практически незаметно в топонимических метаморфозах города Иванова.

В августе 1944-го значимость города как центра крупного промышленного региона была окончательно утрачена после создания Владимирской области [44, с. 4]. От территории двух Бенилюксов осталась область меньше Бельгии.

«Столица текстильного края» (1944—1960)

Вплоть до середины 1930-х участники иваново-вознесенской стачки 1905 года настаивали на первенстве созданного тогда Совета рабочих депутатов [39, с. 5]. Ситуация изменилась после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)», где указывалось, что «иваново-вознесенские рабочие создали Совет уполномоченных, который был *фактически одним из первых* Советов рабочих депутатов в России (курсив мой. — М. Т.)» [17, с. 57]. С 1938 года вплоть до конца 1950-х эта точка зрения оставалась неоспоримой [4, с. 19; 47]. Так, например, историк В. И. Галкин писал: «Необходимо еще раз подчеркнуть, что Совет уполномоченных был *именно одним из первых* Советов рабочих депутатов, а не первым, как это ошибочно утверждают некоторые исследователи (курсив мой. — М. Т.)» [5, с. 118].

В начале 1950-х пропагандистов интересовало не только «славное революционное прошлое» города, но и его настоящее [8]. Однако не был забыт и революционный символический капитал (см.: [29, 30, 42]). Ивановцы должны были гордиться тем, что «немногие города нашей страны имеют такое

богатое и славное революционное прошлое, как город Иваново» [9, с. 3]. В качестве революционных памятников города выступали в то время конспиративные квартиры, подпольные большевистские типографии, места революционных событий. Во второй половине 1950-х появляются существующие до настоящего времени монументы: памятник Ленину на одноименной площади, памятник М. В. Фрунзе в сквере на проспекте Сталина. В сороковую годовщину Октябрьской революции на берегу речки Талки был возведен 19-метровый кирпичный обелиск в честь событий 1905 года. А в 1959 году торжественно отмечалось 100-летие со дня рождения Ф. А. Афанасьева («Отец»).

В 1950-х продолжается планомерное, но довольно бессистемное переименование старых улиц и присвоение названий новым. Наряду с последовательной реализацией революционного дискурса, активизируется дискурс историко-патриотический. В 1951 году изменились названия центральных магистралей. Республиканская, Советская и Социалистические улицы были объединены в проспект *Сталина*, а улица 12 Декабря получила имя *Ленина*. Увеличилось число ивановцев, чьи имена попали на карту города. Семеновский переулок стал улицей *Марии Рябиной* — в честь бойца 220-го Иваново-Вознесенского полка 25-й Чапаевской дивизии, погибшей в 1919 году; 7-я Сосневская улица получила имя участника подавления Кронштадтского мятежа *Герасима Фейгина*; Пионерская улица — имя трагически погибшего комсомольца *П. Ю. Каминского*. 13 улиц получили имена большевиков-подпольщиков и депутатов первого Совета *М. А. Багаева, И. Д. Косякова, Г. К. Королева, В. П. Кузнецова, Ф. Н. Самойлова, Н. А. Жиделева, П. П. Веселова, В. И. Лепилова, Н. А. Фролова, А. Е. Жарова, А. И. Жугина, В. С. и И. С. Шубиных, М. П. Куликова*. Появились улицы *Комсомольская, Ткачей* (Промышленная), *А. В. Суворова* (Сосневская), *С. М. Буденного, Г. И. Котовского, В. В. Маяковского, Н. В. Гоголя, Н. А. Добролюбова, М. И. Калинина, Героя Советского Союза А. М. Матросова, Ивана Сусанина, Победы, И. А. Гончарова, В. А. Жуковского, И. А. Крылова, И. И. Левитана, И. Е. Ретина, А. Н. Радищева*. В 1954 году в честь 400-летия Переяславской Рады Тейковская улица переименовывается в улицу *Богдана Хмельницкого*. Во второй половине 1950-х на северо-восточной окраине города появился ряд улиц, названных в память Отечественной войны 1812 года, — *Бородинская, М. И. Кутузова, П. И. Багратиона и Дениса Давыдова*. Сменили названия 12 улиц, получивших свои имена в 1940 году. Многие названия того времени были даны улицам присоединенных к городу окрестных деревень, и названия некоторых из них работали на целостную семантику городской топонимии (это улицы *А. А. Жданова, С. М. Кирова, К. Ф. Рылеева, М. И. Ломоносова, А. С. Серафимовича, И. И. Шишкина, Мира, Молодых рабочих, Энтузиастов и Революционная*) [35].

«Родина Первого Совета» (1960—1991)

Начало 1960-х для Иванова ознаменовывается тем, что расположенное на бывшей улице Негорелой (с 1960 года улице Сталина, а с 1961 — Советской) здание бывшей мещанской управы, в котором был создан Совет уполномоченных в 1905 году, становится памятником истории федерального значения [34]. Мемориальная доска с текстом: «В 1905 г., во время всеобщей стачки иваново-вознесенских рабочих, здесь происходили собрания *одного из*

первых Советов рабочих депутатов (курсив мой. — М. Т.)» [9, с. 22] — заменяется. Новый вариант гласит: «В 1905 г. во время всеобщей политической стачки иваново-вознесенских рабочих в этом здании происходили собрания *первого в России общегородского Совета рабочих депутатов (курсив мой. — М. Т.)»* [16, с. 37].

Более чем на четверть века (с 1960 по 1991 год) город Иваново в советском символическом пространстве становится «родиной Первого Совета», вовлекая в идеологически маркированное поле как жителей города, так и его гостей (прежде всего в рамках туристского маршрута «Золотое кольцо России»). Именно в начале 1960-х, как бы провозглашая, что «у советских собственная гордость», пропагандисты отказываются от сравнения Иванова с Манчестером, утверждая, что «Иваново — не советский Манчестер!», т. к. советская текстильная промышленность по всем показателям обогнала английскую [21, с. 143—153]. В области начинают широко отмечаться памятные даты революционного движения и юбилеи ивановских революционеров. В 1961 году празднуется 75-летие со дня рождения Д. А. Фурманова, в 1962-м — 100-летие со дня рождения О. А. Варенцовой. В декабре того же года в бывшем особняке фабрикантов Зубковых, где в 1918 году размещался комиссариат Ярославского военного округа, открылся Мемориальный музей-кабинет М. В. Фрунзе. В 1965 году, кроме всесоюзного празднования двадцатой годовщины победы в Великой Отечественной войне, в Иванове и во всей области отмечалось 80-летие со дня рождения М. В. Фрунзе и 60-летие первого общегородского Совета рабочих депутатов [32]. На юбилейную сессию городского Совета прибыли гости из польского города-побратима Лодзи, из Ташкента, Ярославля, Владимира и Костромы [27, с. 489].

Изменения в топонимии вплоть до 1974 года были немногочисленны. Они носили как общесоветский, так и местный характер. В 1961 году Большая Хуторовская улица получает имя *Ю. А. Гагарина*, а улица *Сталина* становится *Советской*. Именем председателя первого Совета рабочих депутатов гравера и поэта А. Е. Ноздрина была названа улица Никитская (до 1927 года Никитский переулок, на пересечении которого с Негорелой улицей в 1905 году находилась мещанская управа). Примечательно, что семантика названия улицы («*поэта Ноздрина*») не революционная, а литературная. Первый Межевой переулок стал улицей *А. Н. Благова*, в честь еще одного ивановского поэта, жившего в этом переулке и умершего в 1961 году. В 1960-х в названиях улиц, которым присваиваются имена ивановцев — ветеранов революционного движения, появляются фамилии репрессированных в 1930-е годы — *П. П. Постышева, А. С. Бубнова, Н. Н. Колотилова, И. И. и Д. И. Черниковых, И. П. Косарева, М. Н. Разумовой, М. Ф. Икрянисовой, М. И. Колесанова, Г. Е. Гнедина*.

В год двадцатой годовщины победы в Великой Отечественной войне улицам присваиваются имена погибших на фронте земляков: *поэта А. А. Лебедева, поэта Н. П. Майорова, танкиста Г. П. Александрова, летчика К. Ф. Захарова, летчика С. И. Лазарева, капитана П. И. Петрачкова*. В 1972-м 2-я *Авиационная* улица переименовывается в *Велижскую*, названную по городу Велижу Смоленской области, близ которого вела бои 332-я стрелковая дивизия имени М. В. Фрунзе, сформированная в Ивановской области. Годом позже Большая железнодорожная переименовывается в улицу *Полка «Нормандия — Неман»* в честь французского истребительного авиаполка,

сформированного в 1942 году в Иванове. Связь Иванова с хлопководами Узбекистана проявилась переименованием Летной улицы в *Ташкентскую*. И в 1973 году расположенная близ мемориала на реке Талке Окружная улица получает имя одной из зачинательниц виноградовского движения ткачихи *Т. И. Шувандиной* [35].

В начале 1960-х пущенному в строй камвольному комбинату было дано имя В. И. Ленина, а через десятилетие завод тяжелого станкостроения получил имя 50-летия СССР. Следует отметить, что многим предприятиям города не текстильного профиля (заводам автокранов, чесальных машин, торфяного машиностроения и ряду других) имена не присваивались [10].

В год 50-летия Октябрьской революции в городе создается мемориальное кладбище революционеров текстильного края. 4 ноября был открыт Дом-музей Первого Совета рабочих депутатов 1905 года. В 1968 году на улице Энгельса был установлен памятник из красного гранита Федору Афанасьеву («Отец») [28, с. 10], а в новом микрорайоне начал работать кинотеатр «Искра», название которого в советской культуре имело устойчивое историко-революционное значение (годом раньше рядом с ним было построено пожарно-техническое училище, придавшее двусмысленность хрестоматийным строкам «Из искры возгорится пламя»). Другие кинотеатры, находившиеся в разных районах города, носили столь же типичные «советские» имена: «Центральный» (1932), «Великан» (1948), «Спартак» (1950), «Мир» (1956), «Победа» (1957), «Спутник» (1963) и «Лодзь» (1966).

17 января 1971 года произошло знаменательное событие в жизни города: в Иваново прибыл из Москвы автобус-экспресс с туристами. Это был первый рейс по новому всесоюзному туристскому маршруту, который получил название «Золотое кольцо России». Предполагалось, что, приезжая в Иваново, люди прежде всего стремились «подышать воздухом революционной истории, героической борьбы иваново-вознесенских рабочих против царского самодержавия, за построение нового общества» [11, с. 11]. В путеводителе по «Золотому кольцу» сообщалось, что «туристам, приезжающим в Иваново, гостеприимные хозяева обязательно покажут Дом Первого Совета — главную достопримечательность города» [3, с. 238]. Контраст с главными достопримечательностями других городов маршрута был разительным, и специфичность Иванова в «Золотом кольце» становилась очевидной. Для размещения туристов была построена гостиница с соответствующим имиджу города названием «Советская» (1970). До этого в городе было лишь две гостиницы — построенная в 1929 году в стиле конструктивизма «Центральная» и «Иваново» (типовой проект 1963 года).

В августе 1971 года прошел столетний юбилей города. На выпущенном в том же году полумиллионным тиражом комплекте открыток «Иваново» из серии «Города России» городская среда была представлена «обелиском в память революционных выступлений иваново-вознесенских рабочих в годы первой русской революции», памятниками В. И. Ленину, М. В. Фрунзе и Ф. А. Афанасьеву. Современное Иваново иллюстрировали построенные по типовым проектам гостиница «Советская» и Дом печати, в котором располагались редакции областных газет «Рабочий край», «Ленинец» и «Курьер». Конструктивистские шедевры конца 1920-х — гостиница «Центральная», «дом-корабль», «дом-подкова», Ивсельбанк и ряд других на открытки не попали [41]. Памятники архитектуры того времени были представлены жилыми

домами на проспекте Ленина, зданием железнодорожного вокзала (1930), построенными в стиле красной дорики по проекту И. А. Фомина химико-технологическим и текстильным институтами (1929). «Сталинский ампир» — реконструированным кинотеатром «Центральный» и зданием главпочтамта. Промышленная архитектура в число 15 сюжетов не попала.

В начале 1974 года Ивановский педагогический институт имени Д. А. Фурманова получает статус университета и, пожалуй, самое длинное в СССР название — Ивановский государственный университет имени Первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов. В том же году 6-я Завокзальная улица переименовывается в улицу *И. П. Носова* (секретаря Ивановского обкома ВКП(б) в 1932—1937 годах), а Нижегородская становится улицей *А. Н. Смирнова* (секретаря Ивановского обкома КПСС в 1964—1972 годах). Продолжаются переименования улиц в честь старых большевиков: *С. М. Балахнина* (Главная), *Н. Н. Кудряшова* (3-я Полевая), *И. Е. Любимова* (6-я Коляновская), *Н. Н. Панина* (10-я Южная), *Е. А. Володиной* (Дальняя), *А. И. и К. И. Кирякиных* (Кирякина), *А. С. и М. С. Киселевых* (Киселева), *М. П. Сарментовой* (Лесная); одна улица названа именем писателя-народника *Ф. Д. Нефедова* [35].

1975 год стал очень насыщенным по количеству мероприятий в честь 70-летия Совета. 18 мая открылся фестиваль «Мастера искусств страны — родине Первого Совета» (он станет ежегодным фестивалем искусств под «революционным» названием «Красная гвоздика»). В конце месяца были открыты два монументальных комплекса, посвященных событиям 1905 года, — мемориальный комплекс «Красная Талка» на берегу реки Талки и мемориал «Борцам революции» на площади Революции (скульптурная группа «Поднимающий знамя» первоначально предназначалась для установки в Одессе, и ее герои не были обуты, что при помещении в центрально-российский социокультурный и климатический контекст резко меняло семантику памятника). На митинге в день открытия мемориала над головами собравшихся возвышался транспарант с текстом: «Ивановцы, помните: на этой *священной земле* 70 лет назад ваши отцы и деды боролись за светлое будущее» (курсив мой. — *М. Т.*). Пафос монументальной пропаганды был отражен в путеводителе «По Золотому кольцу России»: «*Величайшей святыней* ивановцев стал мемориал на реке Талке. Здесь царские палачи расстреляли собравшихся на митинг пролетариев Иваново-Вознесенска. Здесь родилась идея рабочего Совета, из которой позднее, после Великого Октября, выросло светлое здание Советской власти — власти трудящихся социалистической России (курсив мой. — *М. Т.*)» [3, с. 238].

На пилонах монумента на Талке были помещены гексаметры ивановского поэта В. С. Жукова, в полной мере использовавшего революционно-поэтические штампы:

Вечная память и слава
Павшим за счастье живущих,
В битвах бессмертных создавшим
Первый в России Совет.
Шли на борьбу как на праздник
Толпы голодных и честных,
Клич поднимая суровый:
Самодержавье долой!

К схваткам за правое дело
Звал агитатор рабочих,
Пламенным словом партийным
Вел на решительный бой.

[28, с. 17]

Стереотипность использованных образов являлась отражением клишированности образа революции в массовом сознании (см.: [40, с. 26—27]).

В конце мая по маршруту Иваново — Москва был пущен фирменный поезд № 257/258 «Красная Талка» (маршрут Иваново — Ленинград обслуживал фирменный поезд «Текстильный край»). У этого железнодорожного состава был даже свой «именной» тепловоз, названный в честь М. А. Багаева. Перед прибытием в Иваново по внутреннему радио передавалась музыкально-информационная программа о «биографии города красных ткачей» [19].

В 1977 году на торцевой части Дома Советов, обращенной к проспекту Ленина, было установлено монументальное панно с барельефом Ленина и его высказыванием, подчеркивавшим значимость города в истории советского государства: «...пролетариат московский, питерский и иваново-вознесенский <...> доказал на деле, что никакой ценой не уступит завоевания революции». В том же году на Вокзальной площади в дни проведения VIII Всесоюзного слета участников похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа была открыта монументальная декоративная композиция «Подвигу молодых революционерок» (позже закрепилось название «Молодым революционеркам текстильного края»). Прообразом скульптурного изображения выступила «молодая революционерка Ольга Генкина, трагически погибшая от рук черносотенцев» [28, с. 22—23]. Расправа над ней произошла 16 ноября 1905 года, после того как в оставленном ею на вокзале багаже полиция обнаружила револьверы и патроны.

Во второй половине 1970-х все переименования улиц были связаны с именами ивановцев. 13-я и 14-я Санаторные улицы стали улицей *Павла Большевикова* — организатора комсомола в Иваново-Вознесенске, почетного гражданина города. Другие изменения выглядели так: улица *О. А. Беловой* (Варенцовой), *О. А. Варенцовой* (Нечаева), *Е. М. Поляковой* (Кривоколенный переулок), *М. Ф. Наговициной-Икрянистовой* (Икрянистовой), *М. А. Шустовой* (переулок Балашова), *В. А. Каравайковой* (5-я Сосневская), *Г. И. Окуловой* (7-й проезд), *Н. О. и П. О. Диановых* (11-я Земледельческая), *С. П. Шестернина* (1-й Зарядьевский переулок), *И. М. Зверева* (Уводская), *академика А. И. Мальцева* (Мельничная) и легчика Героя Советского Союза *С. М. Люлина* (Инструментальная) [35].

Выпущенная в 1979 году туристская схема Иванова содержала фотографии шести уголков города — мемориальных комплексов на реке Талке и площадях Революции и Вокзальной, а также Дома Первого Совета и вида с реки Уводи на здание драматического театра. Справочная часть содержала перечень 16 памятных мест историко-революционного характера, 10 мест, «связанных с именами замечательных людей», 9 памятников (из них два — это монументальные стелы с портретами Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, установленные в 1977 году). В перечне были 6 архитектурных памятников: два сооружения XVII века, по одному — XVIII и XIX веков, а также «Дом кол-

лектива» — жилой комплекс на 400 квартир архитектора И. А. Голосова 1929—1932 годов и комплекс зданий, создававшийся для Ивановского политехнического института по проекту И. А. Фомина в 1927—1932 годах.

В 1980 году у Дворца культуры текстильщиков был открыт памятник О. А. Варенцовой. А 28 мая, в день 75-й годовщины создания Совета, рядом с домом-музеем (бывшей мещанской управой) в специально построенном здании был открыт музей Первого Совета. С 1976 по 1980 год Ивановский объединенный историко-революционный музей, в который входил и краеведческий (бывший музей фабриканта Д. Г. Бурьлина), посетили 2,8 миллиона человек. Среди них были туристы более чем из 20 стран — ГДР, Польши, Болгарии, Чехословакии, Румынии, Югославии, Кубы, Кореи, Лаоса, Зимбабве, Франции, Шри Ланки и др. (Архив Ивановского объединения историко-революционных музеев. Оп. 3281. Д. 13. Л. 7, 9). Сквозными темами новой музейной экспозиции стали: 1) дореволюционная история города, 2) жизнь рабочих, 3) деятельность иваново-вознесенской большевистской организации, 4) возникновение и деятельность Совета, 5) Ленин и Иваново-Вознесенский край и 6) участие женщин в революционном движении. Визуальной кульминацией экспозиции являлась диорама «Митинг иваново-вознесенских рабочих на берегу реки Талки. Рождение Первого Совета» [13].

Через пять лет во время очередных юбилейных дней на мемориале у реки Талки была открыта бронзовая скульптурная группа «Иваново-вознесенские ткачи», а ряд из 14 скульптурных портретов был дополнен бюстами К. И. Киряжиной-Колотиловой, М. П. Сарментовой, М. И. Лакина, В. Е. Морозова, Н. П. Грачева, П. П. Постышева. Кроме того, бронзовый бюст А. С. Бубнова был установлен перед зданием медицинского института, в 1981 году получившего его имя, а перед зданием текстильного института был открыт бюст М. В. Фрунзе, чье имя было присвоено вузу еще в 1960 году [28, с. 28]. Из семи ивановских вузов в 1985 году «свои имена» имели четыре (энергетический институт носил имя В. И. Ленина).

И именно в 1985 году произошло последнее переименование улицы, апеллирующее к революционному прошлому: 5-й Завокзальный переулок, ведущий к Парку культуры и отдыха имени Революции 1905 года, стал улицей *Первых маевок*. Кроме этого появились улицы танкиста Белороссова, маршала Жаворонкова, генералов Белова и Горбатова. В мае того же года площадь Багаева была переименована в площадь *40-летия Победы*, на ней были снесены ветхие строения и установлен памятник из красного кирпича в честь юбилейной даты. Всего к концу 1980-х под государственной охраной находилось 89 памятников местного и 21 республиканского значения [28, с. 5]. Таким образом, было завершено формирование символического пространства «самого советского» города СССР.

В годы перестройки параллельно с инерционными актами формирования символической городской среды начинается разрушение гомогенного семиотического пространства Иванова. К 70-летию Октябрьской революции на проспекте Энгельса был открыт монумент в честь боевых и трудовых подвигов ивановцев в годы Великой Отечественной войны и появилась улица *Пятой ударной армии*. Кампания по возвращению исторических названий городам и улицам практически не затронула Иваново. С карты города пропала лишь имя А. А. Жданова.

Девальвация символического капитала родины первого Совета началась в конце 1980-х годов. Так, весной 1989 года у расположенной на углу проспекта Энгельса и улицы Сарментовой бывшей Введенской церкви, в которой размещался архив Ивановской области, прошла голодовка группы верующих, требовавших передачи храма епархии. Это здание в городе было известно как Красная церковь (по цвету кирпичных стен). Освещавшие ход голодовки СМИ использовали именно это название, тем самым контаминация «красная церковь» порождала новые коннотации, лишая сигнификат «красный» идеологической монополии.

Событием, символически завершающим четвертый этап советской истории города Иванова, можно считать прошедшую в июне 1991 года в Ивановском государственном университете республиканскую научно-практическую конференцию «Город и Советы: история, проблемы, перспективы». Через полгода у Иванова как родины первого Совета остались лишь история и проблемы.

* * *

Изменявшиеся на протяжении советской истории идеологические дискурсы в большой мере нашли отражение в символическом пространстве Иванова. Особенностью же формирования семиосферы города являлось присутствие в ней на протяжении значительной части советской истории знаков и символов, репрезентировавших события революционного прошлого. Ю. М. Лотман, обращаясь к феномену трансляции значений, писал, что «являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного ее пласта в другой. Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» [23, с. 241]. Аккумуляция революционной семантики, закрепленной как за дореволюционными, так и созданными в советское время объектами физического пространства города, привела к перегруженности ею городской семиосферы. Избыточное по своему содержанию символическое пространство можно представить как склад, хранящий огромный «семиотический потенциал, конкретные возможности которого могут или реализоваться, или не реализоваться. Семиотический потенциал зависит от множества распространенных в данное время кодов и от их реализации или нереализации» [20, с. 199—200]. В советское время реализация семиотического потенциала Иванова как «Красного Манчестера», «города красных ткачей», «кузницы пролетарских кадров», «третьей пролетарской столицы», «столицы текстильного края» и «родины Первого Совета» задавалась доминирующими идеологическими кодами. В 1970-е годы стала возможной трансляция символического поля города на все советское социокультурное пространство (в частности, путем включения Иванова во всесоюзные туристические маршруты). После 1985 года формирование символического пространства Иванова как «самого советского» города СССР было остановлено, а после распада СССР Иваново окончательно потеряло свой специфический символический статус.

Библиографический список

1. Балдин К. Е. Начало начал: Очерки истории школы № 30 г. Иванова. Иваново, 2003.
2. Балдин К. Е., Семенов А. М. Иваново: история и современность. Иваново, 1996.
3. Бычков Ю. А., Десятников В. А. По «Золотому кольцу» России: Фотопутеводитель. М., 1981.
4. Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году: Сб. документов и материалов. Иваново, 1955.
5. Галкин В. А. Иваново-вознесенские большевики в период первой русской революции. Иваново, 1952.
6. Гарелин Я. П. Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад: В 2 ч. Шуя, 1884. Ч. 1.
7. Герасимов В. В. Сквозь пласты времени: Очерки о прошлом города Иванова. Ярославль, 1988.
8. Глебов Ю. Ф. Наш город: (Материалы для агитаторов о социалистическом росте города Иванова). Иваново, 1951.
9. Глебов Ю. Ф. Революционные памятники города Иванова. Иваново, 1951.
10. Глебов Ю. Ф., Лешуков Т. Н. Иваново: Путеводитель. Ярославль, 1981.
11. Глебов Ю. Ф., Приходько А. Ф. Иваново: Путеводитель. Ярославль, 1972.
12. Глебов Ю. Ф., Соколов В. М. История фабрики Большой Ивановской мануфактуры. Иваново, 1952.
13. Горбунова Л. Г. История первого Совета в музейной экспозиции // Советы: история и современность: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию первых Советов, Иваново, май 1985 г. М., 1986.
14. Город Иваново за 100 лет: Стат. сб. Иваново, 1971.
15. Готовьтесь ко дню 20-летия 1905 г. // Рабочий край. 1925. № 112. 20 мая.
16. Иваново: Путеводитель. Иваново, 1972.
17. История ВКП(б): Краткий курс. М., 1938.
18. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.
19. Котляр В. Высокая марка «Красной Талки» // Рабочий край. 1975. № 131. 5 июня.
20. Лахман Р. Ценностные аспекты семиотики культуры/семиотики текста Юрия Лотмана // Лотмановский сборник: Т. 1 / Ред.-сост. Е. В. Пермяков. М., 1995.
21. Лешуков Т. Н. Текстильный цех республики. М., 1961.
22. Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.
23. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Там же.
24. Лукьянов М. Г. От села к областному центру. Иваново, 1931.
25. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1958. Т. 9.
26. Невский В. Иваново-Вознесенск // Малая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 3.
27. Очерки истории Ивановской организации КПСС: Ч. 2. 1917—1967. Ярославль, 1967.
28. Памятники истории и культуры города Иванова: Проспект. Иваново, 1987.
29. Паначин Ф. Г. Революционные маевки в городе Иванове. Иваново, 1952.
30. Паначин Ф. Г. Этого не забудем никогда: (Расстрел иваново-вознесенских рабочих 23/10 августа 1915 г.). Иваново, 1952.
31. Паперный В. Культура «Два». М., 1996.
32. Первый Совет рабочих депутатов (май — июль 1905 г.): Фотоальбом. Ярославль, 1965.

33. *Портнов А. Н.* Семиотика городской среды: теория и практика // Город и Советы: история, проблемы, перспективы: Материалы респ. науч.-практ. конф., 4—6 июня 1991 г. Иваново, 1991.
34. Постановление Совета Министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 г. http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_35058.html
35. *Прокуроров Ф. Е., Бочков М. В.* Имена улиц города Иванова. Иваново, 1981.
36. Путеводитель-справочник по городу Иванову. Иваново, 1934.
37. Революционеры текстильного края: Сб. очерков. Ярославль, 1980.
38. *Романов А.* Детский интернационал // Родина Советов: Сб. / Сост. В. Андрианов. М., 1989.
39. *Самойлов Ф. Н.* Первый Совет рабочих депутатов. М., 1931.
40. *Сандомирская И.* Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.
41. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Ивановская область: В 3 ч. М., 1998. Ч. 1.
42. Солдаты революции: Очерки об участниках революции 1905—1907 годов. Иваново, 1955.
43. *Тихомиров А. М.* Храмы Иваново-Вознесенска. Иваново, 1996.
44. *Тюрин И. И., Чернобровцев С. В., Экземплярский П. М.* Текстильный край. Иваново, 1948.
45. Улицы нашего города. Иваново, 1958.
46. *Шульгин В. В.* Три столицы. М., 1991.
47. *Чернова Е.* Иваново-вознесенский пролетариат — создатель одного из первых Советов рабочих депутатов. М., 1955.
48. *Azaryahu M., Kook R.* Mapping the Nation: Street Names and Arab-Palestinian Identity: Three Case Studies // Nations and Nationalism. 2002. Vol. 8. № 2.
49. *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931—1956. Cambridge (Mass.), 2002.
50. *Brandenberger D.* Proletarian Internationalism, «Soviet Patriotism» and the Rise of Russocentric Etatism During the Stalinist 1930s // Left history. 2000. № 6.

А. Н. Портнов

ФИЛОСОФСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ Л. КЛАГЕСА

В статье рассматриваются философско-антропологические идеи Людвига Клагеса (1872—1956). Исследуются истоки его воззрений и их влияние на развитие антропологических идей в двадцатом веке.

The article deals with the anthropological ideas of German philosopher Ludwig Klages (1872—1956). The roots of his ideas and the impact thereof on the development of anthropological thought in the twentieth century are discussed.

Творчество Людвиг Клагеса в отечественной литературе очень слабо изучено. Вообще, «философии жизни» в нашей стране уделялось мало внимания. Правда, до революции были переведены все основные работы Ф. Ницше и А. Бергсона. Но со второй половины 20-х гг. и до конца эпохи «перестройки и гласности» эта линия в развитии европейской философии продолжала оставаться в тени. А затем на первый план вышли такие фигуры, как Ницше, Бергсон, Шпенглер, Хайдеггер. Клагес, который, как мы постараемся показать ниже, оказал немалое влияние на развитие философско-антропологических идей в 20—40-е гг. XX в., очень мало известен нашему философскому сообществу, главным образом по аргументам М. Шелера против некоторых его идей [8] и по книгам В. Брюнинга [3] и А. Хюбшера [7]. Лучший (и, пожалуй, единственный) обзор его творчества в отечественной литературе мы находим в работах А. С. Богомолова [1; 2], где он помещает Клагеса в разряд «фашистских философов жизни». Совершенно очевидно, что и сама характеристика, и большинство материала А. С. Богомолов позаимствовал из книги Г. Лукача «Разрушение разума» (впервые вышедшей в 1954 г.), четвертая глава которой носит заглавие «Предфашистская и фашистская философия жизни (Клагес, Юнгер, Боймлер, Бём, Крик, Розенберг)» [41]. Сходные определения мы находим у Э. Блоха, который вообще — следя, очевидно, за своим идеалом, К. Марксом — не стеснялся в выборе уничижительных эпитетов для идеологических противников: «фашист К. Г. Юнг», «Клагес — тарзан в философии» [10, с. 65]. А. С. Богомолов и Г. Лукач, поместив Клагеса в один ряд с Розенбергом, надолго отбили у отечественных философов интерес к исследованию его работ. В последние 15 лет отношение к философии жизни во многом изменилось: основные произведения Ницше, Бергсона, Ортеги-и-Гассета были переизданы или опубликованы в новых переводах, вышло немало работ Дильтея и Зиммеля. Однако нам не встречались публикации, посвященные философии и/или психологии Клагеса. Не упоминается он и в отечественных обзорных работах по философской антропологии.

Между тем за рубежом существует устойчивый интерес к его творчеству. Статьи о Л. Клагесе включены во все основные зарубежные энциклопедические издания по философии и психологии, причем не только в Германии, но и во Франции, США, Голландии [9; 22; 50; 57; 59]. Исследования о нем выходят в Германии, Швейцарии, Австрии, Голландии, США, Франции, Италии и даже в Перу [48], в Интернете есть несколько сайтов, посвященных его личности и творчеству [9, 13, 43, 49, 50]. Имеется немало количество серьезных научных работ, в которых проводится сопоставление идей Клагеса и взглядов таких мыслителей, как М. Хайдеггер, В. Беньямин и Т. Манн.

Правда, за рубежом, особенно в Германии, существует достаточно устойчивая традиция критического отношения к философии жизни и ряду направлений философской антропологии. Точнее, не к самим этим философским направлениям, а к их представителям, многие из которых вполне лояльно относились к идеологии и практике Третьего рейха [19, 38, 47, 51, 58]. Впрочем, мы бы не стали преувеличивать этот момент. Режим Третьего рейха имел своих официальных идеологов, к числу которых не принадлежали ни А. Гелен, ни Э. Ротхакер, ни М. Хайдеггер (хотя они и были членами НСДАП), ни Х. Липпс, добровольно отправившийся в 1941 г. на фронт и погибший под Москвой, ни тем более Л. Клагес, переехавший в Швейцарию еще в годы Первой мировой войны.

В их работах, опубликованных до 1945 г., мы не найдем ни одной ссылки на писания официальных идеологов режима. В отличие от СССР, в гитлеровской Германии никому в голову не приходило требовать от университетских профессоров обязательных ссылок на работы классиков национал-социализма или решения очередного партсъезда (хотя и «классики» и «решения» существовали в реальности). С другой стороны, после 1945 г. ни один из философов, которых леволлиберально, а то и просто коммунистически ориентированные критики вроде Г. Лукача и Э. Блоха относят к правоконсервативному крылу немецкой философии, не нашел ни одного слова раскаяния или покаяния.

Несколько замечаний о соотношении философии жизни и философской антропологии. Систематика и типология антропологических учений — достаточно непростая вещь. П. С. Гуревич совершенно верно отмечает, что философскими антропологами называют в основном тех, кто толкует о важности человеческой темы, независимо от собственного вклада [4]. Соответственно, многие мыслители, которые внесли значительный вклад в разработку философской и психологической антропологии (например, Гоббс, Декарт, Шопенгауэр, Фрейд, Бердяев, Зиммель, Зомбарт, Шюц, М. де Унамуно, Ортега-и-Гассет — этот ряд легко может быть продолжен), не относятся традиционно к числу философов и психологов антропологической ориентации. Этот вопрос действительно непрост. Практически все серьезные психологические теории, будь то генетическая эпистемология Ж. Пиаже, культурно-историческая школа Л. С. Выготского, современная когнитивная психология, «картезианская лингвистика» Н. Хомского и тесно связанная с ней философско-психологическая теория знания Дж. А. Фодора, различного рода типологии личностей (Э. Кречмер, Л. Шелдон, Г. Аммельман, К. Леонхард, А. Личко) и т. п., базируются на вполне определенных философско-антропологических предпосылках, независимо от того, осознают ли отдельные ученые эти основания или (чаще всего) не осознают. В свою очередь, очень многие создатели философской антропологии систематически использовали психологические и антропологические аргументы для построения своих теорий.

Хорошо известно, что работы некоторых представителей философии жизни сыграли значительную роль в формировании философской антропологии XX в. Обычно в этой связи указывают на Ницше, с его идеей о человеке как «неустановившемся животном». Менее очевидно, что схема развития уровней психики у Шелера [8] в значительной мере повторяет схему Бергсона из «Творческой эволюции» и «Материи и памяти». Однако очень часто границу между философией жизни, философской и психологической антропологией провести очень непросто. Дело даже не в том, что во многих ответвлениях философской антропологии идеи философии жизни используются достаточно систематически. Все обстоит гораздо сложнее. Теоретики философской антропологии давно отметили, что в истории философской, психологической и социологической мысли образ человека сплошь и рядом строится по модели «Только человек...». Предикаты могут быть весьма разнообразными: «Только человек может и должен трудиться»; «Только человек обладает прямохождением, речью, долгое время зависит от ухода и воспитания, может плакать и смеяться, различает вещи и их изображения, только у человека нет определенной биологической специализации и, следовательно, определенной биологической ниши и т. п.». Некоторые из этих, как их метко

назвал М. Ландманн, «строительных блоков» были предметом обсуждения уже в античности — у Анаксагора, Протагора, Аристотеля [39, с. 273]. Немного более сложно обстоит дело в тех случаях, когда из блоков складывается определенная система. Но и тогда момент системности может существенно варьировать. Так, у того же Ландманна мы видим, с одной стороны, стремление опереться на «объективный дух» в понимании Н. Гартманна, и тогда человек выступает как *creatura creatrix* — существо, обладающее внутренним источником развития, но источник этот спиритуалистической природы [39], в других же работах Ландманн стремится построить некую «лестницу» из 26 специфически человеческих качеств и свойств — «*anthropina*» (см., напр.: [40, с. 260—270]). Неспециализированность, которая выступает в качестве основного понятия у Ландманна, идущего в этом вопросе вслед за Геленом, так же, как, например, и плесснеровская эксцентрическая позиция человека (кстати, она была впервые высказана именно Клагесом), вполне, на наш взгляд, вписываются в дискурс философии жизни. Дело вовсе не в том, объявляет себя тот или иной мыслитель представителем философской антропологии, живет ли он в такую эпоху, когда человек становится проблемой для философии. Человек всегда будет проблемой для философии (и, добавим мы, для психологии), но можно построить такую философию и такую психологию, в которой просто не найдется места для человека, в которой «человек» будет объявлен (и реально объявляется) псевдопроблемой, так как не помещается в рамки соответствующей методологии.

В этом отношении научное (и отчасти поэтическое) творчество Л. Клагеса представляет собой весьма интересный объект для изучения. В целом оно, конечно, принадлежит философии жизни [11]. Более того, Клагес, вероятно, последний крупный представитель этого течения (хотя сейчас в Германии появляется немало философов, работающих в русле этой парадигмы). Но, как и всякая иная философия жизни, она включает в себя вполне отчетливый антропологический компонент. Антропология Клагеса тем более интересна, что он не ограничивается только философскими проблемами, но строит более широкую систему, включающую в себя также и психологические, и психосемиотические компоненты.

Вместе с тем антропология Клагеса несет печать раздвоенности творческого сознания автора, что дало исследователям его наследия повод для полярных суждений. Вполне можно согласиться с такой оценкой: в нем жили, почти не связанные друг с другом, две натуры — восторженно-мистически-поэтическая и рационально-диалектическая, склонная к математическому и естественнонаучному мышлению [43, с. 36]. Это сказалось и в его университетских занятиях: изучение химии и физики (с получением докторской степени по химии), философии и психологии.

Раздвоенность такого рода обнаружилась довольно рано. Придя в середине 90-х гг. XIX в. к заключению, что химия недостаточна, чтобы стать делом жизни, Клагес обращается к изучению одновременно психологии творчества и символики древних цивилизаций. Переехав в Мюнхен и поселившись в знаменитом районе Швабинг, куда в конце XIX — начале XX в. стекались интеллектуалы со всей Германии, он довольно близко сходитя с кругом известного поэта-символиста Штефана Георге. Вокруг Клагеса образуется кружок так называемых «мюнхенских космистов» [17]. В некоторых отношениях развивавшаяся ими идея «всежизни» (*All-Leben*) близка к идее

«всеединства» русской философии, однако «мюнхенский космизм» был насквозь пропитан мистикой [54], например, верой в действительность мифологических, по сути дела, еще дохристианских представлений и символов. Огромное влияние на Клагеса и его друзей оказали в этом отношении работы Бахофена.

Здесь мы видим один из вариантов того умонастроения, которое возникло еще в период господства романтизма и затем никогда не исчезало из европейской культуры XIX—XX вв., принимая различные облики. Суть его в том, чтобы противопоставить неограниченной вере в прогресс и «светлое будущее» нечто такое, что бы уходило своими корнями в глубины истории и/или психики (национального, расового духа) и уже в силу своей древности являлось бы ценностью более высокого порядка, нежели критически-аналитическое мышление в стиле Декарта и Канта. Забегая вперед, заметим, что настроениями такого рода объясняется и «экологическая» направленность ряда трудов Клагеса. Его ранняя работа «Человек и земля» [24], в которой он резко критикует то, что много позже стало называться «современной экологической ситуацией», неоднократно переиздавалась в 70—80-е гг., в том числе и с предисловием известного биолога Б. Гржимека [21]. Но если быть более точным, то в этом случае речь идет о том, чтобы противопоставить технократически-антропоцентрической картине мира эколога-антропоцентрическую [16; 20; 21; 49; 57; 58]. Как это часто бывает в истории идей, истинный смысл романтической критики эпохи позднего модерна, с его увлечением техникой, устремленностью в будущее, оказался понятен только 70 лет спустя.

В литературе, посвященной Клагесу, обычно делают акцент на его понимание взаимоотношений между духом, душой и телесностью. Свою позднеромантическую антропологию Клагес строит на противопоставлении понятий «дух» и «душа», к которым добавляется понятие «жизнь». Дух, по Клагесу, начало негативное, оно в условиях современной урбанистической цивилизации подавляет душу, что ведет не только к эмоционально-чувственному отуплению, но, как следствие, и далее — к потере контакта с землей, к разрушению природы.

Хотя дело не только в негативном влиянии духа. Было бы большим упрощением сводить все к этому моменту. В трактовке Клагеса в основе того, что мы привыкли называть «сознанием», лежит непрерывная деятельность души. Она же в свою очередь абсолютно неразрывно связана с образной сферой. Отсюда его формулировка — «die Seele als Bildseele», т. е. «душа как вместилище образов». Образная сфера, в свою очередь, неразрывно связана со способностью «переживания» (Erleben). Представления Клагеса о структуре и динамике психических актов (о чем он пишет постоянно) изложены им в одной из работ в максимально четкой форме [35, с. 237—238]. Для лучшего понимания этого момента следует иметь в виду, что 25-я глава, которой заканчивается интересующее нас изложение, называется «Сознание как помеха для жизни» (другой возможный перевод — «Сознание как нарушение жизненного процесса»).

Логическая последовательность рассуждений Клагеса выглядит следующим образом: 1. Жизнь есть непрерывное переживание, сознание же представляет собой дискретную цепь одномоментных актов, каждый из которых может соотноситься с результатами предшествующих в той степени, в какой все они соединены вместе потоком переживания; 2. Момент осознания не

имеет протяженности во времени, «пережитое» в каждый момент уже «прошло» (*immer schon verflossen*), независимо от того, начался ли акт осознания прямо в данный момент или же он будет иметь место позже; 3. Дух и жизнь были бы навсегда разделены и представляли бы собой отдельные сущности в «вегетативной сфере отсутствия сознания» (*Bewusstlosigkeit*), если бы в потоке переживаний не существовало помех. Диапазон актов осознания соответствует интенсивности проявления помех и препятствий в осуществлении жизни; 4. Конечная причина самой возможности помех заключена в нерасчлененности ощущений как особого рода жизненных процессов. Непрерывность функционирования сознания предполагает, таким образом, постоянное темпоральное разбиение потока переживаемого, которое можно сравнить с равномерным движением волн; 5. Акт осознания фиксирует тот лишенный временной протяженности момент, когда заканчивается одна волна переживания и начинается другая. Фазовый переход внутри пережитого превращается в осознание разделенности предметов переживания.

Мы констатируем, что теория сознания Клагеса, составляющая важную часть его антропологии, весьма близка, с одной стороны, тому подходу, который сложился в философии и психологии В. Джеймса и Э. Гуссерля, с другой же — некоторым идеям, получившим достаточно широкое распространение в немецкой (и не только) философии и психологии сознания. В первом случае речь идет о «поточности» сознания и/или мышления как отражении континуальной природы самой жизни: «*stream of consciousness*», «*stream of thought*» (В. Джеймс), «*Lebens-und Gedankenstrom*» (Э. Кассирер), «*das Gefälle des Lebensstromes*» (Клагес) — все эти понятия призваны отразить именно тот факт, что поток жизни никогда не останавливается, так же, как и поток (*menstruum*) переживания, мысли, сознания. Собственно говоря, это было понятно уже Дж. Локку, у которого впервые встречается представление о «поточности» сознания. Вполне ясно эта мысль, равно как и идея бессознательного психического, присутствует у психолога и философа К. Каруса [14], на которого опирался Л. Клагес, у австро-венгерского психолога и философа М. Паладьи, который также оказал на него немалое влияние [46]. В другом случае речь идет о следующем: сознание возможно только тогда, когда поток образов прерывается определенными помехами, приостанавливается, что делает возможным акт рефлексии. В американской философии об этом наиболее ясно писал Дж. Дьюи: жизнь — это ряд перерывов и восстановлений, и только когда возникает некое зияние в прерывно-непрерывном потоке, возможен акт объективации, рефлексии, мышления [15, с. 184].

В отечественной литературе подобную идею излагал Д. Н. Узнадзе. В его трактовке это выглядит так: поведение, регулирующееся установкой, при возникновении каких-либо препятствий, не предусмотренных уже сложившейся установкой, задерживается на каком-нибудь из актуальных звеньев. И тогда это звено, отраженное первично в психике в процессе осуществляющихся актов поведения, может обратиться в самостоятельный объект, «может выключаться из непрерывной цепи актов практического поведения и сделатья предметом моего повторного наблюдения, стать объектом, на который я направляю деятельность своих познавательных функций с тем, чтобы получить более детальное и более ясное его отражение... В результате этого акта поведение поднимается на более высокий уровень — на уровень опосредованного познавательными актами, освобожденного от действия непосред-

венных импульсов поведения» [6, с. 254—255]. Мы намеренно привели столь полную цитату, чтобы показать, что та же самая идея о помехах и разрывах в «потоке», но теперь уже «поведения», прекрасно реализуется без обращения к «всежизни», душе, духу и пр. Кстати, в этом кратком отрывке заключена квинтэссенция учения Узнадзе о бессознательном психическом.

Но дело не только в бессознательном как таковом. Клагес принадлежит к числу мыслителей, которые считают, что процесс переживания (Erleben), чувственного непосредственного усмотрения (в терминологии Клагеса — *Schauung*) происходит по большей части бессознательно, без вмешательства «духа», т. е. дискурсивно-логического начала. В философии жизни эта точка зрения была доминирующей. Однако Клагес апеллирует в ряде случаев к «космогоническому эросу», к «космическому ритму» [27; 32] как началам, стоящим за движением пра-образов (*Urbilder*). В дуалистической картине мира Клагеса Логос способен к движению от фактов к существованию, тогда как Жизнь способна — через переживание и непосредственное усмотрение — дойти до Сущности. Дух, отделенный от образной сферы, не способен, полагает Клагес, не только воспринимать что-либо, но и вообще существовать [31, с. 49].

Клагес, несомненно, прав в том, что адекватное функционирование сознания предполагает то, что он называет *leibseelische Einheit* — единство духовного как рационального и душевного как чувственно-образного. Это единство он пытается проследить в сфере выражения (*Ausdruck*). Это понятие также часто используется в различных направлениях философии жизни и базирующейся на ней антропологии [5]. О. Ф. Болльнов даже говорит в этой связи о том, что философии жизни присущ определенный экспрессионистический этос [11, с. 89], и полагает неслучайным совпадением господство экспрессионизма в искусстве и одновременное широкое распространение философии жизни.

Как бы то ни было, для Клагеса проблема «выражения» является очень существенной. И здесь он во многом опередил свое время. Дело даже не в том, что практически все современные исследования невербальной и паравербальной коммуникации осуществляются в антропологическом контексте. Клагес вполне сознательно и последовательно строит то, что он называет «наукой о выражении» (*Wissenschaft vom Ausdruck*). В выразительный слой личности он включает и вербальную и невербальную коммуникацию: почерк (нужно заметить, что Клагес был основателем научной графологии), паравербальную и невербальную коммуникацию, которую он анализирует в контексте учения о характерологии (*Charakterkunde*) [26; 28; 29; 34]. Язык же в концепции Клагеса является не просто средством фиксации чувственных образов — он весь пронизан символикой пространства, времени, верха, низа, атмосферного, акустического, оптического, символикой деятельности и ее результатов. Иными словами, он не «чистый», искусственный и произвольный (*arbitair*), как у его старшего современника Ф. де Соссюра (продолжавшего в этом смысле традицию *thesei*, существовавшую в античности и засвидетельствованную впервые Платоном), но полный жизни знак.

Правда, в соответствии со своей жесткой дихотомией *Geist — Seele* Клагес недialeктически разграничивает значения и понятия. Дихотомия значений и понятий выражена им в следующих парах противопоставлений: 1. Значения первичны, они также древни, как и сам язык. Понятия — арте-

факты, искусственные образования (*Kunsterzeugnisse*), они не старше, чем историческое человечество. Их отсутствие ничего не изменяет в работе языка; 2. Значения могут изменяться, подобно душе, и даже быстрее, чем она. Понятия же должны быть в определенный момент кем-то изобретены, затем они уступают место новым понятиям. Изменяться же они не могут; 3. Понятия, где бы они не встречались, всегда тождественны самим себе, тогда как значение ни в одном предложении не есть одно и то же, даже значения в предложении, воспринятом на слух, не тождественны значениям в предложении прочитанном. Тем не менее, указывает Клагес, понятия рождаются из значений обычных слов — но только в том случае, когда происходит разделение, в конечном счете трагическое, работы сознания на акты понимания (им соответствуют понятия) и эмоционально-волевые акты (которые связаны со значениями).

Для нашей темы важны следующие аспекты интерпретации взаимоотношения языка и сознания в антропологически ориентированной философии жизни Л. Клагеса. То, что он выделяет под именем «переживания», и то, как он его трактует, т. е. как по преимуществу бессознательный или слабо осознаваемый момент в работе психики, действительно представляет собой особый слой в организации ментального. Это тот фон, то основание (от латинского *fundus* и французского *fond*), без которого никакое сознание и мышление существовать не могут. То, что Клагес называет «*Besinnungsvermögen*» и «*Urteilstkraft*» — «способность к осознанию» и «способность суждения», действительно связано с расчленением реальности и образованием понятий и суждений. Сознание как переживание может выражаться с помощью средств языка, но в принципе оно в них не всегда нуждается. То, что в системе Клагеса занимает место «духа», должно рассматриваться прежде всего как механизм выделения инвариантов. В этом качестве дух нуждается в механизмах языка, и это правильно им подмечено. Но как соотносить механизмы иконичности, действительно присущие языку, с рациональностью духа. При жесткой дихотомии *Geist* — *Seele*, которую проводит Клагес, вопрос решения не имеет. Если же рассматривать их в органическом единстве, то решение может выглядеть так: язык содержит иконические механизмы не сам по себе, а в силу того, что он генетически связан с чувственно-эмоциональной сферой. Если эта связь актуальна в языковом сознании социума или индивида, то с помощью языка возможен доступ к чувственным ресурсам психики. Иными словами, иконичность языкового знака оказывается отражением, инобытием иконичности ментальных образов, *Bildseele*. С помощью языка эта иконичность выводится «на поверхность». Аналогично обстоит дело и с выразительностью в иных сферах.

Обобщая, можно повторить тот риторический вопрос, который ставит автор предисловия к одной из посмертно изданных книг Клагеса: «Насколько иррационален Людвиг Клагес?» [18]. Думается, что не больше, чем, например, столь ценимый ныне Макс Шелер с его «незаконченным богом», который должен развиваться вместе с человеком. В противном случае философская антропология Шелера теряет всякий смысл. И не более, чем, например, Ортега-и-Гассет с его тремя видами «Я» — витальным, духовным и душевным, с «геометрией ментального», с трактовкой, например, греческой культуры, как совпадающей с основным потоком космической энергии [44; 45]. Не более иррационален (а может быть, и менее), чем все русское

всеединство и весь русский космизм. Этот ряд можно было бы продолжить. Что же касается тех предикатов, которые мы находим в работах Г. Лукача и А. С. Богомолова, то нужно сказать, что столь легковесное наклеивание ярлыков вместо критической аргументации недостойно мыслителя такого уровня, как Лукач (Богомолов просто следовал за ним). Сейчас пришло время окончательно отказаться от подобной практики и попытаться максимально адекватно понять интеллектуальную историю Европы — во всех ее истоках и переплетениях.

Библиографический список

1. *Богомолов А. С.* Философия жизни в Германии // Современная буржуазная философия / Под ред. А. С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского. М., 1972.
2. *Богомолов А. С.* «Философия жизни» в Германии // Буржуазная философия кануна и начала империализма / Под ред. А. С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского. М., 1977.
3. *Брюнинг В.* Философская антропология: Исторические предпосылки и современное состояние // Западная философия: Итоги тысячелетия / Под ред. А. В. Перцева. Екатеринбург; Бишкек, 1997.
4. *Гуревич П. С.* Философская антропология: опыт систематики // Вопр. философии. 1995. № 8.
5. *Дильтей В.* Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории: Пер. с нем. М., 2000.
6. *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М., 1966.
7. *Хюбшер А.* Людвиг Клагес // Хюбшер А. Мыслители нашего времени. М., 1994
8. *Шелер М.* Положение человека в Космосе // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.
9. *Arndt M.* Klages Ludwig // Biographisch-bibliographisches Kirchenlexikon. <http://www.bautz.de/bbkl/k/Klages.html>
10. *Bloch E.* Das Prinzip Hoffnung: Kap. 1—37. Frankfurt am Main, 1959.
11. *Bollnow O. F.* Die Lebensphilosophie. Bonn, 1988.
12. *Breuer St.* Das Unbewusste in Kilchberg: Thomas Mann und Ludwig Klages // Das Unbewusste in Zürich. Zürich, 2000.
13. *Cartney J. C.* The biocentric metaphysics of Ludwig Klages. Cosmogonic reflections. Aphorisms. Man and earth. Soul and spirit. Consciousness and life. http://www.revilo-oliver.com/Writers/Ludwig_Klages.html
14. *Carus C.* Psyche: Zur Entwicklungsgeschichte der Seele. Bd. 1, 2. Leipzig, o.J.
15. *Dewey J.* Die menschliche Natur. Stuttgart, 1931.
16. *Eugster K.* Anthropozentrisches und nichtanthropozentrisches Weltbild — Versuche zu Begründungen // Hestia: Jahrbuch der Klages-Gesellschaft. 1990/1991.
17. *Faber R.* Männerrunde mit Gräfin: Die «Kosmiker» Derleth, George, Klages, Schuler, Wolfskehl und Franziska von Reventlow. Frankfurt am Main, 1994.
18. *Friedrich H.* Wie irrational ist Ludwig Klages? // Klages L. Ausdrucksbewegung und Gestaltungskraft. München, 1968.
19. *Grossheim M.* Ökologie oder Technokratie?: Der Konservatismus in der Moderne. Berlin, 1995.
20. *Grossheim M.* «Die namenlose Dummheit, die das Resultat des Fortschritts ist» — Lebensphilosophie und dialektische Kritik der Moderne // Logos: Zeitschrift für systematische Philosophie. Neue Folge. 1996. Bd. 3. Heft 2.
21. *Grzimek B.* Ludwig Klages: Mensch und Erde — Ein Denkanstoss: Vorwort // Klages L. Mensch und Erde. Bonn, 1980 (2-е изд. — 1990).

22. Honneth A. Klages Ludwig // Encyclopédie philosophique universelle. Part 3: Les œuvres philosophiques: Dictionnaire. T. 2. Paris, 1992.
23. Kasdorf H. Ludwig Klages: Werk und Wirkung. Bonn, 1969.
24. Klages L. Mensch und Erde. Leipzig, 1913.
25. Klages L. Vom Wesen des Bewusstseins: Aus einer lebenswissenschaftlichen Vorlesung. Leipzig, 1921.
26. Klages L. Ausdrucksbewegung und Gestaltungskraft: Grundlegung der Wissenschaft vom Ausdruck. Zweite wesentlich erweiterte Aufl. Leipzig, 1921.
27. Klages L. Vom kosmogonischen Eros. Leipzig, 1922.
28. Klages L. Grundlagen der Charakterkunde. Leipzig, 1926.
29. Klages L. Zur Ausdrucklehre und Charakterkunde: Gesammelte Abhandlungen. Heidelberg, 1927.
30. Klages L. Geist und Leben. Berlin, 1935.
31. Klages L. Der Mensch und das Leben. Jena, 1937.
32. Klages L. Vom Wesen des Rhythmus. Zürich, 1944.
33. Klages L. Rhythmen und Runen: Nachlass 1889—1915. Leipzig, 1944.
34. Klages L. Die Sprache als Quell der Seelenkunde. Zürich, 1948.
35. Klages L. Der Geist als Widersacher der Seele: Erstes bis viertes Buch // Klages L. Sämtliche Werke. Bd. 1: Philosophie I / Hrsg. E. von Frauchinger, G. Funke et al. Bonn, 1969.
36. Klages L. Der Geist als Widersacher der Seele: Erstes bis viertes Buch // Klages L. Sämtliche Werke. Bd. 2: Philosophie II / Hrsg. E. von Frauchinger, G. Funke et al. Bonn, 1966.
37. Klages L. Ausdrucksbewegung und Gestaltungskraft. München, 1968.
38. Kronawetter K.-H. Die Vergöttlichung des Irdischen: Die ökologische Lebensphilosophie im Diskurs mit der christlichen Theologie. Bonn, 1999.
39. Landmann M. Creatura creatrix: Ursprünge und Zielsetzungen der philosophischen Anthropologie. Berlin, 1962.
40. Landmann M. Was ist Philosophie? Bonn, 1977.
41. Lukács G. Die Zerstörung der Vernunft // Lukács G. Werke. Bd. 9. Berlin, 1962.
42. Müller R. Zu Ludwig Klages: Die Entwicklung seiner Ideen und Werke. http://www.muellerscience.com/SPEZIALITAETEN/Philosophie/Klages_Entwicklung.html
43. Müller R. Tiefe des Erlebens und metaphysische Einsicht: (Zur Philosophie von Ludwig Klages) // Ibid.
44. Ortega y Gasset J. Vitalidad, alma, espíritu // Ortega y Gasset J. Obras completas. T. 2. Madrid, 1963.
45. Ortega y Gasset J. Sobre la expresión, fenómeno cósmico // Ibid.
46. Palagyi M. Naturphilosophische Vorlesungen: Über die Grundprobleme des Bewusstseins und des Lebens. 2. Aufl. Leipzig, 1925.
47. Preusser H.-P. Logozentrismus und Sinn: Indikatoren eines Paradigmenwechsels: Ludwig Klages — Jacques Derrida — George Steiner // Weimarer Beiträge: Zeitschrift für Literaturwissenschaft, Ästhetik und Kulturwissenschaften. 1999. Bd. 45. Heft 2.
48. Renoso W., Moreno S., Sánchez A. El pensamiento de Ludwig Klages en la ciencia contemporánea. Trujillo (Perú), 1976.
49. Rüden P. von. Mensch und Erde: Ludwig Klages Grußwort an den «Freideutschen Jugendtag». 1913. http://www.oekozentrum.org/home/peter_von_rueden/texte/klages.html
50. Schade H.-L., Simon St. Ludwig Klages. <http://www.ikg.rt.bw.schule.de/virkla/names/schuels/simon/swphlukl.html>
51. Schneider T. Der Philosoph Ludwig Klages und der Nationalsozialismus // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2001. № 2.

52. *Schröder H. E.* Ludwig Klages: Die Geschichte seines Lebens. Teil 2: Das Werk. Bonn, 1972.
53. *Schröder H. E.* Schiller — Nietzsche — Klages. Bonn, 1974.
54. *Schuler A.* Fragmente und Vorträge: Aus dem Nachlass: Mit Einführung von L. Klages. Leipzig, 1940.
55. *Seidel A.* Das Bewusstsein als Verhängnis. Berlin, 1927.
56. *Tenigl F.* Ludwig Klageses Begründung der Wissenschaft von Ausdruck // Zeitschrift für Menschenkunde. 1983. Bd. 47.
57. *Tenigl F.* Klages Ludwig // Philosophielexikon. Stuttgart, 1995. http://www.klages.ch/bio_klages.html
58. *Wolf Th. R.* Vom Verhängnis zum Verhältnis: Klages, Heidegger und die technologische Postmoderne // Hestia: Jahrbuch der Klages-Gesellschaft. 2000/2001.
59. *Zusne L.* Klages Ludwig // Zusne L. Biographical dictionary of psychology. 2. Ed. Westport (Connect.), 1984.

ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ОДИНОЧЕСТВА

Рассматриваются психологические корреляты одиночества, обсуждается связь одиночества с особенностями мотивационной и коммуникативной сферы личности.

Psychological correlate of loneliness are being discussed and also the connection between the loneliness and the peculiarities of motivation and communication of personality.

Проблема одиночества в современной науке имеет междисциплинарный характер. Одиночество является объектом изучения философии, социологии, психологии, рассматривающих специфические аспекты этого сложного, многогранного социально-психологического феномена.

В психологии проблема одиночества получила достаточно полную и глубокую разработку, о чем свидетельствует разнообразие теоретических подходов к изучению данного феномена (начиная с психоаналитического и кончая когнитивным), широко представленных в соответствующей литературе [2]. Множество подходов, с одной стороны, обуславливает более детальный анализ исходной проблемы, прежде всего на теоретическом уровне, с другой — несколько затрудняет обобщение и систематизацию накопленного материала и создание общей концепции одиночества. При этом следует отметить, что уровень теоретического анализа данной проблемы несколько опережает уровень экспериментальных исследований, постулируемые теоретические положения далеко не всегда имеют под собой достаточные фактические основания, что определяет важность и актуальность эмпирических исследований в этой области.

Одиночество — это прежде всего специфическая форма самосознания, обусловленная расколом основной сети отношений и связей личности с реальным миром [2]. В общей классификации типов одиночества особое место занимает так называемое психологическое одиночество, обусловленное дефицитом доверительных, близких межличностных отношений. По мнению В. Н. Куницыной, такое одиночество отражает не столько разрыв реальных социальных связей, сколько тягостное, мучительное переживание субъективной отъединенности, неудовлетворительности и поверхностности сложившихся взаимоотношений и предполагает наличие специфического синдрома личностных свойств, который затрудняет общение, препятствует становлению полноценных межличностных контактов, формирует особый тип самовосприятия [1]. В связи с этим особый интерес для психолога представляют личностные аспекты одиночества, изучению которых и было посвящено наше исследование.

В данной работе отражены результаты эмпирического исследования личностных аспектов одиночества, в ходе которого индивидуальные показатели одиночества (у 60 испытуемых) сопоставлялись с особенностями мотивационной, эмоционально-коммуникативной сферы личности и интегральными

показателями личностной зрелости. Для диагностики исследуемых характеристик были использованы следующие методики: шкала измерения одиночества Д. Рассела, методика диагностики базовых потребностей Л. А. Верещагиной, методика измерения мотива аффилиации А. Мехрабиана, «Ценностные ориентации» Е. Б. Фанталовой, «Оценка эмпатических способностей» И. М. Юсупова, опросник УСК Роттера, опросник Басса — Дарки и тест-опросник самоотношения Столина — Пантилеева.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии тесной взаимосвязи между уровнем одиночества и отдельными характеристиками личности, являющимися как возможными психологическими детерминантами одиночества, так и его феноменологическими проявлениями.

Мотивационная сфера личности в данном исследовании представлена исходными базовыми потребностями, соответствующими иерархической модели А. Маслоу, мотивом аффилиации и традиционным набором ценностных ориентаций.

Ценностные ориентации являются центральным элементом и своеобразным стрержнем мотивационной сферы личности. В своем исследовании мы исходили из предположения, что одиночество трансформирует систему ценностных ориентаций, придавая ей компенсаторный характер. Полученные результаты отражают наличие достаточно тесных связей между одиночеством и ценностными ориентациями. Из 18 ценностей, сопоставленных с показателем одиночества, 9 обнаружили с ним связь, причем в двух случаях эта связь статистически значима, в остальных — близка к значимой. Статистически значимая обратная связь установлена между уровнем одиночества и такой ценностью, как активная общественная жизнь; близкая к значимой аналогичная связь отмечена с ориентацией на высокий социальный статус. Прямая статистически значимая связь наблюдается между показателем одиночества и эстетическими ценностями (поиск и наслаждение прекрасным), близкая к значимой прямая связь обнаружена со следующими ценностными ориентациями: получение хорошего образования, полная самореализация, интересная работа, любовь к близким людям. Таким образом, с усилением чувства одиночества активизируется ориентация на получение хорошего образования, интересную работу, повышается значимость эстетических ценностей и любви к близким, но при этом резко снижается ценность высокого социального статуса и общественной активности.

Отмеченные выше обратные связи между одиночеством и ценностными ориентациями, по-видимому, имеют двусторонний характер. С одной стороны, специфическая система ценностей может приводить к возникновению и усилению чувства одиночества, с другой — одиночество может трансформировать систему ценностей. Так, ориентация на активную, деятельную жизнь, стремление к высокой социальной активности при ее реализации, естественно, блокируют чувство одиночества, в то же время одиночество способно блокировать потребность в активной общественной жизни и снижать ее ценность для личности. Ориентация на высокий социальный статус по смысловому содержанию пересекается с ориентацией на активную деятельную жизнь, ибо высокий статус предполагает и достаточно высокий уровень общественной активности, следовательно, имеет аналогичную интерпретацию. Не случайно обе ценности обнаружили обратную связь с уровнем одиночества. Таким образом, одиночество блокирует ориентацию на определен-

ные ценности, и, наоборот, ослабление или игнорирование тех же ценностей обуславливает относительный дефицит реального общения и провоцирует усиленное чувство одиночества.

Одиночество трансформирует систему ценностных ориентаций личности и придает ей компенсаторный характер. Тетрада прямых связей показателя одиночества с ориентацией на самореализацию, интересную работу, любовь к близким людям и наслаждение прекрасным может быть понята именно с этих позиций. Дефицит полноценного реального межличностного общения компенсируется стремлением к самореализации через интересную работу, а также ориентацией на эстетические ценности и любовь к близким людям.

Специфика мотивационной сферы одинокой личности определяется не только содержанием ценностных ориентаций, но и иерархией базовых потребностей. Согласно теории А. Маслоу [3], основные потребности личности образуют иерархическую структуру с определенным порядком актуализации. Первую группу потребностей, находящихся внизу условной пирамиды, представляют физиологические потребности, обеспечивающие выживание человека. Второй уровень соответствует потребности в безопасности и стабильности. Третий уровень составляют потребности в социальных связях. На четвертом уровне находится потребность в признании и уважении. Вершина иерархической пирамиды — пятый уровень — принадлежит потребности в самореализации. Согласно полученным в ходе исследований результатам, одиночество имеет тесную связь только с потребностями более высокого уровня — потребностью в самоактуализации и потребностью в признании: с усилением чувства одиночества повышается потребность в самоактуализации и снижается потребность в признании.

Одной из непосредственных психологических детерминант личностного одиночества является степень удовлетворения мотива аффилиации, имеющего прямое отношение к сфере общения. Структурные составляющие мотива аффилиации показали противоположные связи с одиночеством: с усилением одиночества снижается стремление к принятию (контакту) и резко повышается страх отвержения, что, по-видимому, становится главным барьером активизации общения.

Своеобразным барьером становления нормальных, гармоничных отношений и катализатором одиночества, помимо страха отвержения, является относительно низкий уровень эмпатии в сочетании с высоким уровнем агрессивности. Из 10 показателей агрессивности большинство обнаружили тесную прямую связь с уровнем одиночества, исключение составили открытые формы проявления агрессии — физическая агрессия и негативизм. В целом с усилением чувства одиночества происходит повышение агрессивности и враждебности как своеобразной комбинации подозрительности и обидчивости.

На наш взгляд, связь между уровнем одиночества и агрессивностью личности не случайна и имеет двусторонний характер. Высокий уровень агрессивности одинокой личности хорошо объясняется с позиции фрустрационной теории агрессии, согласно которой агрессия есть следствие фрустрации, то есть блокады значимой потребности, в данном случае это потребность в общении и гармоничных межличностных отношениях. Именно поэтому агрессивность может рассматриваться как одно из возможных последствий одиночества. Однако высокий уровень агрессивности может стать причиной одиночества, ибо агрессивность, независимо от формы проявления,

дестабилизирует межличностные отношения, разрушая их, приводит к сужению круга реального общения, что может способствовать как возникновению, так и усилению чувства одиночества. В этом смысле связь между одиночеством и агрессивностью представляется вполне закономерной. Вероятно, среди существующих типов одинокой личности имеет место и агрессивно-враждебная личность.

Потенциальными психологическим детерминантами одиночества, кроме отмеченных выше коммуникативных качеств, являются и более сложные интегральные характеристики личности — самооценка и интернальность, относящиеся в персонологии к индикаторам психической зрелости. При сопоставлении этих характеристик с показателем одиночества между ними установлена статистически значимая обратная связь: усиление одиночества сочетается со снижением как самооценки, так и интернальности, то есть внутреннего локуса контроля над значимыми событиями, иначе, ответственности.

Обнаруженная в нашем исследовании однозначная обратная связь между уровнем одиночества и всеми параметрами самоотношения соответствует известным литературным данным и теоретическим представлениям о психологической природе одиночества, согласно которым одной из важнейших личностных детерминант одиночества выступает низкая самооценка [2], что получило убедительное экспериментальное подтверждение в результате исследования. Как указывается в соответствующей литературе, взаимосвязь между одиночеством и низкой самооценкой определяется тем, что низкая самооценка в сочетании с замкнутостью и коммуникативной некомпетентностью сужает круг общения и усиливает чувство одиночества, а сам факт одиночества содержит в себе признак социальной несостоятельности и тем самым способствует снижению самооценки.

Итак, можно считать, что одиночество определяется относительно низким уровнем психической зрелости, проявляющимся в негативном самоотношении и в ослаблении интернальности, следовательно, возможными психологическим детерминантами одиночества являются экстернальность и низкий уровень самопрятия.

Обобщение полученных результатов позволяет сделать следующий вывод: одиночество, с одной стороны, обусловлено специфическим комплексом личностных качеств, с другой — определяет своеобразные метаморфозы личности, трансформируя мотивационную сферу и систему ценностей и оказывая непосредственное влияние на эмоциональную и коммуникативную сферы.

Полидетерминизм этого сложного социально-психологического явления определяет неоднозначность его конкретных проявлений. Более глубокое полномасштабное изучение личностных детерминант и феноменологии одиночества — необходимая основа для создания эмпирически обоснованной классификации или типологии одинокой личности, ибо одиночество столь же многолико, сколь сложна и индивидуально-своеобразна сама личность.

Библиографический список

1. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погорьша В. М. Межличностное общение. СПб., 2001.
2. Лабиринты одиночества / Под ред. Н. Е. Покровского. М., 1989.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.

Н. В. Попель, Е. В. Вергазова

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ ЛЮДЕЙ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Рассматриваются особенности самооценки людей пожилого возраста как основного компонента Я-концепции, процессы, поддерживающие стабильность самооценки и защиту Я-концепции личности от разрушения

The peculiarities of senior citizens' self-appraisal are viewed as the main component of «Ego» conception. The processes ensuring the stability of self-appraisal and ego-defense against destruction are also dealt with.

Одним из процессов, оказывающих значительное влияние на функционирование и развитие общества и человечества в целом и во многом определяющих состояние и потенциал социума, является так называемое «старение» («постарение») населения, происходящее в большинстве развитых стран мира и требующее от науки и практики принятия адекватных мер по всестороннему изучению этого процесса. Под старением населения понимают постепенное увеличение доли граждан пожилого и старческого возраста в составе населения. В России периода экономических реформ этот процесс протекает ускоренными темпами и в силу своей интенсивности является одним из важнейших факторов, влияющих на темпы и качество социальных и экономических преобразований, а также на условия жизнедеятельности общества в настоящем и будущем.

Старение населения — чрезвычайно сложный процесс, ставящий перед обществом комплекс важных проблем. Это проблема личности, нравственности, преемственности поколений и т. п.

Особенности личности в пожилом возрасте нашли свое отражение в работах таких видных ученых, как Э. Эриксон, С. Холл, Д. И. Фельдштейн, Б. Г. Ананьев, И. И. Мечников, Г. С. Абрамова, О. Н. Молчанова и другие. Однако в целом в настоящее время психология пожилого возраста разработана недостаточно (в психологии развития 90 % занимает психология детей). Между тем, как уже указывалось выше, этот период — значимый этап онтогенеза человека, и без его обстоятельного исследования невозможно построение концепции психического развития и, соответственно, формирование образа «позитивного старения».

По данным некоторых авторов, старение сопровождается нарастанием инволюционных процессов и негативных личностных характеристик [5]. Так, в личности стареющего человека обнаруживаются изменения: появляется или усиливается тревожность, ригидность, упрямство, догматизм, депрессивность, обидчивость, мнительность, раздражительность, нетерпимость и др. Новая внешняя ситуация и изменения в самих себе могут привести людей старческого возраста к потере личностной идентичности, к обесцениванию своей жизни и своего Я, к переживанию состояний психического угнетения.

Однако современная наука стремится опровергнуть прежние взгляды на старость как на простую инволюцию, период потерь и угасания. Так, Б. Г. Ананьев отмечал, что наряду с инволюционными процессами существуют и конструктивные процессы развития, то есть своеобразные процессы восстановления нарушаемых геронтогенезом функциональных уровней [1], а Л. И. Анциферова утверждает, что нужно четко различать физическое и личностно-психологическое старение человека. Теряя физические силы, индивид может сохранить способность прогрессивно развиваться как личность [2].

Многие современные авторы пытаются доказать, что старение не является однородным, одинаковым для всех процессом: выделяются различные типы старения, отличающиеся друг от друга уровнем активности, стратегиями совладания с трудностями жизни, отношением к миру и к себе, среди которых есть «пассивные», связанные с сосредоточением интересов пожилых людей на себе, с признаками социально-психологической дезадаптации, а также «активные», «конструктивные», обусловленные творческим характером жизни, обретением нового содержания или попыткой сохранить привычный стиль и образ жизни, ее смысл и ценности [5].

Таким образом, процесс старения крайне индивидуален в проявлении его признаков и свойств. Как отмечает М. В. Ермолаева, индивидуальные различия в проявлении признаков старения, нарастающие в этот период становятся ключевым моментом в понимании вопроса об отношении человека к самому себе, к своей жизни, к окружающим на позднем этапе жизни [2].

В современной геронтологии все более утверждается точка зрения, согласно которой процесс старения представляет собой продолжающееся становление человека, включающее многие приспособительные и компенсаторные механизмы. Подобное мнение существует и в отношении изменения личностных особенностей человека, в частности Я-концепции.

Имеющиеся работы содержат весьма противоречивые сведения по поводу особенностей Я-концепции в позднем возрасте. В одних высказывается мнение о том, что с возрастом Я-концепция становится все более негативной, самооценка снижается, растет число людей, не удовлетворенных своей жизнью; в других описывается более позитивный образ Я у пожилых людей, склонность выделять у себя меньше недостатков и в целом более высокое самоодобрение, чем у молодых.

По мнению О. Н. Молчановой, такая разновидность факторов об особенностях Я-концепции в старости может быть обусловлена реальным, внутренне противоречивым характером психологического старения, который находит свое отражение, в частности, в Я-концепции человека, обуславливая ее качественное своеобразие и разнонаправленные тенденции [3]. Данным автором было показано, что с возрастом наряду с общим снижением ценности Я и отдельных его аспектов проявляется и другая тенденция, названная автором психологическим витайктом, которая представляет собой процессы, стабилизирующие деятельность субъекта, компенсирующие нарастание негативных характеристик, уберегающие систему Я от разрушения.

Как известно, самооценка выделяется многими авторами в качестве ключевого компонента Я-концепции, поэтому основные исследования в отношении Я-концепции направлены, как правило, на изучение самооценки и самоотношения. Особую важность представляет вопрос о векторе изменений

самооценки, так как он указывает на специфику регуляции поведения в период старости. В целом, результаты исследования, проведенного О. Н. Молчановой, показывают, что с возрастом реальная самооценка имеет тенденцию к снижению. Негативное оценивание себя в позднем возрасте, по мнению автора, обусловлено фактом представленности в самооценке реального бытия личности, актуальных обстоятельств ее жизни. В частности, падение высоты самооценки здоровья отражает действительное ухудшение соматического состояния, самочувствия, общего тонуса.

Говоря об особенностях самооценки в старости, О. Н. Молчанова особо выделяет ее ретроспективную направленность. Так, описывая себя, пожилые люди чаще упоминают о том, какими они были, какой статус имели, какое положение занимали и т. п. Таким образом, обращенность пожилого человека в прошлое приобретает для него большую значимость, чем будущее и даже чем настоящее. Утверждение значимости своей прошедшей жизни, себя в ней, оценка себя за прошлые заслуги, достижения, статус и прочее позволяют в какой-то степени компенсировать осознаваемые негативные изменения.

Итак, как показывает анализ литературы, в позднем возрасте наряду с общим снижением уровневых характеристик самооценки нарастают факторы компенсации, способствующие длительному поддержанию стабильности Я-концепции. К таким факторам относятся:

— наличие у пожилых людей высоких позиций реальной самооценки по ряду параметров;

- фиксация на позитивных чертах своего характера;
- снижение идеальной самооценки и ее сближение с реальной;
- относительно высокий уровень самоотношения;
- ориентация на жизнь детей и внуков;
- ретроспективный характер самооценки.

Таким образом, эффективно работающие системы как защитного, так и активного приспособления позволяют индивиду удерживать собственную Я-концепцию на приемлемом для него уровне, однако их действие зависит от индивидуальных особенностей человека, общего стиля жизнедеятельности, а также истории его жизни.

Проблему самооценки в пожилом возрасте вряд ли можно назвать изученной до конца, она всегда была и остается объектом пристального внимания исследователей наряду со всей совокупностью проблем психологии старения. Поэтому целью настоящего исследования явилось изучение особенностей самооценки людей в средней и поздней взрослости и в пожилом возрасте. Исследование проводилось совместно с сотрудниками геронтологического центра, который был открыт в Ивановской области в 2004 году на базе больницы № 2 г. Иванова.

Выборку составили люди в возрасте от 45 до 85 лет. По данному критерию было сформировано 3 группы испытуемых: 1) от 45 до 55 лет, 2) от 56 до 66 лет, 3) от 67 лет и выше. Возрастной диапазон испытуемых определялся в соответствии с возрастной периодизацией о средней взрослости, поздней взрослости и пожилом возрасте [4]. Первую группу составили работающие, то есть испытуемые, не являющиеся пенсионерами, вторую — люди предпенсионного возраста, третью — неработающие пенсионеры.

В ходе исследования применялись следующие конкретные методики:

1) методика Е. Б. Танталова «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах», в которой использованы терминальные ценности, выделенные М. Рокичем;

2) «Самооценка тревожности, фрустрированности, агрессивности и ригидности» (опросник Айзенка);

3) методика Дембо — Рубинштейна для изучения уровня самооценки и уровня притязаний личности.

Для определения уровня соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах использовалась методика Е. Б. Танталова.

Наибольшая разность между ценностью и доступностью обнаружена у 33 % испытуемых в первой группе, у 37 % — во второй и у 23 % — в третьей.

Как показывают приведенные результаты исследования, наибольшее количество испытуемых, имеющих наибольшую разность между ценностью и доступностью, являются представителями 2-й группы, что может свидетельствовать о наличии у них внутреннего конфликта, связанного, возможно, с тем, что многие из них еще не решили, чем будут заниматься после выхода на пенсию.

С помощью методики «Самооценка тревожности, фрустрированности и агрессивности» изучалась эмоциональная сфера личности. Результаты исследования показали, что с возрастом показатель тревожности растет, и, соответственно, большинство испытуемых, имеющих высокий уровень тревожности, являются представителями третьей группы (47 %). Что касается фрустрированности и агрессивности, наиболее высокий их уровень имеют испытуемые предпенсионного возраста. Очевидно, это объясняется тем, что многие из них во время проведения исследования стояли перед выбором, продолжать работу или уйти на заслуженный отдых, причем некоторые хотели бы продолжить работу, так как видят в ней смысл своей жизни, но переживают, что не смогут этого сделать: «...работодателю нужны молодые работники, более умные, энергичные и решительные». Другие же, наоборот, хотели бы уйти на заслуженный отдых, пожить «для себя», но у них нет такой возможности, так как они считают, что не смогут обеспечить себе достойное материальное положение.

Методика Дембо — Рубинштейна предназначалась для исследования самооценки и уровня притязаний личности. Испытуемым предлагалось на вертикальных линиях отметить определенными знаками уровень развития таких своих качеств, как здоровье, ум, характер, счастье, общая оценка себя, участие в труде, полезность людям, духовные интересы и отношения с людьми (показатель самооценки), и их желаемый уровень (уровень притязаний).

Результаты исследования показали, что с возрастом происходит снижение уровня самооценки и уровня притязаний, и, соответственно, наибольшие уровни самооценки и притязаний имеют представители возраста средней зрелости.

Если рассмотреть результаты исследования средних самооценок пожилых людей по каждой шкале данной методики, то можно видеть, что наиболее низкая оценка в данном случае обнаруживается у испытуемых по шка-

ле «здоровье». Это отражает реальное ухудшение соматического состояния, вызванное наличием различных заболеваний.

Наиболее высокие самооценки обнаруживаются по шкале «участие в труде». Наряду с общим ухудшением здоровья (как объективным, так и субъективным) и отходом от активной производительной жизни общества (выходом на пенсию) данное обстоятельство позволяет сделать выводы о снижении критичности в оценке себя и своих возможностей пожилыми испытуемыми.

Следует отметить также, что высокие самооценки в данной группе обнаруживаются по шкале «духовные интересы». Однако здесь не прослеживается достоверных различий между испытуемыми группами. Вероятно, уровень духовных интересов — это признак индивидуального познавательного развития каждого человека. В то же время по шкале «полезность людям» обнаруживаются более низкие оценки. При этом преобладают высказывания типа: «Какая от меня польза, о себе только забочусь». Относительно низкие оценки наблюдаются у испытуемых в самооценке собственного счастья. Пояснения данной характеристики зачастую носят ретроспективный характер. Счастье оценивается, как правило, относительно имевшихся ранее благ: статуса, положения, семьи. Например, в процессе беседы часто звучали высказывания: «Вот с мужем я была счастлива», «Раньше я работала и друзей было много» и т. п.

Таким образом, из графического профиля можно видеть, что самооценка пожилых людей по одним шкалам существенно понижается, по другим — заметно повышается, что в целом может свидетельствовать о наличии механизмов психологического витаукта.

На основе анализа результатов исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Сопутствующие возрасту изменения оказывают существенное влияние на самооценку человека.

2. В самооценке пожилых отражаются общий спад активности, усиление состояния тревожности и беспокойства, а также отход от активного взаимодействия с окружающими в связи с выходом на пенсию и общением в основном с родственниками.

3. Самооценка пожилых людей имеет общую тенденцию к снижению, при этом наблюдается снижение критичности в оценке некоторых качеств личности.

4. В отношении некоторых качеств личности самооценка пожилых людей носит ретроспективный характер.

5. В пожилом возрасте наблюдается расхождение между реальной и идеальной самооценкой.

6. При наблюдаемом снижении самооценки по одним показателям (главным образом физического порядка) обнаруживается некоторое повышение самооценки по другим показателям (социального порядка).

Таким образом, наше исследование подтверждает существование в пожилом возрасте механизмов психологического витаукта, стабилизирующего самооценку личности.

Библиографический список

1. *Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды: В 2 т. М., 1980.
2. *Ермолаева М. В.* Структура эмоциональных переживаний в старости // Мир психологии. 1999. № 2.
3. *Молчанова О. Н.* Специфика Я-концепции в позднем возрасте и проблема психологического вिताукта // Журн. психологии зрелости и старения. 1997. № 1.
4. *Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н.* Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека. М., 2004.
5. Лабиринты одиночества: Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М., 1989.

В. И. Назаров, Л. В. Куклина, А. А. Жигалин, И. М. Рычагов

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Рассматриваются основные подходы к оценке качества дистанционного образования, сложившиеся к настоящему времени. Предлагается система субъективных и объективных критериев, которые могут стать основой для разработки мониторинга качества дистанционного образования в условиях высшей школы

In article are considered the basic approaches to an estimation of quality of the distance learning, developed to the present time. Also offered the system of subjective and objective criteria which can become a basis for engineering the system of monitoring quality of distance learning at the higher school.

Высокая конкуренция на рынке труда различных образовательных учреждений и программ способствует развитию теорий и технологий оценки их качества. Особое внимание этому вопросу уделяется в условиях дистанционного обучения, так как в этом случае деятельность учащегося наименее подконтрольна преподавателю и традиционные формы контроля оказываются неэффективными для ее оценки.

Поэтому целесообразно уже на этапе проектирования модели дистанционного обучения выделить те ключевые моменты, степень развития которых и позволит сформировать представление о показателях его качества.

В рамках данного исследования будем различать понятия эффективности образовательного процесса и качества образования. Согласимся с В. П. Симоновым, который дает им такую характеристику: «Хорошо известное и широко применяемое понятие “эффективность” как раз относится к тому, что характеризует процесс, а понятие “качество” — это то, что характеризует результат. Таким образом, необходимо отличать критерии и показатели эффективности от критериев и показателей результата (качества) определенного вида деятельности» [8, с. 26].

Выделим несколько групп факторов, характеризующих эффективность образовательного процесса, реализуемого с применением дистанционных технологий. Данная технология вносит изменения в каждый из этапов учебной деятельности, что, безусловно, должно быть учтено при выборе критериев эффективности ее оценки.

Первая группа факторов, с нашей точки зрения, может быть обозначена как ценностно-ориентационная.

В условиях дистанционного обучения значительное место должно быть уделено целеполаганию и формулированию обучаемым собственных целей, так как именно личностная значимость изучаемого материала является одним из ведущих мотивов обучения. Организация и проведение собственной контрольно-оценочной деятельности обучающимся, формулирующим в начале обучения свои цели, а также анализ степени их достижения и динамики изменения в дальнейшем обеспечивают процесс его становления в качестве полноцен-

ного субъекта учебной деятельности. В этом случае возникают особые требования к предъявлению содержания учебного курса. Поэтому вторая группа факторов условно может быть обозначена как предметно-содержательная.

В. П. Зинченко в книге «Психологические основы педагогики» выделяет отличия информации от знания, отмечая, что «граница между знанием и информацией пролегает именно по линии смысла... Знания имеют ценность *per se*, а информация, в лучшем случае, это средство, которое может иметь цену, но не ценность. Знания не имеют цены, они имеют жизненный и личностный смысл» [2, с. 37].

Рассмотрение дистанционного образования как одной из разновидностей заочной формы обучения часто приводит к тому, что содержание электронного учебного пособия так и остается для обучаемого на уровне информации. Этому способствует и то, что образовательная среда в условиях дистанционного образования является виртуальной, а степень воздействия ее на обучаемого зависит от целого ряда факторов, способствующих возникновению эффекта погружения. Данная особенность позволяет сформулировать еще одно требование к предъявлению содержания учебной дисциплины в условиях дистанционного обучения. Оно связано с необходимостью создания в структуре учебного курса ситуаций, моделирующих профессиональную деятельность, на что обращали внимание по отношению к традиционному обучению будущих педагогов Г. С. Сухобская и Ю. Н. Кулюткин (см.: [4, с. 69—70]). Эти ситуации могут быть разного типа — от стандартных до проблемных, требующих принятия решений в условиях с высокой степенью неопределенности. Именно такие ситуации особенно необходимы в процессе дистанционного обучения, так как являются реальным инструментом, позволяющим пользователю, потребляющему информацию, перейти на позицию субъекта, порождающего знание.

Кроме того, дистанционное обучение не должно полностью исключать диалоговых форм взаимодействия обучаемого с преподавателями и виртуальной группой, создавая эффект изоляции. Следует согласиться с мнением О. А. Медведевой и О. А. Суловой, что сетевая модель — это модель отношений, в которой главным и определяющим является умение каждого выстраивать диалогическое взаимодействие с другими субъектами обучения [6].

Дистанционное образование особенно чувствительно к тому, что сегодня часто называют образовательной средой вуза. Студент независимо от формы обучения должен чувствовать себя органической частью этой среды, т. е. у него должно возникнуть состояние присутствия в этой среде. Поэтому крайне важно на этапе обучения информировать его о различных сторонах жизни вуза, предоставляя возможность участия в событиях и мероприятиях. Особые функциональные возможности в связи с этим имеет сайт учебного заведения, отражающий все стороны его жизни.

Проектируя систему оценки качества дистанционного образования, с нашей точки зрения, необходимо учитывать следующие теоретические положения.

1. Качество образования может рассматриваться как социальная категория, детерминирующая состояние и результативность процесса образования в обществе, его соответствие потребностям и ожиданиям общества (различных социальных групп) в развитии и формировании гражданских, бытовых и профессиональных компетенций личности. Поэтому одним из критериев качест-

ва обучения является повышение профессиональной (профессионально-педагогической) компетентности специалиста.

2. Определимся, что будем понимать под показателем, а что под критерием. Первый — это одна из характеристик процесса, объекта или явления, выражающая количественно или качественно какую-либо из сторон его состояния. Показатель служит, как правило, одной из составляющих определенного критерия. Совокупность показателей позволяет определить степень соответствия чего-либо конкретному критерию. Таким образом, «критерий — это обобщенная характеристика состояния объекта или результативная характеристика какого-либо процесса» [7, с. 27].

3. Выявим соотношение понятий «качество обучения» и «качество образования». Вслед за А. Н. Майоровым будем считать, что качество образования — это «степень удовлетворения ожиданий различных участников процесса образования от предоставляемых образовательным учреждением услуг» или «степень достижения поставленных в образовании целей и задач» [5, с. 101]. Данное определение является достаточно общим. «Качество обучения» — составляющая понятия «качество образования», отражающая непосредственный результат педагогического процесса [1, с. 70].

4. Проектируя возможные показатели качества обучения, будем опираться на теорию «мягких» и «жестких» систем. Размышляя о «жестких» и «мягких» системах, В. А. Тестов отмечает, что «“жесткая” технология всегда предполагает соответствие результата и цели, творчество же, наоборот, отличается рассогласованием цели и результата. Есть очевидное противоречие в том, что однозначная постановка цели сужает возможности неожиданных (незапланированных) результатов, но без постановки цели нет и самой деятельности. <...> “Жесткая” модель образования предполагает принуждение учеников и самого учителя к достижению заранее определенных целей. А принуждение всегда неэффективно и разрушительно» [8, с. 36]. Поэтому, определяя точки контроля, будем иметь в виду некую совокупность параметров «жестких» и «мягких» систем.

Н. В. Кузьмина, исследуя с позиций акмеологического подхода самодвижение преподавателей разных педагогических систем к высшим достижениям в деятельности, показала, «что достижение вершин профессионально-педагогической деятельности происходит посредством освоения трех групп психолого-педагогических технологий: технологий исследования; технологий конструирования; технологий взаимодействия» [3, с. 3—4].

Именно критерий освоения этих технологий и позволит оценить «вклад» данной образовательной программы в развитие профессиональной компетентности специалиста, точнее, ее специальной, исследовательской, коммуникативной составляющих. В качестве ключевой компетенции, влияющей на развитие вышеназванных компонентов, в данном случае может быть названа информационно-компьютерная компетентность, привносящая в условиях дистанционной технологии специфику в их развитие.

Каждый критерий, по нашему мнению, должен быть представлен системой объективных и субъективных показателей. Первые из них частично могут быть основаны на принципах так называемой «мягкой» диагностики и «незаметно» включены в систему дистанционного обучения на уровне программного обеспечения, по статистическим журналам характеризуя особенности работы слушателя над курсом: количество посещений системы дистан-

ционного обучения, суммарное время работы в ней, активность участия в опросах, форумах и других интерактивных формах.

В качестве дополнительных «объективных» показателей каждого критерия могут быть предложены методики внешней и субъективной оценки сформированности умений, отражающих освоение данных технологий.

Таким образом, при разработке системы оценки качества дистанционного образования необходимо учитывать ряд педагогических условий, отражающих специфику этой формы обучения, сочетая субъективные и объективные показатели его качества.

Библиографический список

1. Егоршин А. П., Пряничников С. Б. Методология оценки качества и эффективности образования // Школьные технологии. 2002. № 5. С. 68—73.
2. Зинченко В. П. Психологические основы педагогики. М.: Гардарики, 2002. 212 с.
3. Кузьмина Н. В. (Головки-Гаршина) Акмеологическая теория повышения качества подготовки специалистов образования. М., 2001. 82 с.
4. Кузьмина Н. В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища. М.: Высш. шк., 1989. 170 с.
5. Майоров А. Н. Мониторинг учебной эффективности // Школьные технологии. 2000. № 1. С. 96—131.
6. Медведева О. А., Сулова О. А. Школа на гастролях: философизмы. <http://www.hct.ru/dialog/scool.php?fa=phr1>
7. Симонов В. П. Оценка интеллектуального продукта в науке // Педагогика. 2004. № 6. С. 26—30.
8. Тестов В. А. «Жесткие» и «мягкие» модели обучения // Педагогика. 2004. № 8. С. 35—40.

Г. А. Засобина, К. В. Кулаков

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И НА ПРАКТИКЕ В ДЕТСКОМ ДОМЕ

Предметом анализа является проблема защиты прав воспитанников детского дома на основе реализации Конвенции ООН о правах ребенка и нормативных актов российского законодательства через повышение правовой культуры воспитателей, организующих работу с детьми в детском доме.

The authors of this article analyzing the problem of protection of suffrages of children in children's home on the base of realization of Convention the United Nations about the votes of children and legal acts of Russia law across the rise of law culture of teachers, organizing the work with children in children's home.

В принятой в 1993 году Конституции Российской Федерации провозглашено, что в Российском государстве признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права. Институт материнства и детства, семьи, согласно Конституции, находится под защитой государства, которое создает социально-экономические и правовые предпосылки для нормального воспитания, развития и образования детей. Государственная политика в данной области закреплена в Основном Законе Российской Федерации, соответствует положениям международно-правовых актов, и в частности Конвенции о правах ребенка.

В Российской Федерации создан и действует механизм формирования и осуществления государственной социальной политики в области защиты и реализации прав и интересов детей, обеспечения их выживания и развития. Принятое 23 августа 1993 года постановление Правительства РФ № 848 «О реализации Конвенции ООН о правах ребенка и Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей» положило начало планомерной работе по совершенствованию российского законодательства в данной сфере.

Особой заботы государства требуют дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации — вне семьи. Дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, имеют право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством. Это одно из основных положений ст. 20 Конвенции. Конвенция предполагает передачу ребенка на воспитание в семью, усыновление, помещение в соответствующие учреждения по уходу за детьми. При этом должны быть обеспечены и общие принципы Конвенции: недискриминация; наилучшее обеспечение интересов ребенка; право на жизнь, выживание и развитие; уважение взглядов ребенка.

Положения ст. 20 Конвенции, обязанности соответствующих учреждений, организаций, должностных лиц, граждан реализуются в статьях Гражданского и Семейного кодексов РФ, Законе РФ «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ, постановлении Правительства РФ «Об организации централизованного учета детей, оставшихся без попечения родителей» от 03.08.1996 г. № 919, других законодательных актах. На региональном уровне эти положения отражены в законах Ивановской области «О защите прав ребенка» от 06.05.1997 г. № 9-ОЗ, «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Ивановской области» от 14.03.1997 г. № 7-ОЗ.

Конвенция о правах ребенка определяет в качестве одного из критериев принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка его право воспитываться и развиваться в семье. Данное положение, преломляясь в ст. 20 Конвенции, отражено в формах устройства ребенка, установленных ст. 123 Семейного кодекса РФ. Приоритетной формой является усыновление. Предусмотрены и другие формы: опека, попечительство над ребенком со стороны физического лица (опекуна, попечителя); приемная семья; как крайняя форма устройства ребенка — учреждения для детей, оставшихся без попечения родителей.

Государство признает, что гарантии благополучного будущего ребенка-сироты в семье значительно выше, чем устроенного в учреждение. Дети,

оставшиеся без попечения родителей, в настоящее время передаются преимущественно в семьи. Ежегодно оформляется опека или усыновление 60—65 % выявленных детей, остальные поступают в интернатные учреждения, в них проживает более 230 тысяч детей.

Являясь традиционными формами устройства детей, опека и усыновление в последнее время сокращаются, что обусловлено прежде всего социально-экономическими факторами: низким уровнем опекунского пособия, недостаточной поддержкой государства семей, воспитывающих детей.

Новая форма устройства детей — приемная семья, законодательное оформление которой произошло только в 1996 году в новом Семейном кодексе. В настоящее время их около 1200. Но эта форма устройства сдерживается на местном уровне. Главы администраций органов местного самоуправления (органов опеки и попечительства) отказываются создавать службы по устройству детей на воспитание в семьи, заключать договоры с приемными родителями. По тем же причинам тормозится внедрение патронатных семей. Наблюдается реальное нарушение права ребенка на воспитание и развитие в семье.

Органы опеки и попечительства, пользуясь исключительным правом устройства детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 121 Семейного кодекса РФ), формально решают вопросы определения дальнейшего проживания ребенка; не проводят работы с родственниками и знакомыми семьи, где прежде воспитывался ребенок.

В данных ситуациях игнорируется и установленное законодательством Российской Федерации правовое значение волеизъявления ребенка с десятилетнего возраста. Нарушается еще один основной принцип Конвенции — уважение взглядов ребенка.

Реализуя ст. 20 Конвенции в части помещения ребенка «в соответствующее учреждение по уходу за детьми», Правительство Российской Федерации приняло ряд постановлений об утверждении Типовых положений различных видов образовательных учреждений. Разнообразие типов и видов образовательных учреждений призвано способствовать выбору наилучшей формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с учетом их личных особенностей: возраста, состояния физического и интеллектуального развития, поведенческие проявления. На практике данный подход не везде реализован: большинство регионов не имеют всего набора образовательных учреждений. Следствием этого является помещение детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в образовательные учреждения, не соответствующие их потребностям.

Анализ нормативно-правовых актов различного уровня позволяет утверждать, что Российское законодательство в целом достаточно полно отражает основные положения Конвенции о правах ребенка на федеральном и региональном уровнях. В то же время существуют многочисленные факты нарушений законодательных норм должностными лицами, организациями, учреждениями. Это обусловлено как все-таки имеющимися место пробелами в законодательстве, так и отсутствием достаточной правовой культуры у сотрудников органов муниципальной и государственной власти и тех, кто непосредственно принимает решение о судьбе конкретного ребенка.

Обеспечение правовых гарантий в осуществлении гражданами своих прав и обязанностей является сегодня одной из основных функций государ-

ства. Это касается как естественных (неотчуждаемых) прав, которые возникают с момента рождения человека (право на жизнь, свободу, человеческое достоинство, личную неприкосновенность), так и большой группы прав, получивших название личных. Все многообразие личных прав детей, соблюдение которых связано с деятельностью образовательных и воспитательных учреждений, можно разделить на три группы. Первая группа прав связана с организацией системы образования в целом и тех воспитательных учреждений, в которых находятся дети (например, детских домов). Это право на охрану здоровья, полноценный отдых, досуг, участие в культурной жизни. Вторая группа прав обеспечивается собственно организацией воспитательного процесса в конкретном учреждении, определяется позицией воспитателей по отношению к детям и каждому ребенку. Это право на свободу выражения своего мнения, на свободу совести и религиозных воззрений, на свободу общественных объединений, на личную жизнь и личностное самоопределение. Наконец, к третьей группе относятся права на защиту и помощь, в которой особенно нуждаются дети в воспитательных системах разного типа: на защиту от насилия, в том числе психологического; на консультативную помощь любого профиля; на социально-педагогическую и психолого-педагогическую поддержку, на помощь в выборе путей профессионального образования. Реализация этой группы прав предполагает создание особых механизмов как внутри учреждения, так и вне его, обеспечивающих возможность осуществления указанных прав каждым воспитанником [3].

Ребята, оказавшиеся в детском доме, испытывают потребность в специальной защите своих прав и интересов, что вызвано отсутствием важного института их защиты — семьи. Ребенок, воспитывающийся в семье, не сталкивается с подобными сложными ситуациями. Его права защищает семья, а если нарушение прав и происходит внутри семьи, то, как правило, оно самой семьей и разрешается.

Как показывает исследование, все дети, поступающие в детский дом, имеют опыт переживания насилия над собой, не только физического, но и психического. Не случайно, по-видимому, гуманисты формулируют как «очень острую и актуальную проблему социального, точнее, коммуникативного насилия по отношению к детям» [1, с. 45]. С. Л. Братченко предлагает объединить усилия различных специалистов (психологов, социологов, педагогов, юристов и др.) для создания нового направления — *коммуникативной экологии личности*. Его первейшая задача — разработка концепции социальных и коммуникативных условий личностного роста. Другая задача — четкое определение критериев коммуникативного насилия и способов защиты от него [1, с. 46].

Комментарий к Закону Российской Федерации «Об образовании» к формам психического насилия относит: угрозы; преднамеренную изоляцию; предъявление чрезмерных требований, не соответствующих возрасту; оскорбление и унижение достоинства; систематическую необоснованную критику ребенка, выводящую его из состояния душевного равновесия; постоянную негативную характеристику ребенка; демонстративно негативное отношение к нему [2].

Следует заметить, что неблагоприятная обстановка в семье, часто предшествующая помещению ребенка в детский дом, невнимание взрослых к глубоким, часто крайне тяжелым переживаниям ребенка нередко приводят

к разрушению основного, базового отношения его к миру — доверия к взрослым. А это резко обостряет проблему его «восстановительной терапии», вхождения в мир нормальных человеческих отношений, восстановления целостности внутреннего мира. Как отмечает И. В. Христосенко, даже условия обычной школы по отношению к детям из внешне благополучных семей не обеспечивают вплетения в образовательный процесс «всей гаммы чувств, переживаний, размышлений каждого ребенка... Ребенок, отучившийся в школе 10 лет, входит в жизнь с базовым ощущением, что его переживания ни для кого никакой ценностью не обладают, а все, что для него значимо и любопытно, никого не волнует... *его уникальность, его внутренний мир никому не нужны*» (курсив автора. — К. К.) [4, с. 8].

О каждом ребенке, подростке, помещенном в детский дом, можно сказать, что в отношении его допускались в той или иной форме нарушения принципов Конвенции. Испытывая психологический дискомфорт от пережитых унижений, насилия, отторжения от привычного жизненного уклада, эти ребята к тому же не знают или имеют лишь слабые представления о своих правах и способах их защиты. Из каждых десяти подростков 12—14 лет лишь один-два могут сказать, что они что-то слышали о правах детей, а о том, как защитить их, где узнать о своих правах, куда обратиться, если эти права нарушены, дети ответить не могут. Вопросы «Надо ли защищать свои права?», «Как это делать?» ставят большинство ребят в тупик. Дальше односложного «надо» разговор не идет.

Мониторинг личностного роста воспитанников показывает, что одним из главных негативных факторов, мешающих развитию их правовой культуры и освоению способов защиты своих прав, чести и достоинства, является устойчивая властная позиция взрослого: воспитывающего, указывающего, одергивающего, пресекающего, наказывающего, уверенного в своем праве власти над «отсталым» ребенком.

Подростки 15 лет и старше имеют определенные знания о правах, но эти знания часто достаточно специфичны: они получены в результате их противоправных действий и столкновения с законом.

Существует обратная сторона незнания детьми прав. Усваиваются прежде всего те права, которые «выгодны», при этом полностью исключаются права других (неважно — сверстников или взрослых) и ответственность за собственные действия.

Одна из основных задач, встающих перед педагогами детского дома, — это дать детям знания, сформировать у них правильное представление о правах, о соотношении прав и обязанностей, ответственности человека за свои действия. Формирование полноценной личности гражданина невозможно без воспитания правовой культуры.

Важно обеспечить защиту не только социальных, имущественных прав, но и личных прав ребенка. Можно полагать, что принцип «полного государственного обеспечения» позволяет реализовать общие принципы Конвенции в полном объеме. На практике этого не происходит вследствие недофинансирования детского дома. Детский дом обеспечивает соблюдение прав детей лишь в пределах своей компетенции. Первая часть защиты успешно реализуется сотрудниками детского дома, при этом они объясняют воспитанникам алгоритм действий в той или иной ситуации, привлекают самих ребят к ре-

шению вопросов, связанных с их судьбой. Ребята получают навыки составления деловых бумаг, приобретают знания о государственных и муниципальных организациях и учреждениях, которые призваны защищать их, помогать в решении возникающих проблем. Учитывается мнение самих ребят при решении вопросов приватизации и обмена жилья, определения социального статуса (лишении родителей родительских прав), получения гражданства Российской Федерации. Интересы ребят, их склонности и способности принимаются во внимание при определении выпускников на дальнейшее обучение или при трудоустройстве после получения основного общего образования. Вторая часть решается сложнее.

В ходе работы над ней надо преодолевать не только негативный опыт детей, но и психологический барьер. Часто дети, испытавшие насилие, унижение, занимают позицию «постоянной жертвы», они не хотят сами противостоять ущемлению своих прав. Их защита — в жалости со стороны окружающих, взрослых, в поиске сочувствия, сострадания.

Отмеченные выше моменты проявляются и в самом процессе обучения воспитанников правам. Процесс обучения, а если брать шире — общения в детском доме, подразумевает соблюдение сторонами определенных прав, в том числе коммуникативных. Общая несформированность правовой культуры затрудняет их реализацию. Поэтому процесс обучения воспитанников правам является не узконаправленным элементом учебно-воспитательного процесса в детском доме, а одной из составляющих всей воспитательной системы учреждения: недостаточно говорить детям о правах, допуская их нарушения в повседневной жизни, формировать осознанное понятие ответственности, не разрешая ребятам самим принимать решения по вопросам жизнедеятельности группы, детского дома.

Здесь возникает вторая сторона проблемы реализации и защиты прав детей в детском доме. Педагогам недостаточно овладеть методиками и приемами обучения детей правам, это должно стать частью их стиля поведения в общении, работе с воспитанниками. Администрация детского дома проводит специальные мероприятия: семинары, круглые столы по формированию правовых знаний, соответствующего стиля поведения у педагогов. С 1994 года в детском доме реализуется программа повышения квалификации педагогов «Ребенок и взрослый в образовательном (воспитательном) процессе». В ее реализации кроме администрации детского дома принимают участие специалисты городской комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, преподаватели вузов. Педагоги изучают нормативные документы, законодательные акты, сферу их применения. В практической части, которая проводится в виде тренингов, организационно-деловых игр, педагоги знакомятся с формами и методами правового обучения и воспитания ребят. Особое внимание уделяется вопросам преодоления конфликта, обучения воспитанников «жизненно важным навыкам».

Программа повышения квалификации педагогов детского дома дает положительные результаты: снизилась сменяемость педагогических кадров; сформированы единые требования; уменьшилось количество конфликтов (ребенок — взрослый, ребенок — ребенок): в 1994 году 65 % воспитанников чувствовало себя комфортно в детском доме, в 2004 году данный показатель составил 97 %. Следствием этого является снижение правонарушений, со-

вершаемых воспитанниками, количество самовольных уходов. (Подводя итоги, необходимо учитывать, что контингент воспитанников на 61 % состоит из подростков 11—15 лет, а 31 % составляют подростки 16 лет и старше; ежегодно обновляется треть состава воспитанников, из которых половина — дети с ярко выраженным асоциальным поведением.)

В детском доме обеспечено индивидуальное психолого-педагогическое сопровождение воспитанников. Основная задача — подобрать и реализовать комплекс коррекционных, реабилитационных, воспитывающих и развивающих мероприятий, который бы позволил осуществить социальную адаптацию ребенка. В контексте рассматриваемой нами проблемы важное место занимает преодоление как детской, подростковой агрессивности, так и последствий насилия, испытанного ребенком. Основную роль в решении данной задачи играет именно комплексность и системность работы. По каждому воспитаннику проводится психолого-медико-педагогический консилиум, на котором на основании представлений всех участников принимается заключение и план коррекционно-реабилитационной работы. Консилиум направляет рекомендации в общеобразовательную школу, где воспитанник обучается. Рекомендации консилиума и план проводимых мероприятий фиксируются в индивидуальной программе развития, которая составляется для каждого ребенка с момента прибытия в детский дом и ведется до выпуска из него. Там же отмечаются результаты проводимой работы, наблюдения за воспитанником, рекомендации последующих консилиумов.

Такой подход позволяет обеспечить для каждого воспитанника оптимальные условия воспитания и обучения, что ведет к снятию напряжения, агрессии и тревожности у ребят. Индивидуализация обучения особенно важна, если учесть, что подавляющее большинство детей испытывают школьную тревожность (до 90 %), а две трети имеют проявления школьной дезадаптации (один-два из десяти видят в школе источник всех своих проблем).

Вся проводимая работа направлена на подготовку воспитанника к самостоятельной жизни после выхода из детского дома. Именно вне его стен выпускнику потребуются те знания, которые он получил. Важное место среди них будет занимать его способность строить взаимоотношения с другими людьми, с обществом. Без знания законов, прав и обязанностей, без понимания и принятия своей ответственности выстроить положительные взаимоотношения трудно.

Правовое воспитание и обучение осуществляются в рамках программы развития группы, в разделах «Основы социализации и общения», «Личностное развитие», «Кто я такой и что мне нравится?», «Как я живу рядом с другими?» — основные вопросы, на которые ребята ищут ответ вместе с педагогами. Воспитанники постигают мудрость межличностного общения на занятиях по формированию «жизненно важных навыков»: как задать вопрос и получить на него ответ; как сказать «нет» и не потерять друга; как стать уверенным в себе; как научиться решать проблемы.

Важным моментом является организация досуга ребят и занятий по интересам. Каждый воспитанник имеет возможность найти свое дело, занятие по душе, где он сможет реализовать свой талант, удовлетворить свои интересы, ощутить нужность и полезность не только самому себе, но и окружающим. Формируется положительный образ будущего, который способствует развитию ребенка. На занятиях по интересам педагоги используют психоте-

рапевтические приемы, которые позволяют снять напряжение, уменьшить тревожность, агрессивность детей.

В основе всей работы детского дома лежит совместная деятельность ребят и взрослых, в ней рождаются решения, которые становятся обязательными для всех. Каждый может высказывать свое мнение, каждый может задавать вопросы, но каждый должен сказать, что сделает он для решения поставленной проблемы. В этом процессе ребята учатся принимать личную ответственность.

Не всегда усилия педагогов достигают результата. В детском доме нет понятия «наказание», есть понятие «последствия». Воспитаннику предоставляют возможность «нарисовать картину» будущего — что произойдет, если оставить сделанное и согласиться с этим поступком. Идет поиск решения — как поправить ситуацию. В любом случае воспитанник убеждается: все имеет последствия, ответственность за поступок нельзя с себя снять или переложить на другого.

Таким образом, главная задача состоит в необходимости создать условия для реализации и защиты прав воспитанников путем непосредственного их обучения, формирования воспитательной системы детского дома на принципах международного права и общечеловеческих ценностей, повышения правовой культуры педагогов.

Библиографический список

1. Братченко С. Л. Гуманистическая психология как одно из направлений движения за ненасилие: Учеб.-метод. пособие. СПб., 1999. 51 с.
2. Комментарий к Закону РФ «Об образовании». М., 1998. 558 с.
3. Лебедев О., Майоров А., Золотухина В. Права детей. Личные права детей в системе образования // Народное образование. 2001. № 2. С. 26—38.
4. Христосенко И. В. Образ мира как предмет образования // Исследовательская работа школьников. 2003. № 4. С. 6—10.

Г. А. Засобина, И. И. Корягина

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕНЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ВЗРОСЛЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ШКОЛЫ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ТИПА

В основу сообщения положены результаты исследования процесса становления воспитательной системы школы гуманистического типа. В нем нашли отражение изменения, которые произошли в педагогической позиции взрослых, и предпринята попытка их анализа с позиций личностно-деятельностного подхода к воспитательной практике.

The base of this report is the results of investigation of process standing educational system of humanistic type of school. In article are describing the changes which happened in pedagogical position of adults and then this changes is analyzing from the position of personal approach to educational practice.

Основой современной стратегии образования является его гуманизация, суть которой — в признании абсолютной ценности человека, приоритета его права на свободное развитие и полноценную реализацию своих способностей. Педагог, занимающийся воспитательной работой с детьми, должен рассматривать растущего человека как активного субъекта собственной жизнедеятельности, то есть инициатора, распорядителя и творца предметно-практической деятельности и познания. Мир каждого человека самодостаточен, индивидуален и уникален, и современный педагог должен понять, что «ребенок — не объект управления, а личность, вырабатывающая отношение к себе и к миру» [6, с. 18].

Психологи подчеркивают, что становление человека как действующего субъекта, самоопределяющегося, овладевающего своей духовной жизнью, по своему выбору изменяющего способы и содержание своего бытия, — процесс длительный и сложный. В обычных условиях, когда воспитанник оказывается объектом целенаправленного внешнего воздействия и от него требуются преимущественно функции исполнителя, он очень долго овладевает способностью «определять зависящее от него пространство жизни и деятельности, соразмерять свои усилия с масштабами этого пространства (естественно, разного для разных людей), способностью представлять себе смысл, цену и результаты своих усилий» [2, с. 195].

Чтобы научиться оказывать содействие, своевременную необходимую помощь и педагогическую поддержку растущему человеку — своему ученику, не прибегая к методам давления на него, учитель сам должен «созреть», осознать себя развитым полноценным субъектом, сделав предметом рефлексивного анализа процесс становления себя как субъекта деятельности. Это значит, что должен существовать достаточно продолжительный процесс перехода взрослых и детей от традиционного взаимодействия (действующий субъект — объект воздействия) к субъект-субъектному взаимодействию.

Следовательно, можно целенаправленно создавать условия, способствующие такому переходу. Реальные условия для становления и развития субъект-субъектных взаимоотношений взрослых и детей возникают в процессе созидания их совместными усилиями воспитательной системы гуманистического типа. Созидание — длительное создание. «Созидатели — субъекты созидательной деятельности, отдельные лица, группы лиц, сообщества, находящиеся в определенных связях и отношениях, владеющие культурой производства в создании сложных объектов — продуктов индивидуальных или групповых усилий, получающих социальное признание» [8, с. 38]. Создание воспитательной системы школы — длительный процесс, основными созидателями в нем являются взрослые, прежде всего педагоги и наиболее активная часть родителей. Ведущей идеей, объединяющей взрослых, стала идея ненасилия — отрицания принуждения в процессе взаимодействия с детьми, что должно было обеспечить гуманный стиль взаимоотношений взрослых и детей, основанный на терпимости, признании права на существование всего того, что внутренне относится человеком к категории «чужого», при условии, что это «чужое» не несет угрозы для жизни, опасности для

человека. Как показывает наше исследование, изменения происходят прежде всего в ценностном сознании и ценностном отношении взрослых — педагогов и родителей. Они находят свое выражение в изменении позиции, которая, в свою очередь, определяет ценностное поведение.

Уточняя понятие «позиция» в связи с использованием его при характеристике взаимоотношений и взаимодействия людей, Г. С. Абрамова определяет эту позицию как «точку зрения, угол зрения, систему отсчета, переживание своего места, обозначение своей индивидуальности» [1, с. 255]. Позиция может проявляться спонтанно или произвольно, естественно или вынужденно. Можно говорить о личностной, рефлексивной, трансцендентальной и педагогической позиции. Последняя связывается с тем, что жизнь человека среди людей и с другими людьми в обществе переживается им как равенство или неравенство Я и Другого, как возможность воздействия на Другого или разрешение ему воздействовать на себя: педагогическая позиция отражает переживание степени зависимости людей друг от друга. «Педагогическая позиция представляет собой владение целостной (экзистенциально-антропологической или ситуативно-механической) концепцией жизни человека. На основе ее содержания воплощается степень зависимости одного человека от другого в конкретные воздействия» [1, с. 264]. Занимать педагогическую позицию — значит принимать решение о воздействии на другого человека, характере и способах взаимодействия с ним, учить его через это воздействие целесообразному поведению, то есть становиться для другого носителем цели, отвечать на вопросы «Зачем?», «Что надо?».

Педагогическая позиция, построенная на основе целостной ситуативно-механической концепции жизни человека, строго и однозначно фиксирует положение взрослого по отношению к ребенку как объекту педагогического воздействия: взрослый знает, каким в будущем должен стать ребенок, к чему он должен стремиться, чем должен овладеть, что должен приобрести, каким образом должен выстроить свою жизнь. Он организует свою деятельность и взаимоотношения с ребенком в соответствии с запланированным им результатом воспитательного процесса, поэтому требует от детей исполнительности, послушания, подчинения, поскольку всю полноту ответственности за будущее воспитанников принимает на себя. Учитель, воспитатель, родитель, с этой точки зрения, наделен властью над детьми, он ответствен перед обществом, государством, перед вышестоящим ведомством за отклонения от нормативно заданного результата, за принятие или непринятие своевременных должных мер воздействия на воспитанников, корректирующих их отклоняющееся поведение. Поэтому его влияние на личность не может не быть авторитарным. Выстроенная на этих позициях педагогика получила название педагогики формирования. Характеризуя данный тип педагогики, Г. С. Батищев писал: «Педагогике формирования нужен материал пластичный, мягкий воск, чистый лист, на котором должен быть запечатлен социально заданный текст» [4]. Содержание воспитательного процесса оказывается определенным «сверху» четко заданными образцами, нормами, целями и ценностями. Оно может быть примерным, но расписанным для каждого возраста, класса, соотносено с нормативными требованиями к уровню образованности, воспитанности, снабжено критериями оценок: примерное, удовлетворительное, неудовлетворительное.

Особенностью педагогов, занимающих такую позицию, является недостаточное развитие атрибутивной проекции, то есть ожидания отношения к себе, что проявляется в восприятии детей как исполнителей, объектов своих воздействий. К. А. Абульханова отмечает, что у некоторых из них «отсутствует регуляторная способность сознания по причине отсутствия структур, не сложившихся на жизненном пути. Они не способны к прогнозу и построению собственных действий с учетом встречной активности другого субъекта. У них, образно говоря, отсутствует “орган” восприятия встречного отношения. А сложившиеся фиксированные структуры сознания ведут к ригидности, стереотипности, ситуативности поведения» [2, с. 64]. Как показало исследование, в начале работы над созданием воспитательной системы школы взрослых с такой позицией (учителей и родителей) большинство. Перестройка их взаимоотношений с детьми в направлении гуманизации требует значительных усилий, поскольку связана с ломкой сложившихся стереотипов и выстраиванием новой системы ценностных ориентаций.

Второй тип педагогической позиции взрослых по отношению к детям можно определить как переходный от ситуативно-механической к экзистенциально-антропологической концепции жизни человека. Эту позицию можно назвать позицией сотрудничества. Согласно ей, задача воспитателя — сделать ребенка «добровольным и заинтересованным соратником, единомышленником учителей, воспитателей, родителей в своем же воспитании, образовании, обучении, становлении, равноправным участником педагогического процесса, заботливым и ответственным за результаты этого процесса» [3, с. 159]. Основанием сотрудничества взрослых и детей является совместная деятельность, ориентированная на достижение общей цели, одинаково важной для всех ее участников. Воспитатель и воспитанник занимают позицию активного субъекта, но не по отношению друг к другу, а по отношению к объекту их совместной деятельности, повышение уровня воспитанности, образованности, культуры — «побочный продукт» совместной деятельности. Как отмечал еще А. С. Макаренко, воспитательное воздействие на воспитанника оказывается скрытым от него, происходит параллельно в той деятельности, в которую он активно включен. Обратим внимание на особенность позиции сотрудничества: взаимодействие педагога и воспитанника, «идущих вместе», рядом, остается, по существу, механическим. Как подчеркивает Г. С. Абрамова, «нашим Я меняться не надо, пусть изменяется предмет, с которым мы имеем дело» [1, с. 259]. Содержанием этой позиции является тезис: «Учить надо делу». Однако практика педагогов-новаторов (Ш. А. Амонашвили, Е. Н. Ильина, В. Ф. Шаталова и др.) показывает, что принятие позиции сотрудничества, отход от авторитарно-принудительной направленности педагогического процесса, исключение грубых форм давления на личность — серьезные шаги в направлении гуманизации взаимоотношений взрослых и детей. При таком подходе у участников взаимодействия есть реальная возможность проявить личностное отношение к объекту взаимодействия. Но, следует согласиться с Г. С. Абрамовой, что эта возможность не в любом случае может быть реализована, поскольку имеет место противоречивость переживания данной позиции со стороны взрослого и ребенка.

Третья позиция принципиально отличается от двух предыдущих тем, что в ней представлена «концепция жизни, которая неотделима от восприятия и себя, и другого человека как живых носителей собственной сущно-

сти» [1, с. 262]. Во взаимодействие вступают люди с разным жизненным опытом, разными установками, разными взглядами, по-разному понимающие стоящие перед ними проблемы. Они воздействуют друг на друга, не воспринимая воздействие как давление, проявление силы, они признают за другим его право оставаться самим собой, право выбора позиции, своей, отличной от других точки зрения, способа действия, критериев оценки и пр. Именно о такой позиции — партнерской — пишет и В. П. Зинченко: «Войдем в мир образования вместе. А выйдем поврозь... Каждый в свой мир» [7, с. 3]. Стать на эту позицию для взрослого означает не требовать: «Делай как я!», не приглашать к сотрудничеству: «Давай сделаем вместе!», но обеспечивать каждому из своих воспитанников реализацию его права на собственный выбор (целей и ценностей, стратегии и тактики в деятельности и поведении; партнеров и союзников; и т. д.) и оказывать помощь и поддержку растущему человеку на наиболее трудных и опасных участках жизненного пути (образовательного маршрута), содействуя процессу его личностного роста и становления как активного субъекта жизни и деятельности. Эта позиция противоречива, бесконечна, но в ней есть место для свободы взрослого и ребенка, их ответственности друг перед другом. Она ориентирована на проявление и уважение достоинства каждого человека. Здесь рефлексия становится необходимой всем, личностная позиция взрослого и ребенка — естественной, а воздействие на себя другого не воспринимается как проявление силы и давления. Партнерская позиция требует от каждого участника взаимодействия постоянного изменения, при этом не теряется свое Я, а приобретает его многообразие. Воздействие людей друг на друга не разрушает личность, а каждому приносит переживание его сущности. Именно на эту позицию должен встать педагог, который стремится к воплощению идей гуманизма в воспитательном процессе.

Проведенное нами исследование и было направлено на поиски путей разрешения противоречия между растущим в мире и педагогике пониманием необходимости гуманизации взаимоотношений между людьми и продолжающимся воспроизводством в обществе и образовании установки на насильственное изменение человека. Противостояние между концепциями и теоретическими построениями авторитарной педагогики и педагогики ненасилия особенно остро проявляется в практике воспитательного процесса. К сожалению, живучими остаются наиболее разрушительные насильственные по своей сути способы влияния, воздействия, подавления и ограничения активности человека как личности в сфере взаимоотношений взрослых и детей. Не случайно С. Л. Братченко высказывает глубокую озабоченность психологов систематическими и повсеместными нарушениями прав ребенка взрослыми, мешающими личностному росту. «Быть личностью — значит все время жизни становиться ею» [5, с. 30]. Но чтобы стать субъектом развития самого себя, полноценным субъектом деятельности и общения в мире, человек вынужден выходить за пределы самого себя, за границы уже познанного, известного в самом себе и другом, в незнание, неумение, непонимание — в ситуацию, где требуется усилие преодоления, где ребенок должен иметь возможность воспользоваться помощью и поддержкой более мудрого взрослого. Выбор взрослого — это также его собственный выбор.

В нашем исследовании средством развития педагогической позиции взрослых по отношению к детям явилось создание на основе принципов

толерантности и гуманистических ценностей общественно значимых проектов взрослых и детей, объединяющих их в совместной деятельности. Общей целью всех проектов было построение целостной системы взаимосогласованной деятельности детей, молодежи и взрослых (педагогов и родителей) для выращивания их совместного опыта гражданского демократического взаимодействия как сограждан, заинтересованных в решении жизненно важных региональных проблем. Часть проектов инициировалась взрослыми: «Ассоциированные школы ЮНЕСКО», «Взрослые и дети — сограждане в меняющемся мире», «Толерантность — путь к миру и согласию». Другие проекты организовывались в поддержку инициативы детей при деятельной помощи взрослых: «Строительство детской площадки на территории детского сада», «Организация службы «Забота» для пожилых, инвалидов и детей, оставшихся без присмотра взрослых», «Солдатские вдовы» и др. В реализации каждого проекта принимали участие учащиеся 6—11 классов, их родители и педагоги школы.

Чтобы оценить динамику развития позиции взрослых, вступающих в контакт с детьми в воспитательном процессе, в начале эксперимента (сентябрь 2001 года) совместно с психологом школы был проведен диагностический эксперимент, в ходе которого оценивались: отношение взрослого к самому себе (основные параметры Я-концепции); отношение к миру детства, к детям в целом и отдельным учащимся («трудным», «проблемным», «неуспешным», «лидерам», «отличникам», «везунчикам», «обыкновенным»); отношение к взрослым («своим», «чужим», «не посторонним для школы» и др.). Выборка составила 213 человек — 27 педагогов школы (100 %) и 186 родителей учащихся 6—11 классов (76 %). Материал тестирования и анкетного опроса был дополнен аналитическими справками, характеристиками на отдельных учащихся, составленными классными руководителями, протоколами заседаний педсовета, заявлениями родителей, материалами наблюдений совместной деятельности и общения взрослых и детей. Это дало возможность получить общее представление не только о позиции взрослых, но и о микро-среде, которую они создают своими действиями и характером взаимоотношений.

Исследование показало, что 42 % взрослых разделяют точку зрения, которую можно определить как позицию сотрудничества (в том числе 80 % учителей), что позволило привлечь их к разработке проекта воспитательной системы гуманистического типа.

Результатом коллективного поиска, теоретического исследования и взаимосогласованных решений педагогов и родителей явилась система ценностных ориентиров, в соответствии с которой осуществлялось становление воспитательной системы школы:

— отказ от использования в работе с детьми наказаний как наиболее грубой формы насилия и защита каждого ребенка от произвола со стороны сверстников, взрослых, от агрессивных проявлений социума, особенно от коммуникативного насилия;

— признание самоценности каждого человека (ребенка, педагога, родителя), его способности к саморазвитию;

— признание мира детства как особого, уникального мира, который не во всем и не всегда должен следовать указаниям взрослых: у него своя жизнь

и свои законы. С ним надо сотрудничать, опираясь на мощный потенциал его (и своего) творческого роста. Результатом такого сотрудничества станет растущее неравнодушие каждого человека к проблемам друг друга;

— личностно-рефлексивный подход к осуществлению целостного педагогического процесса;

— направленность воспитания на педагогическую поддержку детей в их самоопределении и саморазвитии;

— сохранение физического, психического и духовного здоровья детей и взрослых;

— развитие гражданской позиции личности, гражданского видения мира.

В ходе социально-педагогического эксперимента была создана открытая воспитательная система школы гуманистического типа, в которой взаимоотношения взрослых и детей строятся на принципах ненасилия и сотрудничества. В процессе ее становления наиболее существенные изменения произошли в системе взаимоотношений взрослых и детей, где преобладающей стала позиция сотрудничества (у 63 % родителей и 82 % учителей), а часть учителей (12 %) перешла на позиции партнерства во взаимоотношениях не только со взрослыми, но и с детьми. Лишь небольшая часть учителей (6 %) не смогла полностью отказаться от авторитарной позиции по отношению к детям. К сожалению, медленнее, чем хотелось бы меняется позиция родителей, особенно тех, которые не принимали активного участия в проектной деятельности или требовали самого пристального внимания со стороны педагогов школы и общественности, поскольку они оказались неспособны к налаживанию позитивных внутрисемейных отношений и не приняли всерьез идей ненасильственного взаимодействия друг с другом и с детьми. Однако и эти родители отмечают положительные изменения во взаимоотношениях между разными категориями взрослых и детей.

Изменение позиции взрослых по отношению к детям проявилось и в изменении уровня воспитанности детей: растущем неравнодушии каждого к общим проблемам; самостоятельности в решении собственных жизненно важных проблем и активности в совместной деятельности со взрослыми; способности к рефлексии, самоанализу процессов и результатов деятельности и общения; духовном и личностном росте.

Однако следует обратить внимание, что подавляющее большинство даже педагогов (более 90 %!) не изменили своего отношения к вопросу суверенности мира детства (позиция А. Б. Орлова): взрослые считают, что такой мир — утопия.

Библиографический список

1. *Абрамова Г. С.* Возрастная психология: Учеб. М.: Академ. проект, 2001. 703с.
2. *Абульханова К. А.* Психология и сознание личности: Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности / Моск. психол.-соц. ин-т. Воронеж: МОДЭК, 1999. 218 с. (Избр. психол. тр.).
3. *Амонашвили Ш. А.* Основания педагогики сотрудничества // Новое педагогическое мышление / Под ред. А. В. Петровского. М.: Педагогика, 1989. С. 144—177.
4. *Батищев Г. С.* Три типа педагогики // Учит. газ. 1988. 14 апр.

5. Братченко С. Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования: (Психологические аспекты). М.: Смысл, 1999. 137 с.
6. Галицких Е. О. От сердца к сердцу. Мастерские ценностных ориентаций для педагогов и школьников: Метод. пособие. СПб.: Паритет, 2003. 160 с.
7. Зинченко В. П. О целях и ценностях образования // Педагогика. 1997. № 5. С. 3—16.
8. Кузьмина Н. В. Предмет акмеологии. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Политехника, 2002. 189 с.

С. В. Нилова

САЙТ КАК ФОРМА СОТВОРЧЕСТВА И КРИТЕРИЙ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

Продолжается серия публикаций о проблемах информатизации образования. Рассматривается сайт как форма творчества и как критерий качества образования и управления в университете. Используются результаты внешней экспертизы сайтов университетов России и показываются некоторые перспективные пути развития образовательной и управленческой деятельности.

The author continues a series of articles about problems of informatization of education. In this article is considered site as the form of creativity and as criterion of quality of education and management at university. The author uses results of external examination of sites of Russian universities and shows some perspective ways of development of educational and administrative activity.

На основе федеральных программ «Электронная Россия (2002—2010 гг.)» и «Развитие единой образовательной информационной среды на 2002—2006 гг.» большое значение придается созданию единого информационного пространства на всей территории России. К 2010 году в масштабах Европы будет сформировано европейское образовательное пространство. Россия уже включилась в Болонский процесс. Одновременно с модернизацией образования меняется законодательная основа организации его системы — дистанционные технологии становятся одной из важнейших составляющих современной образовательной среды не только в условиях заочного, но и очного обучения.

Использование форм телекоммуникаций влияет на качество образования в университете. Ранее в ходе научных исследований и практической деятельности мы рассматривали различные формы дистанционного взаимодействия в образовательном процессе университета [1, 6, 7, 8, 9]. В этой статье обратимся лишь к сайту как одной из популярных форм телекоммуникаций в Интернете.

Специалисты уже говорят: «Сколько звезд на небе, столько и страниц в Интернете». Как в условиях образовательного процесса вуза эффективно использовать неограниченные возможности Интернета? Рассмотрим разные пути развития сайтов, которые могут быть результатами совместной деятельности, сотрудничества и сотворчества.

1. Сайт как форма сотворчества преподавателя и студентов. В 1999 году нами ставилась проблема необходимости разработки образовательных ресурсов Интернета для изучения цикла педагогических дисциплин наряду с развитием электронной библиотеки курса [7]. В настоящий момент в Интернете достаточно ресурсов, которые могут быть эффективно использованы для образовательного процесса. Однако нет специализированного педагогического портала, сайта, который бы позволил обеспечить определенное качество преподавания и использовать возможности Интернета, опираясь на рекомендации преподавателя вуза. Для решения этого противоречия был создан сайт «Дистанционное сотворчество» (<http://www.ivanovo.ac.ru/distant/>), который стал учебным ресурсом цикла педагогических дисциплин в Ивановском государственном университете. Он имеет материал о развитии компьютеризации региональной системы образования, обеспечивает текущее взаимодействие преподавателя и студентов в ходе осуществления дистанционной стратегии изучения курса педагогики, учебных курсов «Новые образовательные технологии», «Новые информационные технологии в учебном процессе» и «Педагогический практикум».

Этот сайт отражает индивидуальный стиль преподавания и способствует развитию как педагога, так и студентов. Дистанционное взаимодействие через сайт предполагает достаточную техническую подготовку преподавателя, умение использовать междисциплинарный контекст образовательного процесса в университете, способность не только включиться в разработку сайта, но и обеспечить его динамическое развитие.

Если рассматривать подобный образовательный сайт как учебный ресурс, который будет отражать особенности педагогического коллектива отдельной кафедры или отдельного факультета, то потребуются согласование усилий преподавателей в его разработке и использовании. Тогда сайт, выполняющий учебные функции, может эффективно способствовать развитию качества образования в университете. Важно, что каждый конкретный преподаватель уже будет иметь готовность использовать его в образовательном процессе.

Этот путь сотворчества требует расширения педагогической компетентности вузовских преподавателей, в которую уже сейчас можно включить применение современных форм телекоммуникаций в учебном процессе.

2. Официальный сайт как форма сотворчества в университете и предмет согласования деятельности отдельных университетских структур. Задача использования в учебном процессе разрабатываемых сайтов существенно усложняется, если речь идет о представительском сайте вуза в Интернете. Анализ двухлетнего опыта работы со студентами исторического факультета по курсу «Новые информационные технологии в учебном процессе» показал, что степень использования студентами, например, официального сайта ИвГУ достаточно низкая.

Рассмотрим официальный сайт как педагогический ресурс, который должен способствовать развитию качества образовательного процесса в университете, являться элементом единого образовательного пространства, а также может быть показателем качества управления в университете.

Воспользуемся материалами Института системного анализа социальных проблем мегаполисов «Информативность веб-сайтов вузов Министер-

ства образования РФ для абитуриентов», где отмечается, что «создание единого образовательного пространства и единого рынка образовательных услуг немислимо без обеспечения доступа абитуриента к информации о любом вузе посредством сети Интернет. Если справочники для поступающих (в том числе электронные) должны лишь очертить круг вузов, интересующих абитуриента, то веб-сайт высшего учебного заведения должен представить комплексную (если не сказать — исчерпывающую) информацию о вузе» [3].

К каким результатам пришли организаторы исследования? Было выявлено, что из 332 вузов Министерства образования у 11 % вузов веб-сайты отсутствуют. Еще у 9 % вузов сайты по разным причинам были недоступны. «Таким образом, число функционирующих сайтов составило 265 (т. е. у 80 % вузов). Выяснилось, что 10 % сайтов не содержат информации даже о приеме, а на 29 % нет сведений о довузовской подготовке. Еще хуже обстоит дело с информацией о конкурсе прошлых лет и вариантами экзаменационных заданий. Ее можно найти соответственно на 26 % и 16 % сайтов вузов» [3].

Изучение вузовских сайтов сводилось к выявлению в них пяти блоков информации, которые можно отметить как наиболее значимые для абитуриентов. Результаты по работающим сайтам (80 %) выглядят следующим образом.

1. Правила приема в данный вуз есть на 238 сайтах (90 %).
2. Конкурсная ситуация в последние годы отражена на 68 сайтах (26 %), но на 3 из них информация дана до 2001 года.
3. Образцы экзаменационных заданий есть на 42 сайтах (16 %).
4. Информация о наличии (или отсутствии) общежития есть на 147 сайтах (55 %);
5. Информация о возможности довузовской подготовки — на 187 сайтах (71 %).

Как в этом исследовании выглядели вузы Ивановской области? На трех сайтах (Ивановский государственный университет, Ивановский государственный химико-технологический университет и Шуйский государственный университет) была представлена информация по первому и пятому блокам (правила приема в вуз и довузовская подготовка). Отметим, что группа, в которую вошли три вуза Ивановской области, самая многочисленная. Ивановский государственный энергетический университет наряду с этими показателями имеет на своем сайте информацию по образцам экзаменационных заданий. Сайт явно выигрывает, так как ИГЭУ отнесен к самой малочисленной группе вузов (всего 16 %). Сайт Ивановской государственной текстильной академии был отмечен лишь по первому пункту. На сайте Ивановской государственной архитектурно-строительной академии информация отсутствовала. Сайты других ивановских вузов совсем не вошли в число обнаруженных в Интернете.

Возможно, что проведение дальнейшего мониторинга сайтов даст иные показатели. Но лишь поверхностное исследование сайтов в конце 2004 года студентами ИвГУ практически показало консервативность вузов в развитии своего интернет-имиджа.

Совершенно очевидно, что стоит проблема отсутствия какой-либо эффективной координации деятельности по поддержке сайта университета со стороны управления вузом и дальнейшего их совершенствования по критериям, намеченным по итогам внешней экспертизы. И нам кажется это особен-

но парадоксальным в условиях жесткой конкуренции вузов и дальнейшего определения их рейтинга.

Интернет-имидж вуза — это пространство для реализации различных студенческих проектов с учетом разных факультетских возможностей. Поддержка интернет-имиджа университета — это деятельность, которая требует координации усилий многих подразделений и должна осуществляться как воспроизводящаяся технология, а не эпизодическая деятельность. Подобный подход требует готовности сотрудников ИвГУ участвовать в мониторинге содержания сайта и постоянной технологической поддержки через него интернет-имиджа вуза.

3. От регионального сайта к региональному образовательному порталу и единому региональному образовательному пространству. Если задачу использования сайтов и интернет-имиджа рассматривать более широко, то можно выявить, что ряд регионов РФ уже обеспечивают свой интернет-имидж на уровне субъекта РФ. Возможно, что интернет-имидж каждого ивановского вуза — это задача, от решения которой выиграют все вузы. Наличие вузовского портала Ивановской области или всего образовательного пространства — это задача, которая может реализовываться через студенческие проекты, и университет способен занять лидирующие позиции в этом направлении, которое обусловит опережающее развитие и будет способствовать вхождению области в Болонский процесс.

Возможно ли создать единое образовательное пространство в регионе? 29 сентября — 1 октября 2003 года в ИвГУ проходил практический семинар «Гуманитарный университет как системообразующий фактор социального и культурного развития региона России». Постановка такой проблемы подчеркивает возможный статус ИвГУ во многих вопросах. Попробуем оценить, смог ли университет взять на себя инициативу в разработке региональной программы информатизации образования.

28 апреля 2004 года Законодательное собрание Ивановской области утвердило закон «Об областной целевой программе “Информатизация системы общего образования Ивановской области на 2004—2006 гг.”». Он призван ускорить реализуемую с августа 2001 года Федеральную целевую программу «Развитие единой образовательной информационной среды (2001—2006 гг.)». Федеральная программа ориентирована не только на школы, однако принятый закон в Ивановской области в основном отражает лишь уровень информатизации областного среднего образования. Это факт подчеркивает правовую инфантильность вузов в разработке нормативного поля информатизации регионального образования, которое охватило бы всю систему непрерывного образования.

Каким образом осуществляется взаимодействие в целях создания единого образовательного пространства в регионе? Тем более что в результате исследования вузовских сайтов на основе внешней экспертизы критерии оценки представлены с учетом деятельности уже в едином образовательном пространстве.

В 2003 году А. И. Щеглов, В. И. Назаров, А. В. Волков, Л. В. Куклина в коллективной статье «Деятельность классического университета по разработке и внедрению новых информационных технологий в целях развития региона» [11] попытались обозначить отдельные элементы миссии университета в развитии информатизации. Что качественно изменилось в развитии единого

регионального информационного пространства? Или университет берет на себя достаточно локальную роль, не ориентируясь на лидерство?

Для анализа мы использовали только материалы сайта ИвГУ. Задачи содействия развитию регионального образовательного пространства не представлены ни в одном из подразделений. Однако университет развивает деятельность управления информатизации и компьютерных технологий, центра дистанционного обучения. На сайте ИвГУ можно ознакомиться с целевой научно-методической программой «Развитие системы дистанционного образования в ИвГУ» [12]. Но программа ориентирована на заочное обучение, а не на использование технологий дистанционного обучения вообще, поэтому декларирует достаточно локальные задачи. Программа Intel «Обучение для будущего» решает проблему ликвидации компьютерной безграмотности и пока не работает на создание единого образовательного пространства.

А может, отдельный вуз уже опоздал и в постановке проблемы? Например, все ведущие вузы Ярославской области учредили некоммерческое партнерство «Совет в поддержку образования и науки» по координации и управлению процессом формирования единого открытого образовательного пространства в регионе, где одной из задач ставится информатизация образовательного процесса [2]. Возможно, если опираться на проектирование и опережающее развитие, пора ставить вопрос о согласовании усилий государства, бизнеса и общества и рассматривать информатизацию и единое региональное образовательное пространство только в этой системе?

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2004 года № 1244-р рекомендована «Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года» [4]. Принятие этой концепции показывает необходимость интеграции специалистов различных профилей в системе непрерывного образования. Концепция предусматривает рост квалификации государственных служащих на основе создания и развития информационной системы поддержки непрерывного профессионального образования государственных служащих, системы управления знаниями; совершенствование взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления на основе создания единой телекоммуникационной инфраструктуры для государственных нужд, систем удостоверяющих центров в области электронной цифровой подписи и электронной среды взаимодействия.

Осуществление этих инноваций требует от системы образования разработки стратегических программ включения интернет-технологий в преподавание различных дисциплин, активизации междисциплинарной деятельности (на уровне отдельных предметов, кафедр, вузов) и осуществления прикладных опережающих исследований [8].

Нам кажется, что в университете при согласованных действиях различных структур возможно решение системных региональных задач информатизации общества и образования, а не только задач участия в реализации отдельных грантовых проектов.

4. Интернет-сайты как источники стратегии развития образования и показатели качества управления. Из общего списка сайтов государственных вузов нами был выбран сайт Алтайского университета (<http://www.dcn-asu.ru>), где на основе внешней экспертизы было отмечено

наличие правил приема в данный вуз, вариантов экзаменационных заданий и информации об общежитии. По результатам исследования этот вуз отнесен с ИГЭУ к одной группе. Однако целью нашего изучения стало не сравнение сайтов по указанным показателям, а выявление особенностей развития факультетских страниц или отдельных сайтов на основе критерия наличия электронных программ учебных курсов. Так, войдя на страницу исторического факультета АГУ, можно найти учебно-методические пособия по специальностям «История», «Международные отношения» (в том числе и положение об организации практики по этой специальности), «Историко-архивоведение», а также программы для средних школ. На сайте помещена тематика курсовых работ. Уже только одна эта страница показывает в числе прочего ориентированность сайта на студентов, которые обучаются на факультете. Интересно со страниц сайта изучать путь образования новых кафедр. Так, «промежуточным звеном» в создании новой кафедры археологии, этнографии и источниковедения был информационный центр исторического факультета, образованный в 1999 году на базе лаборатории исторической информатики. Кафедру возглавляет кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета АГУ В. И. Владимиров, специалист в области исторической информатики, президент ассоциации «История и компьютер».

Эту информацию мы приводим столь подробно, так как каждый факультет ИвГУ находится в ситуации модернизации обучения, и нам кажется, что изучение опыта родственных вузов через их сайты может стать источником для исследования и изменения качества образовательного процесса. Интернет-ресурсы уже могут исследоваться как новые исторические источники в специализированных исторических дисциплинах. Так, вопрос связи «история — компьютер» — это вопрос конкурентоспособности выпускников исторического факультета и одно из перспективных направлений модернизации данного факультета.

В государственных образовательных стандартах как нормативное требование названо умение использовать современные компьютерные технологии в своей деятельности. Путь только технической оснащенности, без изменения качества образования и преподавания на основе НИТ — это путь, ведущий в никуда. Указанные задачи тесно связаны. Отсутствие должного качества преподавания на основе НИТ мешает сформировать необходимые качества выпускников разных факультетов ИвГУ в области использования современных форм телекоммуникаций.

С целью развития престижности исторического факультета, расширения организационно-управленческой сферы деятельности его выпускника, достижения современного качества использования НИТ инициативным коллективом была предложена специализация (или возможный учебный модуль дисциплин) «Управление инновациями», направленная на повышение конкурентоспособности выпускников ИвГУ. Проект был представлен на Всероссийском студенческом конкурсе инновационных научно-образовательных проектов (Москва, 2004 г.) и ученом совете факультета.

Но, как это часто происходит, инновационные предложения сталкиваются с управленческими стереотипами, неумением сотрудничать, вносить организационные коррективы и создавать условия для их реализации. Однако необходимость модернизации образования и логика Болонского процесса уже давно требуют иной позиции.

Разрешению подобных противоречий может содействовать специализированный электронный журнал, идея создания которого также принадлежит инициативному коллективу преподавателей, студентов и аспирантов. Среди важных этапов формирования журнала участники этого проекта выделяют:

- 1) согласование коллективной деятельности партнерами по проекту;
- 2) изучение правовых аспектов регистрации журнала. Подготовка необходимых документов;
- 3) определение структуры журнала и содержания первого номера;
- 4) обеспечение технической основы проекта;
- 5) официальная регистрация журнала;
- 6) управленческое согласование деятельности структурных подразделений и общественных организаций ИвГУ по дальнейшему развитию журнала;
- 7) включение этой деятельности через электронный журнал в научно-исследовательскую и учебную систему университета;
- 8) проектирование информационной составляющей на юридическом факультете ИвГУ через развитие направления «электронное право».

Создание электронного журнала и принятие особого направления, которое связано с развитием электронного права, — это перспективные точки роста, влияющие на имидж университета и его конкурентоспособность.

Небольшой комментарий на основе материалов V Международной конференции «Право и интернет» [5]. Заведующий кафедрой информационного права Оренбургского государственного университета В. И. Кутузов (по показателям внешней экспертизы рейтинг сайта этого вуза (<http://www.osu.ru>) выше сайта ИвГУ), рассматривая некоторые проблемы совершенствования юридического образования в РФ, отмечает: «Основные направления модернизации содержания юридического образования, по нашему мнению, должны быть нацелены на создание новых образовательных технологий. Это предполагает переориентацию юридического образования с преимущественно информативного типа обучения на обучение, позволяющее выявлять и развивать познавательные и творческие способности студентов, воспитывать у них волевые и профессиональные качества личности, обеспечивающие эффективную профессиональную деятельность юристов» [5].

Автор считает информатизацию приоритетным направлением юридического образования, а деятельность отдельной кафедры информационного права Оренбургского государственного университета способствующей опережающему образованию. В этом университете уже «осуществляется обучение студентов по плану непрерывной информационной подготовки, который предусматривает введение в учебный план дисциплин информационного цикла со второго семестра и до написания выпускных квалификационных работ. Такое построение учебного процесса имеет под собой достаточно мощную научную основу» [5]. Сформировано научное направление на стыке педагогики, юриспруденции и информатики.

А что происходит в развитии юридического факультета университета? К сожалению, дистанционная стратегия изучения курса педагогики, которая используется на факультете с 2002 года, пока не входит в поле развития факультета. В ИвГУ обновление технической базы этого факультета практически произошло в последнюю очередь. Как бы не опоздать с модернизацией! Но это уже вопрос качества управления.

Рассмотрим другую сторону развития образовательных сайтов, используя технические аспекты хостинга, насколько это возможно сделать гуманитарно. Различные информационные ресурсы преподавателей, студентов, и аспирантов ИвГУ находятся на разных хостингах. Однако эта проблема характерна для многих вузов. Так, например, сайт исторического факультета Санкт-Петербургского университета находится по адресу <http://history.spbpu.ru/>, а сайт студентов этого факультета на другом хостинге <http://historia-site.pagod.ru/>. Такая ситуация характерна и для исторического факультета ИвГУ. Более того, отдельные общественные советы ИвГУ выбирают независимый хостинг и не выражают готовности получить место под сайт в организованном пространстве ИвГУ. Интересно развивается отдельный самостоятельный сайт PR совета юридического факультета ИвГУ (<http://www.pr-law.narod.ru/>), сайт Студенческого бюро качества образования (<http://www.sbk.tut.ru/>), хотя для того чтобы попасть на него, надо потратить достаточно времени. Изучение ресурсов ИвГУ и их развития в Интернете может быть самостоятельным научным исследованием.

Совершенно очевидно, что такая ситуация подчеркивает неготовность университета осознать подобные проблемы и объединить усилия в создании единого интернет-имиджа университета, который включал бы все информационные ресурсы ИвГУ. Для этого важно, чтобы и субъекты взаимодействия разделяли данную идею.

Такое положение наряду с техническими проблемами ставит и управленческие задачи, решение которых требует воспроизводящей технологии совместной работы. А пока даже интересные материалы презентации ректора в условиях выборной кампании 2004 года могут быть выложены на сайт и адаптированы к нему только перед новой выборной кампанией.

Нам кажется, что университет должен эффективно использовать возможности повышения своего интернет-имиджа. И в Интернете есть достаточно примеров подобного развития. Удивляет своими возможностями Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (<http://www.hist.msu.ru/ER/>). Это мнение разделяют и студенты исторического факультета, которые смогли познакомиться с данными ресурсами в курсе «Педагогический практикум». Однако попытка найти на историческом факультете МГУ стандарты обучения в магистратуре не привели нас к успеху. Сайт не располагает подобной информацией.

Направление поиска информации в Интернете по обучению в магистратуре на различных факультетах разных вузов является актуальным в связи с переходом к многоуровневой системе образования. И с этой задачей в учебном процессе вполне могут справиться студенты.

Успех информатизации образования сейчас зависит от управленческой и педагогической готовности использовать ее возможности. Давайте предположим или примем к сведению, что сайт вуза является важным критерием его оценки, а использование НИТ в образовательном процессе — это вопрос не только качества образования, но и показатель рейтинга вуза, а следовательно, и определенного финансирования.

Отдельные важные компоненты в изменение университетского образования может внести образовательный портал «Кадры образования» [10], через который осуществляется координация деятельности по реализации Программы модернизации педагогического образования и согласовываются

действия с соответствующими подразделениями Минобразования России. Портал дает актуальную информацию модернизации образования и развития Болонского процесса.

Приведем информацию со страниц этого портала:

«14.02.2005 министр образования Андрей Фурсенко планирует разделить все российские вузы на три группы. 10—20 “мультидисциплинарных национальных университетов”, университетам предоставят свободу в определении учебной и экзаменационной политики, 100—200 вузам второго эшелона государство будет выделять деньги на подготовку бакалавров и магистров, остальным — только на бакалавров. Ранжирование будет проходить на основании четких критериев, “и университеты смогут переходить из одной лиги в другую”» [10].

Осознание перспектив развития в той или иной «лиге» всеми структурными подразделениями ИвГУ поможет реализовать стратегию развития университета. Для педагогических специальностей в университете предполагается бакалавриат или магистратура? На страницах названного портала можно взять рекомендуемые программы для введения новых курсов: «Нормативно-правовое обеспечение образования», «Использование современных информационных и коммуникационных технологий в учебном процессе», «Современные средства оценивания результатов обучения» (трудоемкость каждого курса — 72 часа). Если на отдельных факультетах ИвГУ курс, родственному курсу «Использование современных информационных и коммуникационных технологий в учебном процессе», уже реализуется более двух лет, то два других, очевидно, необходимо вводить, если университет ориентирован на подготовку специалистов для сферы образования. При этом региональная востребованность специалистов по предложению министерства будет основанием для аккредитации и лицензирования вузов.

Пока этот образовательный портал ориентируется на педагогические университеты, и наше желание найти пути модернизации подготовки педагогов в «классических университетах» не привело к результату. Однако в деятельности этого портала принимают активное участие «классические университеты», очевидно, чувствуя, что новое поколение стандартов «классических университетов» в подготовке педагогов будет более похоже на стандарты педагогических университетов. И роль кафедры педагогики и преподавателей, которые способны применять НИТ в своих учебных предметах, будет расти.

Небольшая иллюстрация. В стандарте бакалавра (по направлению 540600 «Педагогика», бакалавр педагогики с указанием профессионально-образовательного профиля подготовки) введен такой курс, как «Сравнительная педагогика» (трудоемкость 72 часа) [10]. В рамках этого курса предполагается рассматривать и проблемы Болонского процесса. И если оценить нормативное содержание данного предмета в указанном стандарте, то можно с уверенностью утверждать, что такой курс должен быть введен и на специальности «Международные отношения», а не только на педагогических специальностях. Более того, сейчас «пятерка» по такому курсу и курсу вузовской педагогики не помешала бы ни одному профессору университета.

Библиографический список

1. *Воронов М. В., Нилова С. В.* О стратегии профессиональной переподготовки управленческих кадров // Стратегия динамического развития России: единство самоорганизации и управления: Материалы Первой Междунар. науч.-практ. конф. М.: Проспект, 2004. Т. 2. Ч. 1. С. 281—286.
2. *Иванов В. С.* Общественно-государственная система управления высшим образованием региона // Стратегия динамического развития России: единство самоорганизации и управления: Материалы Первой Междунар. науч.-практ. конф. М.: Проспект, 2004. Т. 2. Ч. 1. С. 306—310.
3. Информативность веб-сайтов вузов Министерства образования РФ для абитуриентов, Москва, 2003 г. <http://www.ed.gov.ru/> Официальный сайт Министерства образования и науки РФ: Приложение № 1 к Информационному письму Минобразования России «24-55-140ин/35» 18.11.2003 г.
4. Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года // <http://www.ed.gov.ru/news/obnews/1437/> рекомендована 27 сент. 2004 г. № 1244-р.
5. *Кутузов В. И.* О некоторых проблемах совершенствования юридического образования в Российской Федерации // V Междунар. конф. «Право и Интернет: теория и практика». <http://www.ifap.ru>
6. *Нилова С. В.* Дистанционное сотворчество как феномен совместной деятельности // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: Иван. гос. ун-т — 2004: Материалы науч. конф., Иваново, 3—5 февраля 2004 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. С. 170—171.
7. *Нилова С. В.* Компьютеризация образования: педагогический аспект // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2004. Вып. 2. С. 80—86.
8. *Нилова С. В.* Новые информационные технологии в образовании и управлении // Современные проблемы информационных технологий и пути их решения: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 17—18 дек. 2004 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. С.172—177.
9. *Нилова С. В., Анненков В. В.* Сетевая студенческая конференция как инновационная форма деятельности кафедры педагогики ИвГУ // Восточно-европейская подгруппа Междунар. форума «Образовательные технологии и общество». http://ifets.ieee.org/russian/depository/v7_i2/html/4.html
10. Портал «Кадры образования». <http://www.teacher-edu.ru>
11. *Щеглов А. И., Назаров В. И., Волков А. В., Куклина Л. В.* Деятельность классического университета по разработке и внедрению новых информационных технологий в целях развития региона // Образовательный и научный потенциал Ивановского государственного университета: вклад в развитие региона: Материалы к науч.-практ. семинару «Гуманитарный университет как системообразующий фактор социального и культурного развития региона России», Иваново, 29 сент. — 1 окт. 2003 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. С. 148—154.
12. Целевая научно-методическая программа «Развитие системы дистанционного образования в ИвГУ». <http://www.ivanovo.ac.ru/win1251/struct/odo/Doc/14.htm>

(— 2005 .)

3 марта в актовом зале ИвГУ в рамках проекта «Студенческая филармония» состоялся праздничный концерт ивановского муниципального джаз-оркестра «Ретро», посвященный Международному женскому дню.

4 марта в администрации Ивановской области под председательством В. И. Тихонова состоялось заседание Совета по русскому языку. Основным в повестке дня был вопрос «О языковой подготовке специальности “Журналистика” на филологическом факультете ИвГУ». С отчетом выступила доцент кафедры журналистики и рекламы Е. Ю. Белова.

5 марта на филологическом факультете ИвГУ состоялась встреча студентов и преподавателей с известным чешским режиссером-документалистом и писателем Ольгой Соммеровой. Эта встреча была организована Чешским центром и преподавателями кафедры общего и славянского языкознания. Она проходила в рамках фестиваля «Литература и кино», проводимого Чешским центром, находящимся в Москве. Во время встречи студенты и преподаватели филологического факультета посмотрели один из документальных фильмов Ольги Соммеровой — «О чем мечтают женщины». Фильм представляет собой результат ряда душевных бесед автора с разными женщинами, которые рассказывают о своей жизни. Главная мысль автора фильма сводится к тому, что «что-то прогнило в патриархальном обществе XX века, в конце которого женщины не хотят жить по стародавним правилам как люди второго сорта». В целом встреча с чехами была интересной и содержательной. Хочется верить, что деловые контакты нашего университета с Чешским центром и гостями из славянских стран будут развиваться.

6 марта в парке им. Степанова прошла интеллектуально-спортивная игра среди студентов вузов Иванова и Ивановской области «Масло масленое». Команда профкома ИвГУ заняла 2-е место, уступив первенство команде ИГХТУ.

С 11 по 16 марта в международном молодежном центре «Березовая роща» и Ивановском государственном университете прошел итоговый семинар проекта «Новая формула науки» для аспирантов вузов, занимающихся исследованиями и преподаванием в междисциплинарных областях гуманитарных и социальных наук. Молодые исследователи из Иванова, Иркутска, Томска, Тюмени, Ростова-на-Дону, которые представили проекты подготовленных ими лекционных курсов на конкурсе и защитили их в ходе заочной интернет-конференции, обсуждали свои проекты в очном режиме с участием аспирантов и молодых ученых ИвГУ, ИГХТУ и других вузов города. Презентации междисциплинарных специальных курсов на тему «Власть. Политика. Общество» прошли для студентов исторического, юридического и социолого-психологического факультетов. Молодые ученые посетили мастер-классы опытных преподавателей. Доцент МГИМО (У) МИД РФ К. П. Боришполец представил свое только что вышедшее учебное пособие «Методы политического исследования»; проректор ИвГУ по научной работе профессор Д. И. Польшанский рассказал молодым ученым

о трансформации научного текста в учебный; доцент социолого-психологического факультета ИвГУ Т. Б. Рябова обсудила с молодыми коллегами особенности междисциплинарного исследования; профессор кафедры педагогики ИвГУ Т. А. Воронова поделилась опытом построения учебных курсов.

Проведение семинара стало возможным благодаря финансовой поддержке Фонда Форда, полученной аспирантами ИвГУ Д. Смирновым и А. Фадеевым по итогам конкурса, который был организован Образовательно-издательским центром «Кон-текст» (г. Томск).

16 марта Центр мониторинга качества образования и кафедра педагогики ИвГУ провели IV Международный семинар «Профилактика и реабилитация наркозависимости в молодежной среде». Семинар объединил различных людей: представителей государственных организаций и ведомств — тех, кого интересуют формы и методы работы с молодежью, направленные на защиту юных граждан от эпидемии наркомании. Также в работе семинара приняли участие гости из-за рубежа — президент Национального фонда мира США Сара Хардер, руководитель группы по исследованию хронических зависимостей (GCAR) Коринн Ф. Герве и председатель правления института «Фонд социальной и гендерной политики» О. А. Бессолова. Основной целью семинара стал обмен опытом российских и американских специалистов по организации профилактической работы в высших учебных заведениях. Обсуждался проект создания в ИвГУ Центра профилактики зависимости студентов от психоактивных веществ, поддерживаемый Департаментом по государственной молодежной политике, воспитанию и социальной защите детей Министерства образования и науки.

16—17 марта проректор по связям с общественностью ИвГУ О. М. Карпова приняла участие в межрегиональной конференции «Связи с общественностью высшего учебного заведения», прошедшей в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге. В конференции приняли участие более 100 человек. Среди них: руководители и ведущие специалисты служб общественных связей, отделов маркетинга и рекламы ряда крупных государственных и негосударственных вузов Петербурга, Москвы, Красноярска, Томска, Тюмени, Екатеринбурга, Челябинска, Пятигорска, Нижнего Новгорода, Иванова, Архангельска, Череповца, Смоленска и других городов РФ. Конференция стала первым в России профессиональным форумом, где обсуждалась проблематика продвижения имиджа высших учебных заведений: стратегическое планирование и управление коммуникативной средой высшего учебного заведения; позиционирование вуза; вопросы организации вузовской PR-службы; публичный имидж и репутация вуза; опыт взаимодействия вузов со СМИ; рекламные кампании в вузе; ректор как коммуникативный стратег и PR-практик, а также многие другие проблемы. Выступающие пришли к единогласному мнению, что интерес к этой теме велик в разных регионах России, поскольку российские вузы неожиданно для себя оказались действующими субъектами рынка. Несколько лет назад никто из них не был готов к рыночной конкуренции. Суровая необходимость заставила не только частные, но и государственные учебные заведения заняться рекламой образовательных услуг и выстраиванием связей с общественностью. Участники подчеркнули, что усиливающаяся конкуренция вынуж-

дает вузы активно заниматься маркетинговыми и корпоративными коммуникациями, работать с прессой, проводить рекламно-маркетинговые кампании, выделять на эти цели средства, не уступающие бюджетам средних коммерческих предприятий.

В марте этого года преподаватели кафедры общего и славянского языкознания филологического факультета ИвГУ получили в подарок «Лексический атлас русских народных говоров», вышедший в 2004 году в Санкт-Петербурге под редакцией И. А. Попова и Т. И. Вендиной. Данный выпуск «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) является пробным в серии подготавливаемых выпусков атласа, которые впервые охватят огромный круг диалектной лексики, представленной на обширной территории Европейской России до Урала. В выпуске приводятся основные типы карт (лексические, лексико-словообразовательные, словообразовательные, семантические и другие), проверяются и уточняются теоретические принципы атласа, его картографическая концепция, методы составления карт на основе тематического раздела программы ЛАРНГ «Лексика природы». Идея создания «Лексического атласа русских народных говоров» родилась еще в 70-е годы, когда на совещании по «Общеславянскому лингвистическому атласу» (ОЛА), проходившему в Ленинграде, Игорь Александрович Попов выступил с докладом, в котором, обосновывая необходимость изучения диалектной лексики в лингвогеографическом аспекте, предложил развернуть работу по созданию «Лексического атласа русских народных говоров».

Издание атласа осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» Отделения историко-филологических наук РАН. Выход его в свет — важное событие и для нашего университета, так как в сборе материала для атласа принимали участие преподаватели и студенты филологического факультета ИвГУ (а также преподаватели и студенты еще из 52 университетов России), а всей этой работой руководила кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания О. И. Жмурко, которая не только вошла в редакционную коллегию этого уникального в своем роде издания, но и является автором комментариев и материалов к картам атласа.

17 марта в читальном зале ИвГУ прошла презентация литературного альманаха «РиФ», выпущенного студентами отделения «Журналистика» филологического факультета.

Аспиранту ИвГУ Матвею Груздеву (научный руководитель — доктор химических наук, профессор Н. В. Усольцева) в марте была выделена стипендия Президента РФ на 10-месячную научную стажировку на кафедре макромолекулярной химии в группе профессора Гюнтера Латтерманна в Университете г. Байрота (Германия). Тема проекта Матвея — «Синтез и характеристика жидкокристаллических дендримерных металлокомплексов». Поздравляем и желаем дальнейших успехов!

В марте указом губернатора Ивановской области памятным знаком «За высокие успехи в развитии экономики» в ознаменование 100-летия со дня рождения А. Н. Косыгина был награжден доктор технических наук, профессор В. Н. Латышев. Поздравляем!

24—25 марта по инициативе кафедры русской словесности и культурологии филологического факультета ИвГУ состоялась IV Всероссийская научно-методическая конференция «Культурологический подход к преподаванию литературы в современной школе», посвященная памяти Вадима Петровича Медведева. К открытию конференции были выпущены два сборника, в которых представлены материалы 2-й и 3-й межрегиональных научно-методических конференций «Содержание и технологии литературного образования в средней школе». В статьях преподавателей вузов и учителей-словесников Иванова и Ивановской области рассматриваются актуальные вопросы преподавания литературы в старших классах средней школы, проблемы анализа художественного текста. Сборники адресуются научным работникам, аспирантам, учителям-словесникам, студентам.

С 24 по 30 марта в ИвГУ прошла благотворительная акция по сбору учебников, художественной литературы, игрушек, одежды, обуви детям из «Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних» (м. Харинка), оставшимся без попечения родителей или попавшим в трудные жизненные обстоятельства.

В марте и начале апреля студбюро ИвГУ проводило конкурс «Проблемы качества образования в ИвГУ и пути их решения» среди студентов, аспирантов и преподавателей вуза.

В начале апреля доктор философских наук, профессор А. Н. Портнов был награжден почетной грамотой за большой личный вклад в развитие отечественной философии и активное участие в деятельности Российского философского общества.

2 апреля в ЦКиО «ИВТЕКС» состоялся День абитуриента ИвГУ. На встрече с администрацией университета, деканами факультетов, секретариатом приемной комиссии, руководителями различных центров ИвГУ, студентами выпускники школ смогли узнать все об университете, вступительных испытаниях, специальностях, условиях приема и обучения, приобрели программы вступительных испытаний и другие информационные материалы, посетили факультеты, получили ответы на вопросы, в том числе заданные по электронной почте.

Продолжается сотрудничество ИвГУ с Ивановским объединением художественных музеев. В марте и апреле преподаватели и студенты университета были частыми гостями Художественного музея. Они посетили выставку известного ивановского художника и педагога Светланы Кузьмичевой «Новая мифология образа. Женский взгляд», а также смогли увидеть выставочный проект «Адреналин», посвященный полярной историко-географической экспедиции команды ивановских экстремалов «Биннетта — 2003», открытие которого состоялось 31 марта. Данная экспозиция была представлена в виде виртуального путешествия. Экспонаты выставки — произведения искусства, подлинное оснащение полярной экспедиции, видеоинсталляции, тексты, фильмы. Не менее интересной для преподавателей и студентов оказалась экспозиция живописи и графики 30—90-х годов XX века, а также предметов быта, фотографий и документов, сценических костюмов и музыкальных инструментов этого периода, представленных в музее А. И. Морозова.

6 апреля в читальном зале ИвГУ в рамках студенческого проекта «Свет России» состоялось открытие выставки художника Александра Климохина. Александр Климохин — член Союза художников России, член Международной ассоциации изобразительных искусств АИАП ЮНЕСКО. Родился в 1960 году. Выпускник Ивановского художественного училища. С 1985 года постоянный участник выставок различного уровня в стране и за рубежом. Лауреат областной премии имени народного художника России М. И. Малютина. Работы художника приобретены Ивановским областным художественным музеем, Плесским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником, музеем искусств города Болоньи (Италия), а также находятся в частных коллекциях страны и за рубежом (Германия, Франция, Австрия, Венгрия, Индия, Италия).

12 апреля в читальном зале ИвГУ состоялась презентация книги доктора исторических наук, профессора Израиля Яковлевича Биска «Мой XX век. Записки историка».

12 апреля в актовом зале ИвГУ состоялось первое заседание научного общества учащихся и педагогов школ Ивановского района «Обучение для будущего — первый шаг в науку». Проведение этого мероприятия стало возможным при поддержке корпорации «Intel», ИвГУ и отдела образования администрации Ивановского района. Открывали семинар проректор по учебной работе ИвГУ В. И. Назаров, глава администрации Ивановского района Ю. П. Шилов и эксперт программы «Intel» «Обучение для будущего» Е. Н. Яковлева. В программу семинара были включены защиты учебно-методических проектов, разработанных педагогами и учащимися общеобразовательных школ Ивановского района в рамках программы «Обучение для будущего», видеоконференция с коллегами из Московского государственного областного университета, конкурс программных средств, разработанных учащимися школ.

В апреле глава администрации Ивановского района Ю. П. Шилов выразил благодарность ректору ИвГУ В. Н. Егорову за большую помощь и содействие по развитию и внедрению новых информационных технологий в образовательный процесс школ Ивановского района.

В конце апреля в читальном зале ИвГУ в рамках студенческого проекта «Свет России» состоялось открытие выставки ивановского художника Е. А. Рыженкова. С 1993 года Евгений Александрович принимает активное участие в выставках: в Музее промышленности и искусства им. Д. Г. Бурлыгина (краеведческом музее), выставочном зале ивановской организации ВТОО «Союза художников России», Шереметьев-центре, Ивановской телерадиокомпании, фирме «Кумир», в культурном центре «Ювента», галерее «Замоскворечье», выставочном зале МОСХ (г. Москва) и др. С 1998 года Е. А. Рыженков — член Союза художников России, член Международной ассоциации изобразительных искусств АИАП ЮНЕСКО. Произведения автора находятся как в частных коллекциях в России, так и за рубежом.

26 апреля в ИвГУ в десятый раз проводился ставший традиционным День писателя. К этой акции в читальном зале была подготовлена выставка книг

ивановских писателей-фронтовиков, выставка литературного музея ИвГУ «Ивановские писатели — участники Великой Победы». Среди участников Дня писателя — председатель Ивановского отделения Союза писателей Ю. Орлов, поэт-фронтовик В. Догадаев, профессор университета Л. Таганов, зав. литературным музеем Л. Матенина. В программу дня писателя были включены воспоминания о войне, презентация книги Л. Щасной о фронтовой поэзии.

27 апреля завершился XXXVIII фестиваль «Студенческая весна». Лауреатами стали: СТЭМ ИвГУ, танцевальный коллектив «Возрождение». Лучший спортивный номер — выступление команды аэробики ИвГУ. Мистером фестиваля назван Константин Иванов, студент 2-го курса филологического факультета.

3 мая в холле 1-го этажа 3-го учебного корпуса ИвГУ состоялось торжественное открытие мемориальной доски в память об участниках Великой Отечественной войны и событиях тех лет. Открытие памятного обелиска в учебном корпусе № 3 не случайно. В годы Великой Отечественной войны в этом здании располагался военный госпиталь. На открытии памятной доски присутствовали депутат Государственной думы Т. В. Яковлева, зам. губернатора Ивановской области по социальным вопросам О. А. Хасбулатова, директор компании «Ивтелерадио» В. Е. Кашаев, ректор университета В. Н. Егоров, проректоры, деканы и студенты университета.

5 мая в Ивановском государственном университете состоялось торжественное чествование ветеранов Великой Отечественной войны.

Ветераны войны, а также преподаватели, студенты и сотрудники университета были приглашены на торжественный митинг, посвященный 60-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. На митинге выступил ректор университета В. Н. Егоров, слово было предоставлено и самим ветеранам, а также студентам, которые пообещали никогда не забывать подвиг своих бабушек и дедушек и бережно хранить память о погибших в те страшные годы. Ветеранам были вручены благодарственные письма, подарки, цветы. В актовом зале состоялся праздничный концерт «Песни военных лет», а после все ветераны были приглашены на банкет.

18 мая один из самых интересных музеев Иванова, единственный посвященный развитию литературного процесса в Ивановской области, литературный музей ИвГУ «Писатели Ивановского края» отметил свое 20-летие. За это время через музей прошли тысячи студентов и школьников; вдвое увеличилось музейное собрание; появились надежные партнеры и друзья музея; на материалах коллекции написаны курсовые и дипломные работы, диссертации и монографии; выработан свой стиль работы.

В программу праздника были включены воспоминания, презентации, знакомство с раритетами, фрагменты уникальных видеозаписей, встречи с творческими людьми.

(— 2005 .)

23 марта — 4 апреля проректор по международным связям проф. Н. В. Усольцева находилась в служебной командировке в г. Ганновере (Германия) по приглашению Нижнесаксонского Восточного общества. Цель поездки — установление контактов с высшими учебными заведениями г. Ганновера. Состоялись продуктивные переговоры с проректорами по международным связям трех вузов города. Наряду с этим проф. Н. В. Усольцева познакомилась с работой школы г. Штаттхагена, встретила с представителями ряда министерств Нижней Саксонии, директором полиции Ганновера, руководством издательства «Шаумбургские известия» и лидером фракции ХДС в ландтаге Нижней Саксонии г-ном МакАлистером. Получено принципиальное согласие на сотрудничество со всеми вышеназванными учебными заведениями, а также на проведение семинаров в Иванове в сентябре 2004 г. редактором газеты Уве Грелльсом, директором школы г-ном Р. Вилмерсоном и профессором-физиологом г-ном Альтенмюллером. Визиты делегаций полиции Ганновера и Министерства сельского хозяйства (июнь — май) будут сопровождаться встречами в вузах.

5—30 апреля студенты 4 курса факультета РГФ получили возможность посетить практические занятия по аналитическому чтению и переводу, которые провел почетный лектор ИвГУ Альфонс Хёхерль (Германия). С участием профессора Хёхерля 16 апреля был организован межвузовский лингвистический семинар по современным тенденциям развития немецкого языка, в котором приняли участие преподаватели немецкого языка ИГМА, ИГХТУ, ИГЭУ и др. Семинар был ориентирован на современное состояние немецкого языка (лексический состав, социолингвистические, грамматические, стилистические, лингвострановедческие проблемы) и его практическое применение. В своих отзывах слушатели семинара подчеркивали особую ценность данного мероприятия, представившего редкую в наше время возможность живого общения с профессионалом-филологом и носителем немецкого языка. То обстоятельство, что А. Хёхерль прекрасно владеет и русским языком, способствовало легкому устранению возникающих коммуникативных затруднений. Участие в семинаре подтверждено выданными кафедрой немецкой филологии сертификатами о повышении квалификации.

8—12 апреля в рамках договора о культурно-образовательном обмене университет принимал делегацию из Бизнес-колледжа г. Хернинга (Дания). На ученом совете университета руководителю обменов Уве Бриксу и директору Бизнес-колледжа Асбьорну Хайде были вручены грамоты о присвоении звания почетного профессора ИвГУ за выдающиеся заслуги в области академических обменов, а также за значительный вклад в интеграцию ИвГУ в международное научное и образовательное пространство. В своем выступлении Уве Брикс отметил, что посетив многие университеты мира, он нигде не видел такого быстрого и успешного внедрения инноваций, как в ИвГУ за последние 5—6 лет, и выразил уверенность в дальнейшем продолжении академических обменов.

11—18 апреля группа студентов под руководством зав. кафедрой английского языка доц. Е. А. Вансяцкой приняла участие в ежегодной сессии Международной модели ООН в г. Рамштейне (Германия). Студентам были предложены различные темы для обсуждения, включая такие важные и актуальные сейчас, как борьба с международным терроризмом, урегулирование конфликта между Израилем и Палестиной, борьба со СПИДом, помощь странам Африки, запрет генетически модифицированных продуктов и другие. Обширная культурная программа включала экскурсии в старинные города Германии — Баден Баден, Кайзерслаутерн, Гейдельберг и Страсбург (Франция).

13 апреля Межвузовским центром академического сотрудничества и академической мобильности (директор Р. И. Бабаева) организована презентация Программы Фулбрайт для ученых, аспирантов и выпускников вузов города. Координатор Программы Харитоновна Виталия Викторовна познакомила присутствующих с грантами на обучение, проведение научных исследований, чтения лекций в США. Во встрече приняли участие представители всех государственных вузов Иванова, участница Программы Фулбрайт зав. кафедрой зарубежной литературы ИвГУ проф. О. Ю. Анцыферова и проректор по международным связям ИвГУ проф. Н. В. Усольцева.

20 апреля прошел научный семинар, посвященный программе Intel «Обучение для будущего» для учителей школ, преподавателей и студентов университета. На семинаре были продемонстрированы примеры уроков физики и домоведения, разработанные в рамках Intel «Обучение для будущего». Организатор обучения доц. Л. В. Куклина рассказала о наиболее часто встречающихся проблемах информатизации. Студенты 5 курса математического факультета продемонстрировали в виде компьютерных презентаций свои работы на семинарах. По результатам работы по программе Intel «Обучение для будущего» ИвГУ получил программной продукции на сумму 39.9 тыс. долларов.

22 апреля ИвГУ посетила делегация г. Хмельницкого (Украина) в составе членов городской администрации во главе с мэром Н. И. Приступой. На встрече в ректорате обсуждался вопрос укрепления межвузовских контактов с партнерским университетом Хмельницкого. Предложено расширить преподавание славянских языков, включив изучение украинского языка в нашем вузе.

23 апреля состоялась межвузовская школа-семинар «Технологии повышения качества академической мобильности». В пленарных и секционных заседаниях приняло участие около 50 докладчиков ведущих вузов и организаций области. Эту форму организаторы посчитали наиболее эффективной, поскольку она сочетает получение знаний от ведущих специалистов с активными выступлениями студентов и молодых ученых на секциях. На открытии с приветственным словом выступил проректор по научной работе ИвГУ проф. Д. И. Польшанский. От имени заместителя губернатора проф. О. А. Хасбулатовой начальник управления образования администрации Ивановской области В. М. Лапшин вручил грамоты студентам и аспирантам, способствовавшим развитию академической мобильности в 2003/04 учебном году. От нашего университета награждена Бармотина

Ольга — студентка 5 курса факультета РГФ. По поручению председателя Совета ректоров вузов Ивановской области проф. В. В. Зрюкина ряд награждений был сделан проректором по международной деятельности ИГЭУ проф. М. Н. Шипко (от нашего вуза — Янь Лэ, Наталья Пучкова, Ирина Рыжкова). Пленарные доклады отличались разнообразием тематики. В докладе В. М. Лапшина и доц. Р. И. Бабаевой были освещены вопросы экспорта образовательных услуг вузов Иванова. Президент Ассоциации иностранных студентов в России Г. Кочофа остановился на перспективах подготовки иностранных специалистов в российских вузах, на трудностях, с которыми сталкиваются иностранные учащиеся и которые надо преодолевать как на местном, так и на государственном уровне. В докладе проректора ИГЭУ проф. М. Н. Шипко отражен опыт организации учебного процесса в кооперации с вузами Америки и Франции. Старший преподаватель ИГТА А. В. Корнилович остановилась на вопросах самопрезентации вузов и в качестве примера рассказала о конкурсах молодых дизайнеров, которые проходили в России и за рубежом. Ее сообщение сопровождалось показом моделей одежды. Доклад доц. М. В. Баламаковой (ИвГУ) дал четкое представление о путях достижения академической мобильности. Он сопровождался прекрасной компьютерной презентацией. Тезисы докладов были опубликованы в специальном сборнике. На заключительном заседании руководители 4 секций познакомили с рекомендациями и предложениями, адресованными администрациям вузов (о проведении межвузовских конференций на иностранных языках; более внимательном отношении к просьбам о переносе экзаменов студентов, выезжающих на производственно-языковую практику или на работу в летний период за рубеж; возможности пользоваться Интернетом бесплатно; необходимости развивать корпоративную печать вузов; переходе на многоступенчатую систему образования). Президент Ассоциации иностранных студентов в России Габриэль Кочофа выразил благодарность преподавателям и работникам международных служб вузов за те усилия, которые они прилагают, чтобы иностранные учащиеся почувствовали себя в Иванове как дома. Лучшими на секциях были признаны доклады студентов Ирины Рыжковой (ИвГУ), Тимура Жиленкова (ИвГУ), Манодж Гаян (Шри-Ланка, ИГМА), а также канд. филол. наук Ирины Евгеньевны Ставровской (ИвГУ). Они были отмечены грамотами. По предложению В. Е. Кашаева за активное участие в дискуссиях школы-семинара был награжден студент экономического факультета ИвГУ М. Гайн.

26 апреля — 2 мая в рамках договора о культурно-образовательном обмене делегация студентов, аспирантов и преподавателей разных факультетов под руководством ректора проф. В. Н. Егорова находилась в Бизнес-колледже г. Хернинга (Дания). Наши студенты имели возможность работать на семинарах по английскому языку и культуре скандинавских стран, а также совершили ознакомительные экскурсии в Копенгаген, Мальмё и другие города. С большим интересом была встречена фотопрезентация, подготовленная ивановской делегацией по случаю 10-летия культурно-образовательных обменов. Наряду с этим члены делегации, проректор по связям с общественностью д-р филол. наук, проф. О. М. Карпова и ее аспиранты М. В. Бурлакова и Е. В. Щербакова участвовали с докладами в XII Международном симпозиуме по лексикографии в Копенгагене.

30 апреля на заседании диссертационного совета Д 212.062.05 состоялась успешная защита кандидатской диссертации гражданкой Монголии, аспиранткой ИвГУ Саулегул Дорбетхан (научный руководитель — д-р экон. наук, проф. Б. Д. Бабаев). Необходимо отметить, что это была юбилейная 150-я защита в совете по экономическим наукам. Как отметили оппоненты, тема диссертации «Высшее образование: место и роль в системе общественного воспроизводства, выгоды индивида, общества, предприятия, сочетание платности и бесплатности» весьма актуальна в условиях реформирования высшей школы как в России, так и в Монголии. По теме диссертационного исследования собран большой фактологический материал в ходе стажировок в Министерстве науки, культуры и образования и в вузах Монголии. Выводы, сделанные диссертанткой, в частности то, что экономические эффекты от высшего образования должны быть выгодны индивиду, предприятию и обществу в целом, должны быть учтены в ходе реформ высшей школы в наших странах.

30 апреля — 9 мая группа студентов юридического факультета (12 человек) под руководством зав. кафедрой теории и истории государства и права доц. Е. Е. Амплеевой совершила ознакомительную поездку в Германию, поддержанную стипендией Немецкой службы академических обменов (DAAD). Цель такой поездки — получение страноведческих знаний о Германии, установление контактов с вузами и учреждениями, представляющими интерес с профессиональной точки зрения. Наши студенты познакомились с работой Федерального административного суда в Лейпциге, Верховного Суда Земли Саксония в Дрездене, Федерального финансового суда в Мюнхене, посетили Университет г. Пассау и встречались со студентами Саксонского университета в Дрездене. Программой были предусмотрены также многочисленные экскурсии в музеи и на выставки.

6 мая университет принимал представителя Министерства сельского хозяйства Нижней Саксонии (Германия). Визит являлся следствием тесных контактов управления сельского хозяйства Ивановской области с этим министерством, а также взаимодействия Ивановского регионального немецкого общества (председатель — проф. Н. В. Усольцева) с Нижнесаксонским Восточным обществом (председатель А. Рекманн). Достигнута договоренность о поддержке данным министерством сотрудничества университета с вузами Германии в сфере экологии и ландшафтного дизайна.

10—24 мая доцент кафедры английской филологии М. В. Баламакова находилась в служебной командировке в г. Мерсед (США) в Американском совете по международному образованию.

11—17 мая декан юридического факультета проф. О. В. Кузьмина в рамках договора о сотрудничестве посетила Университет г. Пассау (Германия). Обсуждались вопросы сотрудничества между преподавателями юридических факультетов наших партнерских вузов.

12 мая в рамках визита в администрацию Иванова делегации графства Стаффордшир (Великобритания) в ректорате состоялся прием профессора Центра социального и экономического возрождения Рика Болла. Обсуждались возможные контакты Стаффордширского университета и ИвГУ. Г-н Рик Болл ознакомился с нашим университетом и высказал предложение подарить библиотеке собрание книг по своей специальности на английском языке.

15 мая от г-на Штайнлихта — руководителя проекта «Год добровольной социальной работы в Германии» (Ганновер) получено приглашение для пяти студентов социолого-психологического факультета и факультета РГФ на волонтерскую работу и практику в социальной сфере Земли Нижняя Саксония. В течение года с 1 августа 2004-го С. Блинов, Д. Кочура, Е. Львова, Д. Сироткина и М. Цветкова будут помогать детям-инвалидам в школах и пожилым людям в домах престарелых, а также совершенствовать свои знания немецкого в среде носителей языка. Перед началом работы организуются семинары-тренинги, для того чтобы наши студенты адаптировались и подготовились к выполнению своих обязанностей.

25—30 мая проректор по связям с общественностью проф. О. М. Карпова приняла участие с докладом в IV Международной конференции «Лингвистические ресурсы и их математическое описание» в г. Лиссабоне (Португалия). Целью поездки Ольги Михайловны было также установление культурных и научных связей с Лиссабонским университетом и ассоциацией по математической лингвистике.

Аспирант ПЛЖК М. Груздев (научный руководитель — проф. Н. В. Усольцева) получил стипендию Президента Российской Федерации на обучение за рубежом. С 1 октября 2004 г. в течение 10 месяцев Матвей будет проходить научную стажировку в группе проф. Латтерманна в Университете г. Байройта (Германия) по теме диссертационного исследования.

Аспирант кафедры политэкономии Александр Лодышкин (научный руководитель — д-р экон. наук, проф. Б. Д. Бабаев) выиграл стипендию Немецкой службы академических обменов (DAAD) для молодых ученых на прохождение стажировки в Научно-исследовательском институте регионального развития и структурного планирования г. Эркнера (Германия). Перед началом стажировки наш аспирант должен пройти языковые курсы в Берлине, а затем с 1 октября 2004 г. в течение 10 месяцев будет заниматься сбором материалов по теме диссертации «Стратегическое управление малыми городами депрессивного региона».

Студентка 5 курса немецкого отделения факультета романо-германской филологии Ольга Бармотина стала победителем конкурса Немецкой службы педагогического обмена (Paedagogischer Austauschdienst). Эта программа дает возможность молодым педагогам работать в системе школьного образования Германии в качестве ассистентов учителей русского языка. Для всех победителей 20 сентября 2004 г. будет организована конференция в Бонне, а затем в течение восьми месяцев Ольга будет преподавать русский язык в одной из школ Земли Баден-Вюртенберг.

Завершилось формирование группы студентов разных факультетов, которые смогут поехать во время летних каникул на работу в Германию. Для студентов это возможность не только заработать, но и усовершенствовать знания иностранного языка, приобрести навыки международного общения и получить опыт работы в коллективах иностранных компаний. Поездка в Германию будет способствовать также расширению кругозора студентов и развитию навыков общения со сверстниками из других стран.

Инженер отдела международных связей
В. А. Смирнова

Воронова Тамара Александровна

Тамара Александровна Воронова закончила математический факультет Ивановского государственного университета в 1976 году. По окончании вуза начала работать в комитете комсомола ИвГУ, а затем, с 1980 года, на кафедре педагогики ИвГУ. С 1987 года работает учителем математики в лицее № 22, преподает в математических классах, сделала четыре выпуска, имеет звание Соросовского учителя. С 1982 по 1986 год училась в заочной аспирантуре на кафедре педагогики и педагогической психологии Ленинградского государственного университета. Защитила кандидатскую диссертацию по теме «Формирование готовности к педагогическому самообразованию у студентов университета» (13.00.01 — Общая педагогика), научный руководитель — доктор педагогических наук, профессор Н. В. Кузьмина. В 1989 году стала научным руководителем учебно-научно-педагогического комплекса «Университет — лицей № 22». Под руководством Т. А. Вороновой учителями и преподавателями кафедры защищено семь кандидатских диссертаций. Заведует кафедрой педагогики с июня 1999 года.

Т. А. Вороновой проводится исследовательская работа в области педагогической подготовки будущих учителей и преподавателей вузов в условиях классического университета. В 1993—1997 годах участвовала в разработке программы «Университеты России» по подпрограмме «Университеты как учебно-научно-методические центры функционирования многоуровневой системы образования». В ходе реализации этого исследования была открыта магистратура на математическом факультете, где проводилась опытно-экспериментальная работа по проекту ДПОП «Преподаватель высшей школы». Проблемы взаимосвязи педагогической науки и практики также являются предметом научных интересов. В рамках учебно-научно-педагогического комплекса «Университет — лицей № 22» под руководством Т. А. Вороновой более десяти лет ведется опытно-экспериментальная работа по реализации личностно-деятельностного подхода в образовании, апробируются новые формы сотрудничества ученых, учителей, студентов и учащихся в учебно-ис-

следовательской и научно-исследовательской работе. В 2003 году в ИвГУ Т. А. Вороновой инициировано создание Центра мониторинга качества образования, научное руководство которым она осуществляет и в настоящее время. Результаты исследования проблем качества образования в школе и вузе, выявления педагогических условий преемственности начальной, средней и высшей школы в становлении самостоятельной и творческой учебной деятельности также нашли свое отражение в научных публикациях автора, ее аспирантов и соискателей.

Хоть юбилей — пора итогов,
Перечисленье всех заслуг,
Признание дел, успехов многих,
Которые пришли не вдруг,

Мы не желаем Вам покоя,
Беспечности и тишины:
Ваш ум не ведает застоя —
Все мысли вдаль устремлены.

Пусть будут хлопоты, заботы,
Цейтнот, запарка — кучи дел,
И радость творческой работы,
Живого дела беспредел!

Коллеги

Сведения об авторах

- АГЕЕВА** кандидат психологических наук,
Зоя Александровна доцент кафедры психологии
- БАЛДИН** доктор исторических наук, профессор,
Кирилл Евгеньевич заведующий кафедрой
дореволюционной отечественной истории
- ВЕРГАЗОВА**
Елена Владимировна врач городской больницы № 2
- ЖИГАЛИН** ведущий программист
Андрей Александрович отдела дистанционного образования
- ЗАСОБИНА** кандидат педагогических наук,
Галина Александровна профессор кафедры педагогики
- ИЛЬИН** доктор исторических наук, профессор
Юрий Александрович кафедры новейшей отечественной истории
- КАРАСЕВА** кандидат исторических наук, доцент кафедры
Александра Викторовна истории древнего мира и средних веков
- КОРЯГИНА** кандидат педагогических наук,
Ирина Ивановна заместитель начальника отдела образования
администрации Ивановского района
Ивановской области
- КУКЛИНА** кандидат педагогических наук,
Лариса Владиславовна доцент кафедры педагогики
- КУЛАКОВ** заместитель директора по воспитательной
Константин Валентинович работе детского дома № 3
- НАЗАРОВ** доктор психологических наук, профессор,
Владимир Иванович проректор по учебной работе
- НИЛОВА** кандидат педагогических наук,
Светлана Владимировна доцент кафедры педагогики
- ПОПЕЛЬ** кандидат психологических наук,
Нина Валерьевна доцент кафедры психологии
- ПОРТНОВ** доктор философских наук, профессор,
Александр Николаевич заведующий кафедрой философии
- РЫЧАГОВ** ведущий программист
Иван Михайлович отдела дистанционного образования
- СМИРНОВА** кандидат исторических наук, доцент
Светлана Тимофеевна кафедры новейшей отечественной истории
- СТЕПАНОВ** кандидат исторических наук, доцент кафедры
Аркадий Владимирович дореволюционной отечественной истории
- ТИМОФЕЕВ** кандидат философских наук,
Михаил Юрьевич доцент кафедры философии
- ФЕДОРОВ** кандидат исторических наук, доцент,
Алексей Александрович кандидат богословия, первый проректор
Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской
православной духовной семинарии